

© *Петербургское библиотечное общество, 2018*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 575 70 66
e-mail: pbo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
“Северо-Западное окружное
Межрегиональное ТУ МПТР России”
от 03 марта 1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал “Петербургская библиотечная
школа” обязательна

Издательский отдел БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)
Отпечатано в ООП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., 1)

Тираж 100 экз. Зак. № 49.
Номер подписан в печать 23.05.2018 г.

Научные исследования

Скрыдлов А.Ю. Из истории
издательской деятельности
Санкт-Петербургской Академии наук:
к 290-летию выхода первого
академического календаря 3

Данилов И.А. Генеалогия саксонских
знатных протестантских родов в трудах
немецких ученых XVI–XVII вв.
(по материалам НИОРК БАН) 10

Жуков А.Е. Архив Н.К. Никольского
в Научно-исследовательском отделе
рукописей Библиотеки Российской
академии наук 16

Батюто С.А. Альфред Людвигович
Бём: новые штрихи к биографии и
научной деятельности 27

Тилева Е.А., Заборовская В.А.
Влияние повреждений документа
на субъективную оценку его
содержания 35

**Книжные коллекции, собрания и
библиотеки в Основном фонде БАН
(по материалам круглого стола)**

Афанасьева И.В., Новоселова А.Н.
Письмо, найденное в Иностранном
фонде Библиотеки Российской
академии наук 41

Ашихмин А.А. Сатирические газеты
начала XX века в Газетном фонде
Библиотеки Российской академии
наук 46

Ермошина Е.В. Книжные коллекции,
библиотеки и собрания в Основном
фонде БАН 49

Жабрева С.А. Штампы и пометы
книжных собраний и частных коллекций
в библиотеке Санкт-Петербургского
Славянского благотворительного
общества 51

Колмакова М.В. Книжные коллекции,
библиотеки и собрания в Славянском
фонде БАН 54

Президент ПБО

Чалова З.В.

Главный редактор

Леонов В.П.

Редакционная коллегия

Басов С.А.

Батюто С.А.

Колтакова Н.В.

Рудая З.А.

Холмогорова О.В.

Веб-райтер

Елкина Н.Н.

Технический редактор

Тюмина М.В.

В оформлении обложки использован
рисунок *Кульматовой Т.В*
«Летний дворец Петра I».

Красникова О.А. Как складывалось картографическое собрание Библиотеки Российской академии наук	57
Лисиченок Е.А. Шляхетская усадебная библиотека XIX столетия (на примере библиотеки Юзефа Жабы)	60
Новоселова А.Н. Книжные коллекции как один из источников комплектования Газетного фонда БАН	63
Попова Е.К. Ознакомительный доклад, посвященный собраниям, представленным в Фонде отечественных монографий БАН	66
Тогузаева А.К. Книготорговец Василий Иванович Клочков	69
Чернышенко Д.Ю. Опыт выявления экземпляров, происходящих из личной библиотеки П.А. Сырку, в фондах БАН	71

Изучаем Восток

Виноградова Т.И. Е Дэхуй. Десять руководств для тех, кто собирает книги (перевод с китайского и комментарии)	74
Кнорозова Е.Ю. Гора Фаттить — культурный центр традиционного Вьетнама	80

Рецензии

Бекжанова Н.В. Доброе начинание	87
---	----

Информация

Люлеев М.В. Экскурсия по библиотечному Петербургу	90
Приложение к журналу	92

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
к 290-летию выхода первого академического календаря**

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению одного из направлений издательской деятельности Санкт-Петербургской Академии наук — изданию календарей и месяцесловов. На основе анализа опубликованных и архивных источников автор рассматривает обстоятельства приобретения Академией календарной привилегии, отмечает типичные особенности различных видов календарей, анализирует дискуссии внутри академического сообщества о целях использования монопольного права на их издание.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская Академия наук, история издательской деятельности, календари и месяцесловы, адрес-календари, Календарная комиссия.

Практика предоставления научным организациям исключительных прав в издательском деле возникла в Европе на рубеже XVII и XVIII вв. Выдающийся немецкий ученый В.Г. Лейбниц считал важным обеспечить научное сообщество собственными источниками дохода, подчеркнув тем самым его самостоятельность. Как известно, Берлинское научное общество, созданное по инициативе Лейбница в 1700 г., не имело государственного финансирования, однако получило от бранденбургского курфюрста «Календарь-патент», закрепляющий исключительное право на получение доходов от продажи календарей [1, с. 138–139]. Идея Лейбница закрепить за главным научным учреждением привилегию на издание и продажу календарей, очевидно, нашла сторонников в России при создании Санкт-Петербургской Академии наук.

Приобретение Академией наук контроля над календарным делом в России неразрывно связано с созданием Академической типографии. Согласно указу Сената от 30 ноября 1727 г. из находящейся в Петербурге «под синодальным ведомством типографии» в ведение

Академии наук передавалась часть станов, литер и типографских служащих. В этом же документе определялось: «И по указу Е.И.В. Высокий Сенат приказали о сочинении оного календаря послать в Академию указ» [2, с. 30]. Упомянутый указ Сената был издан 2 декабря 1727 г., в нем содержалось официальное поручение Академии составить и издать календарь на 1728 г. [3, с. 227].

Процесс издания календарей находился в ведении особой Календарной комиссии, в состав которой входил неприменный секретарь Академии и члены ее Канцелярии, а с 1803 г. — Комитета Правления. Однако регламент работы этой комиссии и круг полномочий долгое время не были четко определены, ее деятельность носила эпизодический характер, и на практике вопросы издания и редакции календарей решались в текущем порядке членами административно-хозяйственного управления. Ежегодно здесь заводилось дело «о напечатании календаря», состоявшее из документов финансовой отчетности — рапортов из типографии, записок о выдаче вознаграждения [4, с. 14]. Составление первых календарей было поручено

академикам и адъюнктам от астрономии — Н.Х. Винсгейму, Ф.Х. Майеру, Ж.Н. Деллилю, Г.В. Крафту и др. [3, с. 227]. В соответствии с Регламентом Императорской Академии наук и художеств, утвержденным в 1747 г., штат Академии предусматривал должность калькулятора для сочинения календарей, который состоял при академике по классу астрономии [5, с. 108].

Главными разделами содержания первых календарей были сведения, указывающие на «затмения солнечные, месячные рождения <...> также время солнечного и лунного восхождения и захождения, долгоденствие и долгоночие, и течение луны в зодиаках на всякий день» [3, с. 227]. При этом первоначально, наряду с астрономическими наблюдениями, размещались астрологические предсказания, однако в 1828 г., после полной передачи календарей в ведение Академии наук, была сделана первая попытка сократить публикации астрологических прогнозов, а в последующие годы их публикация сопровождалась критическими научными примечаниями.

Стремление Академии наук использовать календари для распространения научных знаний проявилось также в том, что с 1729 г. в приложениях к ним стали публиковаться статьи научно-популярного характера различного содержания — астрономические, исторические, географические. Собственно календарная часть издания включала в себя повторяющиеся из года в год разделы: «Изъяснение календарных знаков», «Хронология вещей достопамятных», «О затмениях», «О четырех временах года», «О здравии и болезнях», «Краткое родословное показание <...> владеющих в Европе высоких государей и княжеских фамилий» и другие справочные сведения. С 1733 г. в календарь начали помечать сведения о почтах, с 1775 г. он был дополнен «Реестром губерниям, провинциям и городам, в Российской империи находящимся», с 1779 — «Росписанием городов с показанием расстояний, губернских

городов от столиц, а прочих от столиц и губернских городов».

Распространение просвещения в России стимулировало постепенный рост спроса на академические справочные издания. Это способствовало увеличению тиража календарей, который вырос с 1250 экз. в 1726 г. до 4200 экз. в 1735 г. и 10 000 экз. в 1753 г. В 1760-е гг. XVIII в. одновременно с выпуском Ординарного календаря Академия наук начала печатать тематические календари. С 1762 г. Дополненные сведения о почтовых станциях было решено печатать в специальных дорожных календарях [6]. В них, помимо обычных календарных материалов, содержались сведения о станциях «всех почтовых дорог для путешествующих в государстве», данные об отправлении почт, выдержки из указов «О ямской гоньбе» и «О проезжающих».

В 1767 г. по инициативе конференц-секретаря Академии наук Я.Я. Штелина началось издание ряда новых тематических календарей — географического, исторического, экономического и календаря с наставлениями. Каждый из них был призван популяризировать научные знания в соответствующей области. Так, в первом выпуске географического календаря на 1768 г. среди прочих была помещена статья Л.И. Бакмейстера «Краткая география Российской империи» с приложением к ней двух карт под заглавием «Генеральная карта Российской империи» и «Расстояния знатных городов Российской империи в верстах» [7, с. 49–72]. «Календарь или месяцослов экономический», также впервые вышедший на 1768 г., включал в себя статьи, связанные с рациональным ведением домашнего хозяйства. Так, в одной из статей первого издания описывалась «машина, с помощью которой всякое белье с меньшим трудом мыть и при мытье лучше сберечь можно» [Календарь или месяцослов экономический, 1767: 31–34], а в календаре на 1775 — новый способ «к сушению всяких съестных трав и к сохранению оных для всегдашнего

употребления» [8, с. 29–57]. На страницах исторических календарей размещались статьи известных историков А.Л. Шлецера, И.Э. Фишера, Г.Ф. Миллера [9]. «Месяцослов с наставлениями» не имел строгой предметной направленности и представлял собой сборник научно-популярных статей, оформленных в виде практических советов обывателям. Среди прочих материалов интерес вызывают многочисленные публикации известного ученого-энциклопедиста П.С. Палласа, который делился с читателями «новым способом очищать в короткое время место от зараженного воздуха», «описанием способа делать морскую воду в дальних путешествиях к питью годною» и другими советами [10].

По предложению директора Академии наук С.Г. Домашнева в 1777 г. было принято решение сократить число тематических календарей и объединить «Географический календарь» с «Историческим», а «Экономический» с «Месяцословом с наставлениями». Наиболее интересные материалы, ранее напечатанные в тематических календарях, начиная с 1785 г. повторно публиковались в «Собрании сочинений, выбранных из месяцословов за разные годы». За 1785–1793 гг. было издано 10 томов, редактором издания был академик Н.Я. Озерецковский [11, с. 635–644].

В 1763 г. перечень академических календарей пополнился еще одним изданием — адрес-календарем. Этот официальный справочник, включавший в себя список центральных и местных органов власти с указанием их личного состава, со временем стал важным элементом управленческой иерархии в Российской империи. По данным П.П. Пекарского, в октябре 1763 г. Екатерина II «изустно» повелела Канцелярии Академии наук запросить из присутственных мест сведения о штатах российского чиновничества для издания адрес-календаря [12, с. 663–664]. В исполнение императорского поручения 18 ноября 1764 г. из Герольдмейстерской конторы в Канцелярию

Академии наук был направлен список «Высокоучрежденным господам сенаторам, генерал- и обер-прокурорам, президентам, вице-президентам и членам, генерал-губернаторам, губернаторам, воеводам и их товарищам, также прокурорам и секретарям, которые в приеме дежурном или дневальном» [13, с. 403]. Этот документ лег в основу первого адрес-календаря, проект которого был составлен И.И. Таубертом и 31 декабря 1764 г. представлен на согласование императрице.

Получив высочайшее распоряжение издать календарь за казенный счет, Академическая типография в срочном порядке, «чрезвычайным набором», «в шабашные часы, так и в праздничное время» приступила к печати календаря. 15 марта 1765 г. из типографии в Канцелярию Академии наук поступил рапорт об окончании работ. Первый выпуск, озаглавленный как «Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова 1765, показывающий всех чинов и присутственных мест в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит», имел объем 152 страницы и содержал информацию о придворных чинах, командирах гвардейских полков, членах Правительствующего Сената, Святейшего синода и коллегий. Помимо центральных учреждений, в справочнике перечислялись должностные лица столицы и губерний. Перечень «знатнейших в государстве чинов и присутственных мест» дополнялся полезной обывателю информацией о государственных и церковных праздниках, расписанием почтовых отправок и т.д. На последних страницах первого выпуска составители календаря признавали, что, т.к. «краткость времени не дозволила отовсюду собрать верные справки», в календаре «найдутся некоторые неисправности в именах и титулах» [14, с. 130]. Обо всех найденных в календаре неточностях читателям предлагалось сообщить в Академию наук до декабря 1765 г.

Общий тираж различных видов календарей, выпускаемых Академией наук,

непрерывно увеличивался на протяжении XVIII — первой половины XIX вв. Так, если вначале 1780-х гг. он составлял чуть более 12 тыс. экз., то к 1793 г. вырос до 28 тыс. Более чем двукратный рост тиража был обеспечен усилиями княгини Е.Р. Дашковой, которая создала условия для «более раннего выхода календарей и для своевременной рассылки их в отдаленные губернии» [15]. К середине XIX в. тираж одного только Ординарного календаря составлял около 25 тыс. экз., а общий тираж превысил 50 тыс. Большая часть тиража поступала в свободную продажу, которая осуществлялась через книжные лавки частных продавцов.

Академия наук дорожила своим монопольным правом на издание календарей и ревностно оберегала его от посягательств со стороны частных издателей. Так, в 1738 г. по распоряжению Анны Ивановны был введен запрет на ввоз в Россию календарей, изданных в Польше. В связи с тем, что в этих календарях были обнаружены «некоторые злоумышленные и непристойные пассажи, чем нерассудительный народ может прийти в какой соблазн и сомнение», императрица приказала «все те календари в Киеве сжечь <...> и впредь оных в границы наши пропускать не велеть» [16]. В 1780 г. исключительное право Академии наук на издание календарей было подтверждено Екатериной II. Указ был издан в связи с жалобой директора Академии наук С.Г. Домашнева на содержателя типографии Артиллерийского и инженерного корпуса Х.Ф. Клеэна, который без разрешения Академии напечатал месяцеслов на 1780 г. Соглашаясь с тем, что это «сочинение особо Академии с начала ее учреждения принадлежащее, да и всякое перепечатывание <...> делает Академии убыток и расстройку», императрица запретила продавать изданные на частные средства календари, а уже напечатанные экземпляры повелела передать в Академию [17]. Календарная привилегия была официально закреплена в параграфе 115 Регламента Академии наук 1803 г.

[18, с. 138] и подтверждена Уставом 1836 г. [19, с. 152]. В 1819 г. президент Академии наук С.С. Уваров попытался оспорить право Остзейских губерний печатать собственные месяцесловы, заявив, что это входит в противоречие с академической привилегией. Требования С.С. Уварова, однако, были оставлены без удовлетворения Главным правлением училищ с заключением о том, что «право печатания употребительных в Остзейских губерниях календарей предоставлено оным многими весьма древними привилегиями, подтвержденными неоднократно» [20, л. 6]. В 1850-х гг. серьезную конкуренцию академическим календарям составили губернские памятные книжки, в которых публиковалась схожая информация о церковном летоисчислении, астрономическом годе и праздниках. 12 сентября 1857 г. С.С. Уваров высказал протест против включения в памятную книжку Казанской губернии «некоторых предметов, входящих в состав календарей» [13, с. 401].

Энергичные меры со стороны Академии наук в защиту привилегии были вызваны тем, что издание календарей было прибыльным предприятием. Так, в последнее десятилетие существования календарной монополии, т.е. в 1840–1850-х гг., привилегия приносила в академический бюджет от 9500 до 12 500 руб. серебром и служила «удобным источником для покрытия разных неотложных и неизбежных в столь обширном учебном учреждении издержек, для которых в штате 1839 г. особых сумм не ассигновалось вовсе» [15, л. 1 об.–2]. Вместе с тем, оборотной стороной роста доходов Академии наук от продажи календарей были высокие цены на эти издания, которые были недоступны широкой аудитории читателей. Использование привилегии для получения выгоды вызывало неоднозначную реакцию внутри академического сообщества. С критикой такого подхода выступил академик П.И. Кеппен, который 21 августа 1845 г. направил в Комитет Правления докладную

записку «Об удешевлении стоимости календарей с целью сделать их более доступными для народа» [21, л. 2–3]. Ученый обращал внимание членов Комитета на то, что «календарь есть книга, посредством которой можно распространять в народе множество общепользующих познаний» и что именно «в этих-то видах издание календарей было предоставлено Императорской Академии наук» [21, л. 1–1 об.]. Продолжая мысль о том, что главной задачей издания календарей должно быть распространение просвещения, П.И. Кеппен заявлял, что «смотреть на издание календарей как на простой источник дохода было бы недостойно имени Великого основателя Академии и несовместимо со званием Академика» [21, л. 1]. Академии наук, по его мнению, дозволяется «пользоваться некоторой выгодой» от поручения издавать календари, однако «право на извлечение дохода из этого источника во всяком случае может быть только условное, ограниченное», «доколе тем не затрудняется приобретение календарей людьми более или менее недостаточными» [21, л. 1].

Из статистических данных, собранных П.И. Кеппеном, следует, что прибыль от продажи одного только Ординарного календаря, после вычета издержек на его подготовку и издание, составляла 185%, а самым прибыльным из всех был Стенной русский календарь, который вначале 1840-х гг. приносил 364% чистого дохода [21, л. 2–3]. Столь большую наценку к себестоимости издания календаря П.И. Кеппен считал несправедливой и предлагал Комитету Правления «отныне стремиться к понижению цены на календари, как на такие издания, которые составляют потребность целого народа» [21, л. 5 об.]. Снизить цену, по мнению академика, можно было как путем сокращения наценки, так и с помощью снижения издательских расходов. Судьба докладной записки П.И. Кеппена неизвестна, в 1840–1850-х гг. его предложения так не были реализованы.

Вопрос о соотношении просветительских и коммерческих целей при

использовании календарной привилегии вновь был актуализирован в 1857 г., когда к президенту Академии наук Д.Н. Блудову обратился известный издатель А.Ф. Смирдин с предложением отдать ему «на десятилетнее арендное содержание Месяцослова, во всех его видах <...> за ежегодную плату, равную среднему годовичному доходу, выведенному из сложности доходов за последние десять лет» [22, л. 1]. Для рассмотрения предложения А.Ф. Смирдина была сформирована комиссия, в которую вошли представители всех трех отделений Академии наук. В своем отчете, зачитанном в Общем собрании Академии 13 января 1858 г., члены комиссии, среди которых были академики Э.Х. Ленц, Д.М. Перевощиков, А.А. Кунник, высказались «против отдачи в аренду академических календарей», аргументируя свой отказ тем, что «Академия подвергается опасности вовсе лишиться своей привилегии относительно к изданию календаря, если будет рассматривать его единственно как источник доходов» из-за того, что «откупщик календаря при издании его будет иметь в виду только извлекать из него возможно большую материальную выгоду, не обращая при том особенного внимания на репутацию Академии и на основательность календаря» [22, л. 2]. Единственно правильным решением, по мнению комиссии, было сохранение календарной привилегии за Академией наук «на прежнем основании», но с повышением ее эффективности.

Дискуссия о будущем академического календаря продолжилась на Общем собрании Академии наук 7 февраля 1858 г. По утверждению академика К.С. Веселовского, Календарная комиссия, в ведении которой должен был находиться издательский процесс, существовала «лишь на бумаге и в течение многих лет не обнаруживала ничем своего существования» [22, л. 6]. К.С. Веселовский предложил закрепить за Конференцией Академии наук обязанность контролировать подготовку и издание календарей, а также формировать Календарную комиссию,

в которую теперь должны входить не члены административно-хозяйственного управления, а академики. Предложения К.С. Веселовского были утверждены Общим собранием Академии, членами новой Календарной комиссии были избраны академики А.А. Куник, Д.М. Перевощиков, О.Н. Бетлинг. Девять месяцев спустя, 14 ноября 1858 г., новый состав Календарной комиссии представил Общему собранию проект «Правил об издании и сбыте календарей, печатаемых Императорской Академией наук». Документ регламентировал процедуру подготовки и издания календарей, четко распределяя обязанности между Календарной комиссией, редакторами и Комитетом Правления, а также вопросы финансовой отчетности, и был утвержден академиками «в виде опыта» [22, л. 7].

Изменения в процессе подготовки календарей, принятые Академией наук, не смогли предотвратить постепенную отмену академической привилегии. Первые ограничения календарной монополии начали появляться еще в 1840-х гг., когда отдельные учреждения, расположенные на окраинах империи, получили право издавать местные календари. В результате календарные типографии возникли в Одессе, Тифлисе, Вильне, Ревеле, Риге и царстве Польском, при этом они печатали календари как на национальных языках, так и русском [15, л. 3]. Окончательная отмена исключительного права Академии становилась неизбежной. Общая тенденция либерализации законодательства в сфере печати в годы правления императора Александра II не обошла стороной календарную монополию. Логическим продолжением закона 6 апреля 1865 г. «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» стал указ от 27 сентября 1865 г., согласно которому все желающие частные издатели получили возможность печатать календари, «с соблюдением существующих по делам печати узаконений» [23]. В последующие три года академические календари пытались на равных

конкурировать с изданиями частных торговцев, при этом прибыль Академии от года к году сокращалась, пока в 1869 г. издание календарей не стало убыточным. В 1870 г. решением Конференции их издание в Академии наук было прекращено.

Таким образом, на протяжении полутора столетий календарная привилегия являлась важным источником, благодаря которому Академия наук получала средства для покрытия дополнительных расходов, возникавших в ходе научной работы. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что календари рассматривались академическим сообществом не только как средство извлечения прибыли, но и как важный канал популяризации научных достижений. Сочетание этих функций дает возможность заключить, что календарная привилегия играла важную роль в развитии Академии наук в имперский период, позволяя ей реализовывать свои основные цели — «расширять пределы всякого рода полезных человечеству знаний» и иметь «попечение о распространении просвещения» [19, с. 147].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Копелевич Ю.Х.* Возникновение научных академий. Л., 1974. 267 с.
2. *Юферов Д.В.* Ранняя деятельность Академической типографии // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 2. С. 29–31.
3. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. IV. Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966. 287 с.
4. *Арутюнян В.Г.* Из истории адрес-календаря [1801–1825] // Румянцевские чтения. М., 2007. С. 13–19.
5. *Соболев В.С.* Во главе первого учебного общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917. СПб., 2015. С. 90–112.
6. Дорожный календарь на 1762 год, с описанием почтовых станций в Российском государстве. СПб., 1762.

Научные исследования

7. Календарь или месяцеслов географический на 1768 год. СПб., 1767.
8. Календарь или месяцеслов экономический на 1768 год. СПб., 1767.
9. Календарь или месяцеслов исторический на 1768 год. СПб., 1767.
10. Месяцеслов с наставлениями на 1777 год. СПб., 1776.
11. *Смагина Г.И.* Академия наук и развитие образования в России в XVIII в. // Вестник Российской Академии наук. 2000. № 7. С. 635–644.
12. *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. В 2 т. Т. 1. СПб., 1870. 774 с.
13. *Румянцева М.Ф.* Справочные издания // Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 1998. С. 399–407.
14. Адрес-календарь российский на лето от Рождества Христова 1765, показывающий всех чинов и присутственных мест в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит. СПб., 1765.
15. СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21.
16. ПСЗ-1. Т. X. № 7715.
17. ПСЗ-1. Т. XX. № 14985.
18. *Соболев В.С.* Во главе первого ученого общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917. СПб., 2015. С. 113–145.
19. Устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 1836 г. // Соболев В.С. Во главе первого ученого общества империи: нормативно-правовые основы деятельности президентов РАН. 1725–1917. С. 148–178.
20. СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 5.
21. СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 12.
22. СПбФ АРАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 15.
23. ПСЗ-2. Т. LXV. № 42496.

ГЕНЕАЛОГИЯ САКСОНСКИХ ЗНАТНЫХ ПРОТЕСТАНТСКИХ РОДОВ В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ УЧЕНЫХ XVI–XVII вв.

(по материалам НИОРК БАН)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена немецким ученым, которые работали на территории Саксонии в XVI–XVII вв. и создали первые фундаментальные труды по генеалогии протестантских знатных родов курфюршества. Их разыскания, наряду с сочинениями о сопредельных землях данного региона, положили начало немецкой исторической науке. Редкие издания этих ранних историографических штудий хранятся в собрании НИОРК БАН.

Ключевые слова: редкие генеалогические труды, Библиотека Российской академии наук, Саксония, раннее Новое время, протестантская знать, Цириак Шпангенберг, Петер Альбин, Лаврентий Пеккенштейн, Антон Век.

В прошлом году весь мир отмечал 500-летие начала Реформации. Это ключевое событие европейской истории стало водоразделом между Средними веками и Новым временем, в котором мы продолжаем жить и сейчас. Однако смена социокультурной парадигмы не была единичным актом. Раннее Новое время или Конфессиональная эпоха является прямой наследницей увенчавшей Позднее Средневековье эпохи Возрождения с ее синтезом наук и искусств, чьи титаны были одновременно поэтами, живописцами, скульпторами и учеными. Именно на это время приходится расцвет наук в Германии, в том числе зарождается историческая наука, и в частности, предпринимаются первые попытки *систематических* хронологических описаний. Вместе с тем для высших сословий Раннего Нового времени особенно актуальной проблемой на фоне межконфессиональной борьбы становится утверждение собственной власти. А ее легитимация подразумевает наличие исторических обоснований властных претензий той или иной династии. В результате появляется потребность в описаниях истории конкретного рода. Так, собственно, и зарождается генеалогия

как историческая дисциплина. И первые генеалоги занимаются составлением истории родов по заказу тех, кто стремится к подтверждению своего статуса в сословной иерархии. Стоит также отметить, что эта задача решается историографами не без влияния новых барочных тенденций в культуре. Так, например, характерный момент составляемых ими генеалогий — искусственное увеличение древности того или иного рода, которое, с одной стороны, призвано польстить заказчику и усилить исторический аргумент в пользу легитимности его властных притязаний, а с другой стороны, является очевидной попыткой представить историю рода по аналогии с историей человечества как непрерывный и целостный процесс. Однако, несмотря на подобные «приписки» знатному роду нескольких «лишних» веков существования, именно генеалоги начинают работать с источниками в архивных хранилищах своих земель. Поэтому историографию раннего Нового времени можно охарактеризовать как начало современной исторической науки.

В данной статье акцент сделан на тех генеалогах, которые посвятили свои работы саксонским рыцарским родам,

а также высшей знати Саксонии в лице Веттинов. И такой выбор не случаен: Саксония в это время играет ключевую роль в истории Германии и является оплотом протестантизма. Это политически чрезвычайно активное княжество, заявляющее о себе не только на внутримперской, но и на международной арене. Курфюршеская власть в нем опирается на сильную, богатую и развитую рыцарскую элиту, готовую к самостоятельной политической деятельности. Поэтому в Конфессиональную эпоху здесь всячески поддерживаются генеалогические труды, посвященные не только роду самого курфюрста, но и фамилиям его вассалов.

Труды, посвященные высшим сословиям Саксонии, появились уже в середине XVI в., и в следующую половину столетия их число постоянно росло (1). Однако первый в ряду ранних историографов и генеалогов саксонской знати, о ком необходимо упомянуть особо, — поэт, теолог и историк *Цириак Шпангенберг* (Cyracus Spangenberg; 1528–1604). Он родился в Нордхаузене в семье известного реформатского богослова Иоганна Шпангенберга [подробнее о нем см.: 9] [10], с ранних лет привившего сыну интерес к трудам Лютера и Меланхтона и неизменно патронировавшего его образование. Цириак учился в латинской школе Нордхаузена, которую сначала возглавлял его отец, а затем ученик Меланхтона Базилиус Фабер (Basilius Faber; ок. 1520–1576). В 1542 г. он поступил в Виттенбергский университет, где проявилась склонность молодого ученого к исследованию рукописей, прежде всего неопубликованных исторических источников. По окончании университета в 1550 г. Шпангенберг стал пастором церкви св. Андреаса в Айслебене, заняв это место после умершего отца, а в 1559 г. — проповедником при дворе графов Мансфельдов, правителей Саксен-Ангальта. Он выступал против Аугсбургского интерима (1548), изданного императором Карлом V после победы в Шмалькальденской войне (1546–1547)

для достижения межконфессионального мира на условиях католической партии и ставшего катализатором нового витка внутрипротестантской полемики. Несмотря на «меланхтонистское» воспитание, Шпангенберг примкнул к гнессолютеранам во главе с непримиримым оппонентом Меланхтона Маттиасом Флациусом, которого поддерживал в вопросе о первородном грехе как сути человеческой природы, за что вместе с другими флацианцами обвинялся в манихействе (именно против этого тезиса была направлена первая статья «Формулы согласия», 1577) и написал Апологию в свою защиту (2). В 1574 г. он вынужден был бежать из Мансфельда в Зангерхаузен, затем с 1581 г. был пастором в Шлитце (Восточный Гессен), наконец, в 1595 г. поселился в Страсбурге, где провел остаток жизни в собственно исторических штудиях [см. об этом: 11] [12]. Именно здесь он составил ряд хроник: Мансфельдскую (Mansfeldische Chronica), Кверфуртскую (Querfurtische Chronica), Хеннебергскую (Henneberger Chronica), а также хронику графов фон Гольштейн-Шаумбург (Chronica der Grafen von Holstein-Schaumburg), которые вошли в доведенную до конца XVI в. Саксонскую хронику [13]. Другой важнейший историко-генеалогический труд Шпангенберга — двухтомное описание немецких благородных родов «Дворянское зеркало» [14]. Это сочинение представляет особый интерес, так как в нем сделан акцент именно на рыцарской знати, и, пожалуй, впервые в немецкой историографии она рассматривается как неомогенная сложная структура. В частности, именно здесь семьи Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг выделены в самостоятельную группу в рамках своего сословия и названы «четырьмя столпами» саксонского дворянства.

Младший современник Цириака Шпангенберга *Петер Альбин* (1543–1598) родился в г. Шнееберг к юго-западу от Дрездена в семье архитектора, строителя тамошней Госпитальной

церкви Петера Вайса (Peter Weis) и, являясь полным тезкой отца, впоследствии латинизировал свое имя, став Petrus'ом Albinus'ом. В отрочестве будущий историк посещал латинскую школу в Шнееберге и княжескую школу (Fürstenschule) в Мейссене, а с 1553 г. совершенствовал свои познания в университетах Лейпцига, Франкфурта-на-Одере и Виттенберга, где изучал юриспруденцию и историю. В 1578 г. Альбин стал профессором поэзии в Виттенберге, а в 1586 г. — ректором Виттенбергского университета. Все это время он занимался исследованием архивов и сбором сведений по истории Саксонии, для чего много путешествовал (например, разыскивал источники о жизни Георга Агриколы). Получив должность секретаря и архивариуса курфюрста Саксонии Христиана I и его потомков, которую занимал с рубежа 1587–1588 гг. и до конца жизни, на основе юридических актов и прочих документов из курфюршеского собрания Альбин создал свой главный труд — двухтомник «Мейссенская хроника» [15] (3). В первом томе, текст которого предваряет посвящение Христиану I, подробно описываются история Мейссена, в том числе некогда населявшие эту территорию племена вендов (венедов), период пребывания здесь известных властителей Раннего Средневековья (например, Карла Великого) и правление маркграфов Мейссена, а также представители знатных родов данного региона. Во втором томе, имеющем тройное посвящение: Христиану I и его сыновьям Иоганну Георгу и Августу, речь идет об истории мейссенских рудников (кто ими владел в разное время, о мастерах горного дела). Уже после смерти Альбина, в 1602 г. в Лейпциге увидело свет еще одно, на этот раз сугубо генеалогическое сочинение историографа — 465-страничная «Новая родовая книга и описание древних королевских курфюршеских Домов Саксонии...» («Neues Stammbuch und Beschreibung des uhralten königlichen / Chur- und Fürstlichen / und Geschlechts

Hauses zu Sachsen...»). Кроме того, его перу принадлежат «Шнеебергская городская хроника» («Schneeberger Stadtchronik»), которая не была завершена, но частично вошла в «Мейссенскую хроника», а также ряд других сочинений хроникального характера, оставшихся неопубликованными и ныне хранящихся в архивных собраниях Альтцеллы, Аннаберга, Кримитшау, Торгау и Саксонской государственной библиотеки в Дрездене (Sächsische Landesbibliothek — Staats- und Universitätsbibliothek Dresden; SLUB), чьей предшественницей была созданная отцом Христиана I Августом Саксонская Королевская библиотека [подробнее об Альбине см.: 16].

Биографические сведения о следующем генеалоге *Лаврентии (Лоренце) Пеккенштейне* (1549 — ок. 1618) крайне скудны. Известно, что он родился в г. Гримма неподалеку от Лейпцига, некоторое время был управляющим местной княжеской школы (Fürstenschule) и вплоть до 1618 г. состоял в должности официального историографа при дворе курфюрста Саксонии Иоганна Георга I [17], а кроме того, как писатель отличался завидной плодовитостью, причем в многочисленных трудах уделял внимание не только своему, но и соседним регионам (4). Наиболее важным для нашей темы является «Театр Саксонии» («Theatrum Saxonicum») Пеккенштейна, состоящий из трех частей [18] (5). В первой из них речь идет о происхождении маркграфов Мейссена, затем описываются епископства Мейссен, Мерзебург, Цейц и прочие, горнорудные производства в районе Фрайберга, наконец, история правителей Саксонии вплоть до Христиана II и наиболее знатных рыцарских родов, начиная с «четырёх столпов» местного дворянства — Шенбергов, Шляйницев, Бюнау и Пфлугов, которых он, с опорой на авторитет Шпангенберга, тоже выделяет в самостоятельную группу. Вторая и третья части посвящены саксонским городам, включая область Мейссена и Тюрингию. В своем сочинении Пеккенштейн использует разнообразные

кодексы, родовые гербовники, образцы погребальной эпитафии и надгробные проповеди.

Среди историков XVII в. следует особо выделить советника курфюрста Саксонии *Антон Века* (1623–1680). Он родился в семье торговца шерстью в г. Аннаберг неподалеку от Хемница. В 1635 г. юный Века отправился в Дрезден, где сначала стал писарем высшей консистории, а затем трудился под руководством придворного проповедника Маттиаса Гоэ фон Гоэнегга (Matthias Hoë von Hoënegg; 1580–1645), пока в 1641 г. не получил должность в канцелярии курфюрста. С 1648 г. он отвечал за иностранный секретариат и регистратуру при старом архиве канцелярии. А в 1662 г. принял руководство тайным имперским секретариатом (geheime Reichssekretariat) и был назначен в Совет. В должностные обязанности Века входило выполнение разнообразных задач дипломатического характера. Поэтому, среди прочего, он сопровождал курфюрста на рейхстагах 1660 и 1661 гг. в Вене и 1662 г. в Готе [19]. В течение тридцати лет по поручению Иоганна Георга II Века работал над «Описанием и изображением прославленной резиденции и столицы саксонских курфюрстов Дрездена» [20] (6), которое закончил и опубликовал незадолго до смерти. Это сочинение до сих пор не утратило своей научной ценности и считается одной из основополагающих работ по истории города. Помимо использованных в нем уникальных источников, доступных Веку по роду службы, особое значение имеют представленные здесь списки правителей Саксонии с указанием дат крестин (когда они известны) и крестных. Благодаря этим данным можно проследить, как имена последних попадали в ономастикон Дома Веттинов.

Завершая краткий обзор историографических штудий саксонской знати в XVI–XVII вв., еще раз подчеркнем, что все вышеназванные труды носили заказной характер и в условиях жесткой

межконфессиональной борьбы, без сомнения, были политически ангажированы. Таким образом, генеалогия как самостоятельная научная дисциплина зародилась и развивалась в первые века своего существования благодаря поддержке представителей властных элит, которые финансировали эти исследования и публикацию их результатов, получая в ответ не только официальное посвящение, но и исторические преференции в виде прославления своего рода.

Другим немаловажным моментом является то, что, благодаря существованию подобного политического заказа, ученые, занимавшиеся генеалогией в то время, получили неограниченный доступ к родовым, церковным и государственным архивам, что позволило уже на этом этапе ввести в научный оборот огромный массив уникальных документов. Причем многие из них в ходе исторических катклизмов следующих веков были безвозвратно утрачены.

ПРИМЕЧАНИЯ

Статья апробирована на научных чтениях «Мария Сибилла Мериан (1647–1717 гг.) и ее время» (С.-Петербург, БАН, 5 апреля 2017 г.).

1. Прежде всего отметим две хроники В. Краусса [1] [2] [3] и экскурс в историю Мессена Райнера Райнекиуса [о самом историке см.: 4], а также генеалогию саксонских правящих династий А. Ремпе [5], и наконец, работы евангелического проповедника, теолога и историка Бальгара Менца (1500–1585), которые были опубликованы лишь после его смерти, когда подобного рода сочинения стали наиболее востребованными [6], [7] [см. о нем: 8].

2. Среди богословских трудов Шпангенберга следует назвать комментарии к библейским текстам, разные редакции катехизиса, а также многочисленные проповеди, прежде всего посвященную духовным гимнам главы Реформации «Кифару Лютера» («Cithara Lutheri», 1568) и 21 проповедь о его жизни.

3. Экземпляр этого редкого издания хранится в НИОРК БАН в Петербурге. Первый том (собственно сама «Мейссенская хроника») богато украшен гравюрами на дереве с изображением гербовников маркграфства Мейссен, Саксонии, Тюрингии и других земель, а также гравированными портретами правителей Мейссена (в том числе супруги графа Витпрехта Старшего Юдит Богемской и их сына Витпрехта Младшего) и тех исторических деятелей, которые, как, например, Карл Великий, бывали на этой территории.

4. Ср., например, следующие его сочинения: «Ordinum equestrium tam veterum quam recentium relation» (Dresden, 1595), «Wittekindeae familiae prosapia. Libri IV» (Jena, 1597), «Marchionum Brandenburgensium et Burggraforum Norimberg. enarratio ad a. 1590 deducta» (Jena, 1597), «Rerum Silesiacarum succincta exposition» (Leipzig, 1606), «Poliographia. Histor. Erzählung etlicher Städte in Schlesien» (Leipzig, 1606), «Rerum Ungaricarum status. Beschreibung der Obristen G. Castrioti, Joh. Huniadi, Matth. Corvini» ([o. O.], 1606).

5. Экземпляр этого раритетного издания, богато украшенного гравюрами на дереве с изображениями маркграфов Мейссена, курфюрстов Саксонии и дворянских гербов, имеется в собрании НИОРК БАН в Петербурге.

6. В НИОРК БАН в Петербурге хранится экземпляр этого редкого издания, отпечатанного в нюрнбергской типографии Христиана Сигизмунда Фробергера. В ряду многочисленных гравюр на дереве и меди есть портрет заказчика Иоганна Георга II, план и панорама Дрездена, изображения городских достопримечательностей, а также печатей курфюрстов Саксонии, и т.д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Krauß W.* Chronica des Stams und Ancunft der Durchlauchtigsten... Chur und Fürstlichen Hauses zu Sachsen... Wittemberg, 1555.

2. *Krauß W.* Meissnische Chronica, wie die hochgebornen Fürsten von Meissen etc. erst herkommen und Chrislichen glauben angekommen haben... Leipzig: Steinman, 1576.

3. *Reineck R.* Von der Meissner anfenglichem herkommen, geschichten, thaten, verenderung der Sitze, mancherley Herrschafften und wie sie endlich in Deutschland kommen, kurtzer bericht. Leipzig: Vögelin, 1570.

4. *Zimmermann P.* Reineccius, Reiner // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889. Bd. 28. S. 17–19; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz76023.html#adbcontent>.

5. *Rempe A.* Genealogia, oder Stamm-baum des... Chur und Fürstlichen Hauses zu Sachsen... Zu ende sind auch die Könige in Franckreich, welche auss Höchst und Hochgedachten Stam Sachsen... Jhena [Jena]: Tobias Steinman, 1594.

6. *Menz B.* Stambuch und kurtze Erzehlung vom Ursprung und Hehrkomen der Chur und fürstlichen Heuser, Sachsen, Brandenburg, Anhalt und Lawenburg... Wittemberg: Georg Müller, 1598.

7. *Menz B.* Die Durchlauchtigste hochgeborne Evangelische Hertzoge zu Sachsen... Wittenberg, 1621.

8. *Tschackert P.* Menz, Balthasar // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885. Bd. 21. S. 377; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz61762.html#adbcontent>.

9. *Tschackert P.* Spangenberg, Johannes // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1893. Bd. 35. S. 43–46.

10. *Kaufmann Th.* Spangenberg, Johann // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker & Humblot, 2010. Bd. 24. S. 622 f.

11. *Schröder E.* Spangenberg, Cyriacus // Allgemeine Deutsche Biographie. 1893. Bd. 35. S. 37–41.

12. *Kaufmann Th.* Spangenberg, Cyriacus // Neue Deutsche Biographie. 2010. Bd. 24. S. 623–624.

13. *Spangenberg C.* Sächsische Chronica: Darinnen Ordentlich begriffen der Alten

Научные исследования

Teutschen, Sachssen, Schwaben, Francken, Thüringer, Meissner, Wenden, Sclauen, Cimbern und Cherussken, Königen und Fürsten... Franckfort am Mayn: Sigmundt Feyerabend, 1585.

14. *Spangenberg C.* Adels-Spiegel. Historischer Ausfürlicher Bericht: Was Adel sey und heisse / Woher er kom<m>e / Wie mancherley er sey / Und was denselben ziere und erhalte... Dem gantzen Deutschen Adel zu besondern Ehren... Schmalkalden: Michel Schmück, 1591–1594. T. 1–2.

15. *Albin P.* Meissnische Land- und Bergchronica...: In 2 Bd. Dresden: Gimel Bergen, 1589–1590.

16. *Sauer B.* Albinus, Petrus // Neue Deutsche Biographie. Berlin: Duncker

& Humblot, 1953. Bd. 1. S. 151; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd116279354.html#ndbcontent>.

17. *Flathe H.Th.* Peckenstein, Lorenz // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1887. Bd. 25. S. 312.

18. *Peccenstein L.* Theatrum Saxonicum. Jehna: Steinmam, 1608.

19. *Müller G.* Weck, Anton // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig: Duncker & Humblot, 1896. Bd. 41. S. 371.

20. *Weck A.* Der Chur-Fürstlichen Sächsischen weitberuffenen Residentz- und Haupt-Stadt Dresden Beschreibung und Darstellung. Nürnberg, 1680.

**АРХИВ Н.К. НИКОЛЬСКОГО
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ
БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обзору материалов научно-исследовательского архива академика Н.К. Никольского, хранящегося в НИОР БАН (ф. 87). Недавно из этих материалов был сформирован фонд, характеристика которого приводится в настоящей работе. Автор дает биографическую справку об академике Н.К. Никольском, описывает историю фонда и раскрывает его содержание.

Ключевые слова: историография, академик Николай Константинович Никольский, архивный фонд.

1. Биографическая справка

Николай Константинович Никольский (1863–1936 гг.) — русский историк, книговед, текстолог, археограф, библиограф, автор трудов по истории древнерусской церкви и книжности. Родился 17 июля (по ст. ст.) 1863 г. в Петергофе, в семье Константина Тимофеевича Никольского, автора трудов по истории канонического права, и Елизаветы Дмитриевны Никольской. Получив хорошее домашнее образование, Николай Константинович в 1877 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную семинарию, а после ее окончания в 1883 г. — в Санкт-Петербургскую Духовную академию (СПбДА). Во время обучения подготовил работу «История Кирилло-Белозерского монастыря после кончины преподобного Кирилла (по рукописям академической библиотеки)» [1]. В 1887 г. Н.К. Никольский окончил СПбДА и удостоился степени кандидата богословия с правом получения степени магистра без нового устного испытания [2]. В 1889 г. он завершил магистерскую диссертацию «История Кирилло-Белозерского монастыря до второй четверти XVII в. после кончины

преподобного Кирилла (по рукописям Академической библиотеки)» [3]. Однако еще до ее обсуждения, по совету своих рецензентов, исследователь предоставил к защите сочинение «О литературных трудах Климента Смолятича, писателя XII века» (работа была издана в 1892 г.) [4]. Это сочинение было защищено в итоге как магистерская диссертация. В 1897 г. вышел первый выпуск первого тома труда Н.К. Никольского по истории Кирилло-Белозерского монастыря [5]. За него исследователь в 1899 г. был удостоен степени доктора, а 30 декабря того же года утвержден в звании ординарного профессора СПбДА [6]. В 1910 г. был опубликован второй выпуск первого тома, посвященный средствам содержания монастыря [7]. В 1912 г. два выпуска первого тома труда о Кирилло-Белозерском монастыре были удостоены малой Уваровской, а затем — Макарьевской премий [8] [8а].

В 1898 г. Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) приняло решение об издании полного собрания памятников древнерусской письменности, начиная с X в. Составить план данного

издания было поручено Н.К. Никольскому. По поручению ОРЯС исследователь выполнил обзор хранилищ Санкт-Петербурга, Москвы, а также предпринял поездку по средней и северной России. По результатам проведенной работы Н.К. Никольский издал «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI в.)» [9]. Материалы, собранные в поездке, легли в основу картотеки Н.К. Никольского по древнерусской книжности. Работу над пополнением последней новыми материалами исследователь продолжал до конца жизни [10] [11] [12]. Картотека Н.К. Никольского так и не была завершена. После его смерти в 1936 г. работу над ней продолжил Н.Н. Зарубин. Однако после его кончины в блокадном Ленинграде пополнение библиографического комплекса прекратилась окончательно.

В 1909 г. Н.К. Никольский покинул СПбДА [13]. Формальной причиной отставки стала ревизия Духовной академии, проведенная Синодом в 1908 г. Однако по предположению ряда исследователей действительной причиной явились события, связанные с церковной реформой после 1905 г., в обсуждении которых принимали участие профессора Академии [14] [15].

Несколько слов следует сказать об указанной реформе и связанном с ней «обновленческом движении». 12 декабря 1904 г. был издан указ «О предначертаниях к совершенствованию государственного порядка», который гарантировал введение в России основ веротерпимости и пересмотр статуса Русской православной церкви. В статье «О желательных преобразованиях в управлении православной церковью» митр. Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) высказался за предоставление церкви расширенной автономии в области управления. Позже этот же деятель подал царю и комитету министров записку, в которой рассуждал о необходимости созыва всех архиереев. Речь шла о восстановлении соборности, как основообразующего принципа

организации церковного управления. 17 марта 1905 г. в еженедельнике «Церковный вестник» была опубликована записка группы петербургских священников «О необходимости перемен в русском церковном управлении» («записка 32-х»). Ее публикация положила начало «обновленческому движению». Одним из первых на «Записку» откликнулся Н.К. Никольский. В газете «Новое время» он опубликовал статью «Почему 32?». Исследователь отметил односторонний характер предлагаемой реформы, а также констатировал необходимость расширения круга лиц, задействованных в обсуждении перемен путем привлечения мирян, клира, преподавателей СПбДА. Он также утверждал, что если в реформе будут задействованы лишь представители черного духовенства, то положительных результатов ожидать затруднительно. Его статья вызвала отклик в широких кругах. Многие поддержали позицию Николая Константиновича. Были, однако, и те, кто выступил по отношению к ней критически (свящ. Г. Петров, Джемс В. Каннингем). Последние утверждали, что вовлечение в соборную деятельность широких кругов послужит фактором, замедляющим реформу. За этой статьей последовал ряд других трудов Н.К. Никольского. Не все они были опубликованы. Тем не менее, своими трудами Николай Константинович повлиял на формирование либерального крыла «обновленческого движения». Объявленная в 1908 г. ревизия в СПбДА стала для консервативного духовенства удобным инструментом для сведения счетов с либеральной профессурой. В частности, под ударом оказался Н.К. Никольский. Против него было сформулировано обвинение из 11 пунктов, призванное обосновать его неблагонадежность, которое и стало причиной его отставки [16].

Летом 1909 г. исследователь был зачислен приват-доцентом императорского Петербургского университета, а в 1912 г. избран профессором Психоневрологического института по кафедре русской

филологии. В 1916 г. Н.К. Никольский был избран академиком по Отделению русского языка и словесности [17]. После 1917 г. исследователь возглавил ряд учреждений и комиссий, деятельность которых была связана с изучением древнерусской книжности.

В 1918 г. по инициативе Н.К. Никольского был создан Музей славяно-русской книжности (просуществовал до 1924 г.). Сам исследователь писал по поводу организации данного учреждения: «В 1918 г., вслед за обращением Наркомпроса к Академии наук с предложением наметить новые научные предприятия, возникла мысль придать единоличной работе более устойчивую форму в виде организации при ОРЯС историко-библиографического Музея славяно-русской книжности, задачи которого были изложены мною в Записке, заслушанной в Заседании Отделения 4 декабря 1918 г.» [18]. Музей не был вновь создаваемым учреждением. Он был официально оформлен как учреждение на основе коллекции научных материалов Н.К. Никольского, существовавшей уже много лет. В 1924 г. решением Общего собрания конференции Российской Академии наук было вынесено постановление о присоединении Музея к Библиотеке Академии наук. Однако окончательно музей был упразднен лишь в 1926 г. [19].

С 1920 по 1925 г. Н.К. Никольский занимал должность директора БАН. На этом посту основная его задача состояла в том, чтобы обеспечить нормальное функционирование учреждения в тяжелых бытовых условиях. Отдельный комплекс проблем предстояло решить в связи с переездом в новое здание и приведением в порядок фондов. Несмотря на возникшие трудности, на посту директора БАН Н.К. Никольский стремился акцентировать внимание на ключевых вопросах, связанных со стратегическими задачами библиотеки. Обращаясь к Общему Собранию Академии наук, ученый отмечал: «От состояния и постановки библиотечного дела и в частности от состояния

ее каталогов в Академии в значительной степени будет зависеть успешность и производительность научных исследований. Эта общепризнанная зависимость налагает особенно тяжелую ответственность на администрацию Библиотеки, высшего учебного учреждения» [20]. Исследователь обратил внимание Общего Собрания также на ряд недостатков, связанных с функционированием библиотеки. Среди таковых он отмечал тесноту помещений и ограниченность средств. Завершить работы, связанные с переездом в новое здание, удалось в 1925 г. 9 сентября этого года состоялось официальное открытие БАН. Кроме активной административной деятельности, Н.К. Никольский уделял повышенное внимание библиографическим работам. Характеризуя деятельность Николая Константиновича на посту директора БАН, Н.В. Крапошина отмечает: «В личном архиве ученого сохранились материалы, свидетельствующие о широте его интересов: это документы по истории пополнения книжных фондов Библиотеки, об истории зданий библиотеки и кунсткамеры Академии наук в XVIII в., выписки из источников о зданиях Академии наук, сведения о переплетчиках, граверах, живописцах, картографрах, геодезистах, мастерах и других служащих Академии, описание инкунабул XV–XVII вв., материалы для истории типографий АН и другие документы» [21]. В условиях приближающегося 200-летнего юбилея Академии наук одним из важнейших направлений работ стало изучение истории академической библиотеки. В августе 1925 г. Н.К. Никольский был вынужден оставить пост директора БАН из-за конфликта с Правлением АН. Причиной разногласий послужило начавшееся отчуждение имущества Библиотеки, с которым академик смириться не мог [22]. Параллельно в 1920–1924 гг. ученый являлся директором Книжной палаты, переименованной впоследствии в Институт книговедения.

С марта 1928 г. Н.К. Никольский возглавил Комиссию по изданию

памятников древнерусской литературы (КПДЛ) (1). В конце 20-х годов изучение древнерусской литературы в Ленинграде было разделено между ней и Комиссией по составлению толковой библиографии (КТБ) во главе с В.Н. Перетцем. В 1931 г. в Ленинград был переведен акад. А.С. Орлов. По его инициативе обе комиссии были объединены в единую Комиссию по древнерусской литературе. Однако КПДЛ фактически продолжала самостоятельную работу даже после преобразования в 1932 г. КДЛ в Отдел древнерусской литературы при ИЛИ (Пушкинский дом, ныне ИРЛИ) АН СССР [23].

Н.К. Никольский умер в марте 1936 г. Оценивая в общих чертах историографическое значение его трудов, ученик и ближайший сподвижник Н.К. Никольского Н.Н. Зарубин отметил: «Ученый с громадной эрудицией и горячим интересом к научным успехам не только в своей, но и в смежных областях гуманитарных дисциплин, Николай Константинович никогда не застывал в своих научных изысканиях и не терпел шаблонов. Он умел будить мысль своих читателей и слушателей, не давал ей успокоиться на достигнутых результатах и, щедро делясь своим огромным запасом знаний, побуждал идти вперед и вглубь в область незатронутых вопросов и неизученного материала. Живой и веселый от природы, с бодрым взглядом на жизнь, он столь же бодро смотрел и на развитие науки, полагая, что в целях достижения истины нельзя останавливаться ни перед какими трудностями, ни перед какими разочарованиями. В этом он видел выполнение нравственного долга перед самим собой, обществом и государством. Здесь невольно припоминаются слова, сказанные Николаем Константиновичем в статье, посвященной памяти А.А.<лександрови>ча Шахматова: «Щедро наделенный исключительными способностями, Шахматов был неповторяем и неподражаем. Недосказанное им останется для нас тайной навсегда. Коллективными усилиями писателей нельзя

воссоздать сгоревшую часть Мертвых Душ, точно так же нельзя заменить или восстановить творческую работу мысли А.А.<лександрови>ча» [24]. Тем самым исследователь поставил своего учителя в один ряд с таким видным исследователем, как А.А. Шахматов. Действительно, вклад Н.К. Никольского в развитие гуманитарного знания трудно недооценить. Его труды, посвященные быту Кирилло-Белозерского монастыря в XV–XVII вв. и истории древнерусской литературы, до сих пор не утратили свою актуальность. Картотека Н.К. Никольского сохраняет свое значение для разыскания новых памятников древнерусской письменности и в настоящее время. Именно поэтому столь высокое значение приобретает систематизация архивного наследия Н.К. Никольского. Часть его материалов оказалась в НИОР БАН и легла в основу настоящего фонда.

2. История фонда

Сразу после смерти Н.К. Никольского был составлен план распределения его архивного наследия. Согласно ему, материалы Н.К. Никольского должны были разделить следующим образом:

1. Древнеславянские и древнерусские рукописи, а также копии отдельных памятников древней письменности передать в Рукописное отделение БАН.

2. Автографы русских писателей XVIII–XX вв. направить в Архив ИЛИ.

3. Из состава книжного собрания предполагалось выделить специальный фонд для формирования при ИЛИ АН СССР кабинета древнерусской литературы. Все оставшиеся после выделения этого фонда книги направить в НИОР БАН.

4. Картотеки по памятникам древнерусской письменности передать в ИЛИ.

5. Архив академика Н.К. Никольского (переписку, рукописи трудов, труды других ученых и их автографы) направить в Архив АН.

6. Ввиду исключительного научного значения рукописного собрания академика Н.К. Никольского предложить БАН

приступить немедленно к подготовке к печати его научного описания.

Документ был подписан директорами БАН, ИЛИ и Архива АН — И.И. Яковкиным, Ю.Г. Оксманом, Г.А. Князевым (соответственно) и направлен на утверждение неперемennomу секретарю АН СССР Н.П. Горбунову. Последний утвердил его со следующими условиями:

1. Книги и рукописи с личными пометами Никольского сохранить, как особое собрание.

2. На всех экземплярах книг, рукописей и т.д. наложить штамп «из собрания акад. Н.К. Никольского».

3. Сохранить картотеки всего собрания с указанием распределения его на карточках.

4. Включить в Комиссию по распределению материалов Н.К. Никольского профессора Зарубина [25].

Сам Н.Н. Зарубин критически отнесся к данному плану. В своем письме Н.П. Горбунову исследователь писал: «Между тем, при распределении книжных и рукописных собраний акад. Н.К. <онстантиновича>ча Никольского вопрос о продолжении его трудов в области древнерусской книжности имеет решающе-принципиальное значение: если от продолжения этих работ отказаться, тогда, конечно, распределение его собраний может происходить как угодно и согласно любым принципам; если же их продолжать, то в этом случае необходимо сохранить не только графически, но и территориально связь между картотекой, книгами и рукописями (не старославянскими и древнерусскими, а современными, содержащими сведения о старинных библиотеках и старопечатных книгах и рукописях) в той мере, в какой она существует сейчас, иногда обозначаемая в книгах и на карточках условными значками, разными пометами и ссылками» [26]. И ниже Н.Н. Зарубин отметил, что Картотека Н.К. Никольского касается всей древнерусской книжности, а не только той ее части, которая составляет предмет интереса историков древнерусской литературы. Наконец, он обратил внимание на то

обстоятельство, что «то распределение научных материалов акад. Н.К. Никольского, которое намечено в протоколе Комиссии от 31/III с.г. и которое развивается в устных заявлениях представителей ИЛИ, по-видимому, не исходит из мыслей о необходимости о продолжении его работ» [27]. Исследователь подверг ряд положений плана распределения научного наследия Н.К. Никольского профессиональной критике. Во-первых, Н.Н. Зарубин обратил внимание на то, что, согласно п. 1 постановления, «копии отдельных памятников древней письменности передаются в БАН». Исследователь отметил, что эти копии — ничто иное, как подготовительные материалы для публикации серии «Памятники древнерусской литературы». В.П. Адрианова-Перетц заявила, что для ИЛИ АН СССР этот материал не представляет ценности. Более того, для копий в учреждении не найдется места. Во-вторых, согласно п. 3, из состава книжного собрания должен быть выделен специальный фонд для формирования «Кабинета древнерусской литературы». Однако это, по мнению Н.Н. Зарубина, вело к дроблению единого комплекса материалов, который представляли собой Картотека Н.К. Никольского и его библиотека. В-третьих, исследователь отметил, что представители ИЛИ были заинтересованы местонахождением библиографического труда «*Bibliotheca slaveno-rossica*», посвященного пергаменным рукописям. Его составление Н.К. Никольский не завершил. По поводу передачи этого труда в ИЛИ АН СССР Н.Н. Зарубин писал следующее: «Этот неоконченный труд оказался теперь для отдела Древнерусской литературы крайне актуальным и уже, по-видимому, включенным в план его научно-исследовательских работ, без участия бывших сотрудников акад. Н.К. <онстантиновича>ча Никольского по КПДЛ, знающих взаимоотношения этой работы с остальными отделами крайне сложной картотеки Н.К. <онстантиновича>ча, без основательного изучения которых и отчетливого

представления последовательных этапов ее формирования не только завершение издания “*Bibliotheca slaveno-rossica*”, но и простое пополнение картотеки новыми карточками совершенно невозможно» [28]. Общая суть изложенных исследователем замечаний заключалась в следующем: если работы Н.К. Никольского по публикации памятников древнерусской книжности и изучению истории древнерусской литературы решено прекратить, то распределять его материалы можно по какому угодно принципу; если же продолжать деятельность в заданном Николаем Константиновичем направлении, то предложенный вариант распределения приведет к дроблению единого комплекса материалов покойного академика и, как следствие, станет непреодолимым препятствием для продолжения программы КПДЛ. 19 мая 1936 г. Н.Н. Зарубин написал еще одно письмо Н.П. Горбунову, направив также копии академикам А.М. Деборину, Н.М. Лукину, а также В.Д. Бонч-Бруевичу [29]. В нем он более сжато, последовательно и предметно повторил основные положения первого письма. Н.Н. Зарубин акцентировал внимание на противоречиях в самом понимании термина «древнерусская литература», которые существовали между Н.К. Никольским и руководством ИЛИ. Николай Николаевич отмечал, что научный путь академика пролегал в направлении от обычного взгляда на древнерусскую литературу как совокупность всех сохранившихся древнерусских сочинений, в значительной степени — церковно-учительного характера, к осознанию «необходимости выделения из этой массы, путем выяснения классовых тенденций этих сочинений, светской литературы, свободной от памятников церковно-учительного содержания» [30]. Далее Н.Н. Зарубин писал: «Картотека перевезена в ИЛИ, представители которого за это короткое время успели уже несколько раз поднимать вопрос о новой “систематизации” ее материалов. Таким образом, глубоко продуманный научный

труд находится перед реальной угрозой быть “пересистематизированным” в интересах требования формальной школы литературоведения, против методологических принципов которой всегда боролся Н.К. Никольский» [31]. Таким образом, во втором письме исследователь перенес акцент с частных недоработок плана распределения материалов Н.К. Никольского на ключевое противоречие между ним и сотрудниками ИЛИ относительно понимания задач изучения древнерусской литературы, которое ставило под угрозу осуществление планов покойного академика. В заключение послания Николай Николаевич высказал некоторые соображения относительно распределения материалов своего учителя: «Не правильнее ли было бы поместить все в Библиотеку Академии Наук, где и картотека находилась бы в условиях правильного и строгого режима хранения и где наличие рядом с ней богатейшего собрания рукописей и старопечатных книг облегчило бы пользование ею» [32].

Второе письмо, однако, не потребовалось. Еще 17 мая 1936 г. пришла телеграмма от Н.П. Горбунова, в которой говорилось: «Библиотеку, картотеку, архивы, рукописи Никольского сохранить как целое в БАН. Пересистематизацию картотеки запретить» [33]. Таким образом, было решено передать в Библиотеку Академии наук рукописное собрание Н.К. Никольского, его библиотеку, Картотеку и часть архива, связанную с работами над изучением древнерусского письменного наследия. Коллекция древнерусских рукописей Н.К. Никольского в настоящее время оформлена в качестве отдельного фонда [34]. В отдельную опись войдет коллекция фотонегативов Н.К. Никольского, также хранящаяся в НИОР БАН. Остальные материалы вошли в состав настоящего фонда.

3. Состав фонда

В результате научно-технической обработки сформировано 388 дел. Основной массив материалов составляют копии

памятников древнерусской книжности, материалы к научным работам и рукописи трудов. Особое место занимают материалы научно-производственной деятельности. Значительная часть последних связана с деятельностью КПДЛ. В состав фонда входят также письма (преимущественно делового характера). В особые разделы выделены материалы других лиц, среди которых — члены семьи Н.К. Никольского, а также ученик и коллега академика Н.Н. Зарубин. В материалах Н.К. Никольского также находились бумаги заведующего Рукописным отделением БАН В.А. Петрова. Причины, по которым они оказались рядом с коллекцией Н.К. Никольского, не ясны. Кроме того, количество материалов, связанных своим происхождением с В.А. Петровым, невелико (всего 6 дел: № 345, 346, 348, 352–354). Поэтому было принято решение не выделять их из состава фонда Н.К. Никольского. Из общего комплекса материалов были выделены карточки и конверты Картоотеки Н.К. Никольского, которые предполагается соединить с последней, а также книги библиотеки Н.К. Никольского. Описания дел внесены в таблицу, состоящую из пяти столбцов. В первом столбце расположен номер дела, который является также его шифром. Во втором столбце помещено описание единицы: сначала указывается ее заголовок, затем раскрывается содержание, далее следуют сведения о том, написано ли дело от руки, передано путем машинописи, печати и т.д. Если та или иная единица была выполнена Н.К. Никольским, указывается слово «автограф» без каких-либо дополнительных уточнений. Если переписчиком был кто-то другой, рядом со словом «автограф» уточняется имя данного лица (например: «Автограф Н.Н. Зарубина»). Если личность или личности, чей почерк отразился в том или ином деле, установить не удается, используется формулировка «Автограф неустановленного/неустановленных лица/лиц». В третьем столбце обозначаются крайние даты, в четвертом — количество

листов. Пятый столбец отводится для примечаний. Дела разделены на 7 разделов.

Раздел 1. *Рукописи научных работ.* Состоит из двух подразделов:

1.1. Опубликованные работы (№ 1–18).

1.2. Неопубликованные работы (№ 19–50).

Дела расположены в хронологическом порядке. Недатированные единицы помещены в конце. В раздел вошли рукописи статей Н.К. Никольского.

В подразделе 1.1 хотелось бы акцентировать внимание на следующих единицах. В деле № 1 содержится корректурный экземпляр магистерской диссертации Н.К. Никольского «О литературных трудах Климента Смолятича», опубликованной в 1892 г. (см. прил. 1). Большинство поправок корректуры по каким-то причинам не отразились в окончательном тексте работы. В этом же деле присутствует черновик неопубликованного в печати доклада Н.К. Никольского «Толк (толкование) митрополита Климента Смолятича (из рукописи Моск. Архива Министерства иностранных дел № 478/958)». В деле № 9 находится черновик масштабного справочного труда Н.К. Никольского «Материалы для повременного списка русских писателей», опубликованного в 1906 г.

Особый интерес представляют материалы раздела 1.2. Дело № 23 «Книжность и письменность» содержит неопубликованную главу труда Н.К. Никольского «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в.». Значительную часть дел, помещенных в разделе 1.2, составляют заготовки для публикаций текстов памятников древнерусской книжности (№ 30–32 и др.). Подобного рода работы состоят из краткой статьи, посвященной публикуемому памятнику, и копий его списков, выполненных, как правило, сподвижниками Н.К. Никольского.

Раздел 2. *Материалы к научным работам.* Состоит из двух подразделов:

2.1. Письменные материалы (№ 51–141).

2.2. Иллюстративные материалы (№ 142–173).

В состав подраздела 2.1 вошли подготовительные материалы к статьям, монографиям и другим научным трудам Н.К. Никольского. Особо следует отметить дела № 67–73, содержащие описания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, выполненные Н.К. Никольским. Исследователь расписывал Кирилловские рукописи по составу. Данная работа обретает ценность в связи с тем обстоятельством, что научного описания рукописей собрания данного монастыря в настоящее время не существует. Также следует отметить д. № 88 «Научно-методические заметки Н.К. Никольского о создании Библиографической летописи». Материалы, связанные с работой данного периодического издания, помещены в разд. 4. Однако данная заметка носит методологический характер и поэтому была вынесена в разд. 2.

Подраздел 2.2 состоит из фотокопий, чертежей, литографических копий документов и памятников. Дела № 142–151 содержат иллюстративные материалы к работе «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в.». Особый интерес представляет д. № 146, представляющее собой ящик с типографскими клише к данной работе. Несколько дел составляют фотокопии списков «Слова Даниила Заточника» (№ 159–162). Последние, вероятно, выполнялись для осуществления издания «Слова Даниила Заточника», выполненного в рамках проектов КПДЛ Н.Н. Зарубиным [35].

Раздел 3. *Копии памятников древнерусской рукописной книжности.* Состоит из четырех подразделов:

3.1. Произведения древнерусских авторов (№ 174–204).

3.2. Памятники древнерусской книжности (№ 205–242).

3.3. Переводные сочинения, послания апостолов, труды Отцов Церкви (№ 243–256).

3.4. Копии материалов законодательного характера, уставов, документов (№ 257–266).

В данный раздел вошли подготовительные материалы для публикации серии «Памятники древнерусской литературы». Дела представляют собой папки, в которые помещены копии со списков тех или иных произведений древнерусской книжности XI–XVII вв., выполненные сподвижниками Н.К. Никольского. Распределение по разделам выполнено на основании Проспекта изданий памятников русской литературы (домонгольского периода), разработанного КПДЛ еще в 1907 г. В соответствии с указанным документом предполагалось отдельно публиковать, с одной стороны, произведения, автор которых известен, а с другой — анонимные сочинения (2). В отдельные подразделы (3.3, 3.4) для удобства поиска были вынесены переводные сочинения, которые являются, строго говоря, ни авторскими, ни анонимными, а также материалы законодательного характера, в отличие от материалов, вошедших в состав предыдущих подразделов, не вписываются в систему истории древнерусской литературы, хотя и относятся к письменности.

Раздел 4. *Материалы научно-производственной и преподавательской деятельности Н.К. Никольского.* Состоит из двух подразделов:

4.1. Материалы деятельности Н.К. Никольского в СПбДА и Академии наук (№ 267–277).

В подраздел 4.1. вошли отчеты Н.К. Никольского (№ 270, 277), материалы связанные, с преподавательской деятельностью в СПбДА (№ 267, 268, 270). Особый интерес представляют дела № 272–274, в которых сосредоточена переписка Н.К. Никольского

с исследователями по поводу организации периодического издания «Библиографическая летопись». Было принято решение поместить их не в разд. 5 «Переписка», а в разд. 4, поскольку указанные письма представляют интерес для изучения организации определенного издания. В единицах № 275–276 сосредоточены оригиналы статей, напечатанных в «Библиографической летописи» в 1914–1915 гг.

4.2. Материалы Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (№ 278–293). В раздел вошли документы, связанные с деятельностью Н.К. Никольского, направленной на организацию научного и преподавательского процесса. Сюда вошли отчеты, финансовые сметы и другие документы КПДЛ, которая с 1928 г. существовала как штатное учреждение под руководством Н.К. Никольского. Здесь же (№ 291) находится переписка В.Н. Перетца и Н.К. Никольского относительно взаимодействия Комиссии по изданию памятников древнерусской книжности и Комиссии по составлению толковой библиографии, которая, как и переписка по поводу издания «Библиографической летописи», рассматривается нами как документ научно-организаторской деятельности, поскольку Н.К. Никольский и В.Н. Перетц возглавляли указанные комиссии.

Раздел 5. *Переписка Н.К. Никольского*. Состоит из двух подразделов:

5.1. Письма Н.К. Никольскому (№ 294–323).

5.2. Письма Н.К. Никольского.

Дела расположены в алфавитном порядке. В начале расположены письма русских корреспондентов, в конце — письма иностранных корреспондентов. В отдельные дела выделены конверты без писем, помещенные после иностранных корреспондентов. Подборка писем носит случайный характер. Основной комплекс писем Н.К. Никольского хранится в СПбФ АРАН. Большая часть писем носит деловой характер. Это послания

коллегам (А.А. Шахматов, В.Н. Бенешевич) и ученикам (А.Ф. Малов). Сюда же входят письма, направленные в различные научные учреждения (№ 308 «Общество изучения христианской старины», № 310 «Российская Академия истории материальной культуры»). В раздел «Переписка» были помещены также рекламные буклеты и открытки, приходившие на почтовый адрес Н.К. Никольского (№ 300, 317). Среди писем Н.К. Никольского следует особо отметить пространное послание неперемому секретарю академику В.П. Волгину, которое представлено в ф. 87 в двух редакциях: в черновой и окончательной (№ 325). В нем Н.К. Никольский пишет об общем отчете В.П. Волгина XVII партсъезду. Исследователь выражает признательность неперемому секретарю относительно высокой оценки деятельности КПДЛ. Высказывает Н.К. Никольский и некоторые критические замечания, подмечая неточности, прокрававшиеся в текст В.П. Волгина. В частности, Никольский отмечает, что в отчете его задачи как главы КПДЛ отождествлены с программами работ и трудами Отдела древнерусской литературы. Н.К. Никольский пишет: «Такое отождествление представляется тем более необъяснимым, что за все время, истекшее после слияния КПДЛ с ИРЛИ и образования при нем ОДЛ, ни от ИРЛИ, ни от ОДЛ КПДЛ ничего, кроме противодействия своим начинаниям и работам, не встречала и до сих пор не встречает» (л. 3). Далее следует поток критики в адрес руководства Отдела древнерусской литературы, которая носит как профессиональный, так и морально-нравственный характер.

В разд. 5.2 отдельно в конце помещены черновики писем Н.К. Никольского (№ 335).

Раздел 6. *Материалы других лиц*. Состоит из трех подразделов:

6.1. Научные работы (№ 336–340).

6.2. Материалы к научным работам (№ 341–354).

6.3. Письма других лиц (№ 355–362).

В подразделах 6.1 и 6.2 дела помещены в соответствии с хронологией. Единицы без точной даты расположены в конце.

В подразд. 6.1 следует отметить № 336 (*Никольский К.Т.* О пении в двенадцатые Господские праздники во время литургии), № 338 (*Бадик Д.* Библиологическая педагогика), № 340 (*Никольский Д.А.* Этимологический словарь на буквы Е–Я). Часто это рукописи работ родственников Н.К. Никольского, его коллег или труды, непосредственно связанные с его научной и административной деятельностью.

В подразд. 6.2 отложились материалы А. Успенского (№ 342), Н.Н. Зарубина (№ 344), Д.А. Никольского (№ 351) и др. Особое место занимают материалы председателя заведующего Рукописным отделением БАН В.А. Петрова. Представлены его черновые заметки по библиографии, а также схемы классификации наук, необходимые для систематизации поступающей литературы.

Особое внимание хотелось бы обратить на д. № 349, которое представляет собой Роспись содержания разделов Картотеки Н.К. Никольского («Сказания исторические. Воинские повести», «Летописные исторические сказания», «Русские летописи и грамоты», «Летописи областные (местные)»), выполненную В.Ф. Покровской в 1937 г.

В подразд. 6.3 дела расположены в алфавитном порядке. Здесь помещены разрозненные письма разных лиц, в т.ч. родственников Н.К. Никольского (А.П. Никольская, К.Т. Никольский). Также следует отдельно отметить письмо директора БАН И.И. Яковкина непосредственному секретарю АН СССР (№ 362).

Раздел 7. *Материалы неустановленных лиц* (№ 363–391). Дела расположены в хронологическом порядке. Единицы без точной даты помещены в конце раздела. Россыпь материалов смешанного содержания. Значительная часть дел представляет собой библиографические списки работ по естественным наукам

(№ 372, 375, 376). Здесь же присутствуют материалы, которые могли иметь отношение к научной деятельности Н.К. Никольского (№ 368 «Выписки о начале Новгорода», № 380 «Именной указатель к Воскресенской летописи» и др.), однако доказать это не возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КПДЛ существовала еще до революции под руководством Н.К. Никольского. Однако до 1928 г. ее деятельность разворачивалась на общественных началах. В 1928 г. КПДЛ получила статус штатного учреждения, в ее состав вошли председатель-академик и 3 научных сотрудника (*Рождественская М.В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.). К 55-летию отдела // ТОДРЛ. Т. LXII. Л., 1989. С. 4).

2. Проспект изданий памятников русской литературы (домонгольского периода) // Н.К. Никольский. Задачи и краткий очерк деятельности Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы (со времени ее возникновения до 1 января 1929 г.). Л., 1929. С. 18–19.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет о состоянии СПбДА за 1886 г. // Христианское чтение. 1887. С. 434.

2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10278. Л. 28 об.

3. СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 37. Л. 8.

4. *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.

5. *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897.

6. СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 14. Л. 12–12 об. (Формулярные списки о службе).

7. *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. Т. 1. Вып. 2. О средствах содержания монастыря. СПб., 1910.
8. Отчет о пятидесяти третьем приращении наград графа Уварова. СПб., 1912. С. 24.
- 8а. СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.
9. *Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI в.). СПб., 1906.
10. О картотеке см.: *Зарубин Н.Н.* Картотека акад. Н.К. Никольского и ее научное значение (НИОР БАН. Ф. 84 (собр. Н.Н. Зарубина). № 16).
11. *Покровская В.Ф.* Картотека академика Никольского // Труды БАН СССР. Л., 1948. Т. 1. С. 142–150.
12. *Адрианова-Перетц В.Л.* Картотека Н.К. Никольского // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 121–125.
13. СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 133. Л. 2–2 об. (письмо И.М. Покровскому от 12 декабря 1914 г.).
14. *Рождественская М.В.* Академик Н.К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (по архивным материалам) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 399.
15. *Крапошина Н.В.* Н.К. Никольский. К истории создания труда «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в.» // Н.К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. СПб., 2006. С. 9.
16. *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. [Место защиты: С.-Петербург. ин-т истории РАН]. СПб., 2010. С. 87–111.
17. Российская Академия наук. Персональный состав. 1724–1917. 2-е изд. М., 1999. Кн. 1. С. 97.
18. СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2 (3). № 40 (99).
19. *Рождественская М.В.* Академик Н.К. Никольский — организатор историко-библиографического Музея славяно-русской книжности (по архивным материалам). С. 397–408.
20. СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 109. Л. 102.
21. *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский... С. 158.
22. *Крапошина Н.В.* Академик Н.К. Никольский... С. 150–163.
23. *Крапошина Н.К.* Н.К. Никольский. К истории создания труда «Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в.». С. 10.
24. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 7. Л. 33).
25. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 2).
26. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 5).
27. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 7 об.).
28. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 6 об.–7 об.).
29. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 11–13).
30. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 12).
31. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 12–13).
32. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 13).
33. *Зарубин Н.Н.* Памяти акад. Н.К. Никольского (НИОР БАН. Ф. 84. № 69. Л. 15).
34. НИОР БАН. Ф. 32. Собрание Н.К. Никольского.
35. Слово Даниила Заточника по редакциям XII–XIII вв. / пригот. к печати Н.Н. Зарубин. Л., 1932 (Памятники древнерусской литературы. Вып. 3).

АЛЬФРЕД ЛЮДВИГОВИЧ БЁМ: новые штрихи к биографии и научной деятельности

АННОТАЦИЯ

Публикация хранящегося в РО ИРЛИ архивного документа из фонда С.А. Венгерова (ф. 377) и представляющего собой своего рода автобиографию А.Л. Бёма до отъезда в эмиграцию в 1920 г.

Ключевые слова: Альфред-Вильгельм Людвигович Бём, автобиография, послужной список: помощник библиотекаря 1-го отделения Библиотеки Академии наук, учёный хранитель Рукописного отделения, 1916–1919 годы.

Бём Альфред-Вильгельм Людвигович (1886–1945?) — историк литературы, переводчик, публицист, литературный критик и педагог; родился в католической семье немецких подданных в Киеве [1]. Поступив в 1906 г. в Киевский университет Св. Владимира, уже в 1907 г. за участие в студенческих выступлениях отчислен с правом поступления в другие высшие учебные заведения; с третьего семестра в том же году перешёл в Петербургский университет на отделение словесности историко-филологического факультета [2]; в 1910 г. принял российское подданство [3]; 30 ноября 1910 г. в университете начались студенческие волнения, вызванные жестоким обращением с политическими заключенными; как участник этих волнений, Бём в начале 1911 г. был арестован и исключён из университета, выслан из столицы и вернулся в Киев; весной 1912 г. ему удалось сдать государственные экзамены в Петербургском университете, в чём ему помог академик А.А. Шахматов [4]; Бём получает беспрочную паспортную книжку, выданную приставом 1-го участка Петроградской части петроградской столичной полиции от 12 января 1914 г. за № 29 [5]; в 1916–1919 гг. — помощник библиотекаря 1-го отделения (руководимого

А.А. Шахматовым) Библиотеки Российской Академии наук [6], с 1917 по 1919 г. — учёный хранитель Рукописного отделения [7]; восторженно приняв февральскую 1917 г. революцию, Бём отрицательно воспринял октябрьскую: этого своего отношения он не изменил до конца жизни и не скрывал его; в сведениях на 1-е октября 1918 г. — член-пайщик кооперативного книгоиздательского товарищества «Колос» [8]. В период 1913–1916 гг. неоднократно приезжал в отпуск к семье в г. Киев, где оставались его родители. В декабре 1917 г. Бём в очередной раз поехал в Киев, но вернуться сразу не смог: в январе 1918 г. было объявлено о независимости Украины. Несколько раз большевики захватывали Киев, но удержать его не могли. От безденежья Бём начинает работать в Министерстве по великорусским делам: ему была поручена организация книжного отдела при Министерстве. Летом 1918 г. Бёму удалось вернуться в Петроград. Челночные поездки в Киев к семье продолжались, в том числе как командированного от Российской книжной палаты: наряду с приобретенным Бёмом были составлены списки русскоязычных периодических изданий, выходивших в 1918–1919 гг. в Украине [9]. В очередную командировку Бём

выехал в конце июля 1919 г.: поездка была продиктована целью пополнения книгами на польском и украинском языках, вышедших в Украине в 1917–1919 гг., Славянского отделения БАН, а также причинами семейного характера: его жена должна была родить второго ребёнка. 12 августа он писал В.И. Срезневскому: «Боюсь, что назад приехать нельзя будет, уже сейчас дорога в связи с военными действиями затруднительна» [10]. Ввиду занятия большевиками Киева 29 ноября 1919 г. Бём приезжает в Одессу, откуда 26 января 1920 г. отплывает в Белград. В ноябре 1921 г. переезжает в Варшаву, где активно выступает в печати с антибольшевистскими статьями; одновременно руководит поэтическим объединением «Таверна поэтов»; в январе 1922 г. перебирается в Прагу. В 1922–1939 гг. руководитель объединения «Скит поэтов». В Праге преподавал русский язык и литературу в Педагогическом институте им. Я.А. Коменского (1923–1934), Русском народном университете (с 1923). Основатель семинария по Достоевскому при Русском народном университете (1925). В 1932 г. защитил диссертацию «Эволюция образа Ставрогина» в Пражском немецком университете (получил степень доктора философии по славянской филологии). С 1937 г. — гражданин Чехословацкой республики. В мае 1945 г. арестован, вероятно, «СМЕРШем», погиб при невыясненных обстоятельствах [11].

В фонде С.А. Венгерова в ИРЛИ находится любопытный документ — прошение Бёма, адресованное декану историко-филологического факультета Петроградского университета и датированное 26 июня 1917 г. Выясняется, что к своим тридцати с небольшим годам Бём испытывал потребность в преподавательской деятельности, которую сумел реализовать, лишь очутившись за границей. Как представляется, прошение это в Петрограде осталось без движения. Вместе с тем, документ содержит некоторые биографические сведения о Бёме,

не попавшие в поле зрения его биографов и исследователей творчества. Думается, оно не случайно — за неимением ничего другого — оказалось в Собрании автобиографий в фонде С.А. Венгерова. Воспроизводим его:

«Декану историко-филологического факультета Петроградского университета (1)
Ученого хранителя рукописей
Рукописного отдела Российской академии наук

Прошу зачислить меня в состав преподавателей историко-филологического факультета по словесному отделению.

Родился я 23-го апреля 1886 г. в городе Киеве, воспитывался в реальном училище Св. Екатерины в Киеве, которое окончил в 1905 г. Держал экзамены по полному гимназическому курсу из латинского и греческого языков при Киевской I и II гимназиях. В 1906 г. поступил на историко-филологический факультет университета Св. Владимира, затем перешел в Петроградский (так в документе. — С.Б.) университет, где и окончил курс в 1912 г. по словесному отделению с дипломом 1-й степени. Занимался в университете главным образом русской литературой под руководством профессоров И.А. Шляпкина (2) и С.А. Венгерова (3) и языкознанием под руководством профессоров И.А. Бодуэн-де-Куртенэ (4) и А.А. Шахматова (5).

С 1908 г. начал работать под руководством В.И. Срезневского (6) в Рукописном отделении Академии наук сначала по описанию старо-печати, а затем рукописей. В 1916 г. Общим собранием Академии наук избран на должность помощника библиотекаря 1-го отделения Библиотеки российской академии наук. В настоящее время занимаю должность учёного хранителя Рукописного отделения.

Состою членом общества Толстовского музея в Петрограде (7), членом Русского библиологического общества (8), общества им. Пушкина при Петроградском университете (9), Историко-

литературного общества в гор. Киеве, Союза архивных деятелей (10). С 1912 г. состою секретарем редакции «Обозрения трудов по славяноведению» (11) и с 1919 г. (так в документе. — С.Б.) — членом редакционной коллегии «Русского исторического журнала» (12).

До настоящего времени напечатаны следующие мои работы:

1. К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина // Пушкин и его современники. 1911. Вып. XV; Пушкинист. Вып. 1. [СПб., 1914] и отд. изд. в серии «Пушкинский семинарий при Санкт-Петербургском университете». Вып. 2. СПб., 1911.

2. Русская литература, история и древности в 1912 г. (библиография) // Обозрение трудов по славяноведению 1912 г. Вып. 2 и отд. отт. СПб., 1912.

3. Толстовская библиография за 1912 г. // Толстовский ежегодник. 1913 и отд. отт. СПб., 1914.

4. Толстовский ежегодник 1913 г. Пг., 1914 (редактировал совместно с В.Н. Тукалевским).

5. Издания церковной печати времени императрицы Елисаветы Петровны 1741–1761 г. / Описали В.И. Срезневский и А.Л. Бём. Пг., 1914. XXXIX + 557 с.

6. Библиография славяноведения: Очерк // Библиологический сб. Т. I, вып. 1. Пг., 1915.

7. Толстовская библиография за 1913 г. Пг., 1915.

8. К уяснению понятия историко-литературного влияния (по поводу статьи А.С. Полякова «Пушкин и Пнин») // Пушкин и его современники. Вып. XXIII–XXIV и отд. отт. Пг., 1915.

9. Русская литература в 1913 г. // Обозрение трудов по славяноведению 1913 г. Вып. II и отд. отт. Пг., 1916.

10. «Дневной» и «дневной» у Пушкина: лингвистическая справка // Пушкин и его современники. Вып. XXVIII и отд. отт. Пг., 1917.

11. Толстой. Памятники творчества и жизни. Т. I / ред. В.И. Срезневский и А.Л. Бём. Пг., 1917.

12. Рукописи великого князя Константина Константиновича, поступившие на хранение в Рукописное отделение Библиотеки академии наук (охранная опись) // Известия Академии наук. 1917. Вып. II и отд. отт. Пг., 1917.

13. Мелочи о Пушкине (из писем княгини Е.Н. Мещерской и С.Н. Карамзиной) // Пушкин и его современники. Вып. XXIX–XXX и отд. отт. Пг., 1918.

14. Русская история и древности (библиография за 1913 г.) // Обозрение трудов по славяноведению. 1913. Вып. III и отд. отт. Пг., 1918.

15. Русская книга на Украине // Бюллетени Министерства по великорусским делам [Киев]. 1918. № 2, 3, 5.

16. Жизнь и смерть в поэзии Жемчужникова // Там же. № 3.

17. Пролагатель новых путей (к юбилею Ф.И. Буслаева) // Там же. № 5.

18. Рецензия на книгу М.Л. Гофмана «Пушкин. Его общественно-политические взгляды и настроения». Чернигов, 1918 // Там же.

19. Ф.И. Буслаев-педагог // Известия Киевского областного профессионального учительского союза. 1918. № 5–6.

20. Очерки русской культурной жизни // Куранты. 1918. № 3, 5.

21. Аполлон Григорьев в новой оценке // Родная земля (Киев). 1918. № 1.

22. Судьба Военно-исторического музея // Наши дни (Киев). 1918. № 3.

23. «Скифы» Брюсова и Блока // Наши дни (Киев). 1918. № 19.

Кроме того, закончены печатанием, но не вышли в свет следующие работы:

24. К уяснению историко-литературных понятий (I Мотивы и сюжет. II Сюжет в лирике. III Содержание, идея, тема) // Известия II Отделения Академии наук. Т. XXIII. Кн. II. (14)

25. Список произведений Л.Н. Толстого, с указанием изданий, имеющих значение для истории текста //

Биографический словарь почётных членов Российской академии наук и отд. изд. (15)

26. Языкознание (дополнение к библиографии 1913 г.) // Обозрение трудов по славяноведению. 1913. Вып. 4.

Петроград, 26 июня 1917 г.

А. Бём» [12].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В прошении отсутствует имя адресата (декана). Если исходить из датировки документа — 26 июня 1917 г., — на тот момент деканом (1915–1918) (в четвёртый раз!) являлся *Браун* Фёдор (Фридрих) Александрович (1862–1942), филолог-германист, основоположник германской филологии в России, скандинавист, с 1900 г. учёный секретарь историко-филологического факультета, профессор Петроградского университета и Высших женских курсов, преподавал также в Историко-филологическом институте. В 1920 г. был командирован Академией наук в Германию, в Россию не вернулся. Ординарный профессор Лейпцигского университета (1922–1932), зав. кафедрой истории Восточной Европы (см.: *Жеребин А.И.* У истоков русской германистики: Профессор Ф.А. Браун // Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 14–21). Однако в имеющемся в документе библиографическом списке в ряде работ Бёма указаны выходные данные 1918 г., к тому же в тексте прошения указано, что он с 1919 г. являлся членом редколлегии «Русского исторического журнала»: это ставит под сомнение саму датировку документа, свидетельствует о явной опiske или ошибке. Не имея времени откликнуться на просьбу С.А. Венгерова заполнить полагающуюся для «Критико-биографического словаря» анкету, Бём решил ограничиться представлением копии машинописного варианта своего прошения, содержащего как нельзя кстати требующиеся для Словаря сведения.

Видимо, дата при этом была проставлена наспех, ошибочно.

Итак, условно датируя документ 1919 г., напомним, что в этот период деканом историко-филологического факультета был *Жебелёв* Сергей Александрович (1867–1941) — филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии. Профессор, академик АН СССР (1927), в дальнейшем подвергшийся травле. Окончил Вторую Петербургскую гимназию (1886) и историко-филологический факультет Петербургского университета (1890), в 1898 г. защитил магистерскую, в 1903 г. — докторскую диссертацию. В 1904–1927 гг. в alma mater профессор кафедры греческой словесности, читал лекции по истории искусства в Академии художеств, редактор отдела классической филологии в «Журнале Министерства народного просвещения». В разное время был учёным секретарём историко-филологического факультета Петербургского университета, деканом факультета (1918–1919), ректором университета (1919). В 1919 г. историко-филологический факультет был ликвидирован. Возможно, и по этой причине прошение Бёма осталось неудовлетворённым.

2. *Шляпкин* Илья Александрович (1858–1918) — филолог, палеограф, историк древнего искусства. В 1877 г. окончил Третью С.-Петербургскую гимназию, в 1881 г. — курс историко-филологического факультета Петербургского университета и оставлен при университете по кафедре русской словесности. В 1888 г. приват-доцент, в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1901 г. избран профессором истории русской литературы по кафедре истории российской словесности. С 1886 по 1895 г. — штатный преподаватель Николаевского кадетского корпуса. С 1890 г. читал курс истории русской словесности на Высших женских курсах. Подготовил к печати Полное собрание сочинений А.С. Грибоедова, ряд памятников древней русской литературы.

3. *Венгеров* Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературный критик, историк литературы и общественной мысли, библиограф, автор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». Родился в еврейской семье, выпускник 1872 г. Пятой гимназии в С.-Петербурге как Симон Венгеров, по окончании гимназии принял христианство. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1879), служил присяжным поверенным. Экстерном сдал экзамены по историко-филологическому факультету в Юрьевском (ныне Тартуском, Эстония) университете (1880), с 1890 г. целиком посвятил себя историко-литературной и библиографической работе. Известно, что в период обучения Бёма и позже в С.-Петербургском университете Венгеров с 1908 по 1916 г. руководил семинарием «Пушкин: история его жизни, творчества и текста»; вместе с Бёмом в нём занимались Ю.Н. Тынянов, А.С. Долинин, В.Л. Комарович, Б.Л. Модзалевский, П.Е. Щёголев, Н.О. Лернер, М.А. Цявловский, С.М. Бонди, Н.В. Измайлов, Ю.Г. Оксман, В.М. Жирмунский. На заседаниях 11 и 18 февраля 1910 г. Бём представил свой первый научный доклад «Пушкин и Шатобриан», который Венгеров позже опубликовал под названием «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина» в двух сборниках — «Пушкин и его современники» (1911) и «Пушкинист» (1914). Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петрограде.

4. *Бодуэн-де-Куртенэ* Иван Александрович (Бодуэн де Куртенэ Ян Нецислав Игнаций, польск. Baudouin de Courtenay Jan Niecisław Ignacy) (1845–1929) — русский лингвист польского происхождения. В 1866 г. окончил Главную школу в Варшаве со степенью магистра. Усовершенствовался в языкознании за границей (1867–1868), затем в Петербурге и Москве (1868–1870). Доктор философии (Лейпцигский университет, 1870). 13 декабря 1870 г. утвержден

в звании приват-доцента в Петербургском университете. Изучал словенский язык. В марте 1875 г. получил в Петербургском университете степень доктора сравнительного языковедения, с 20 декабря 1875 г. — экстраординарный, с 1876 г. — ординарный профессор Казанского университета. Преподавал в Юрьевском (1883–1893), краковском Ягеллонском (1893–1899), Петербургском (Петроградском) (1900–1918), Варшавском (с 1918) университетах. В 1887 г. избран членом Польской Академии наук, в 1897 г. — членкором Петербургской Академии наук. В 1919–1929 гг. — почетный профессор Варшавского университета, зав. кафедрой сравнительного языкознания. Подготовил третью и четвертую редакции Словаря Даля, пополнив его новыми словами, в т.ч. вульгарно-бранной лексикой. «Бодуэновский словарь Даля» не переиздавался. Сторонник эсперанто. Основатель Казанской и Петербургской лингвистических школ.

5. *Шахматов* Алексей Александрович (1864–1920) — филолог, лингвист и историк. В 1883–1887 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1890 г. сдал магистерские экзамены, получил звание приват-доцента. В 1894 г. защитил магистерскую диссертацию «Исследования в области русской фонетики», по результатам присуждена степень доктора русского языка и словесности, в ноябре того же года по представлению академиков А.Ф. Бычкова и И.В. Ягича избран адъюнктом Академии наук, в 1897 г. — экстраординарным академиком, 1899 г. — ординарным академиком. С 1898 г. — член Правления Академии наук. С 1906 г. председатель Отделения русского языка и словесности академии. С 1908 г. — приват-доцент, с 1910 г. — сверхштатный ординарный профессор кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета Петербургского-Петроградского университета. Редактор академического «Словаря русского языка»

(1891–1916). Участвовал в подготовке реформы русской орфографии, осуществлённой в 1917–1918 гг. Умер в 1920 г. от воспаления брюшины, похоронен на Волковом кладбище в Петрограде.

6. *Срезневский* Всеволод Измаилович (1867–1936) — историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, членкор по Отделению русского языка и словесности Петербургской академии наук (затем РАН и АН СССР).

7. «Общество имени Л.Н. Толстого» создано в Петербурге в 1909 г. (см.: Известия Общества Толстовского музея (СПб.). 1911. № 1 (июль), № 3–5 (окт.-дек.); Толстовский ежегодник. М., 1912, 1913). Цель общества — «служение славе Льва Николаевича Толстого и изучение его жизни и творений». Члены Совета: В.Д. Бонч-Бруевич, С.А. Венгеров, И.Я. Гинцбург, В.Г. Короленко, В.Я. Муранов, Вс.И. Срезневский, М.А. Стахович. В Петербурге музей открылся 23 марта 1911 г., располагался с 1912 г. в доме 6/13 по Большому пр. Васильевского о-ва. В 1919 г. музею выдано охранное удостоверение от Комиссариата по просвещению; общее собрание членов Общества Толстовского музея обратилось к Конференции Российской академии наук с просьбой принять музей на вечное хранение при Библиотеке Академии наук, что и было сделано. Общество Толстовского музея прекратило свою деятельность в апреле 1919 г.

8. Русское библиологическое общество существовало в Петербурге-Петрограде-Ленинграде в 1899–1931 гг. Сначала размещалась в д. 7 по Кабинетской ул. (с сент. 1923 г. по наст. время — ул. Правды), затем (после октябрьского переворота) на наб. р. Фонтанки, 21. Первый председатель — А.М. Ловягин, книговед, библиограф, библиотековед, переводчик, энциклопедист.

9. Пушкинское историко-литературное общество при Петроградском университете (1915–1918 гг.); один из основателей *Маслов* Георгий Владимирович (1895–1920) — поэт и литературовед.

10. Речь идет о Союзе российских архивных деятелей (1917–1924) Министерства народного просвещения. Идея создания Союза принадлежала начальнику Морского архива А.И. Лебедеву. 21 ноября 1919 г. Союз переименован в Общество российских архивных деятелей. Председатель — академик А.С. Лаппо-Данилевский.

11. Выходило под редакцией В.Н. Бенешевича в 1913–1918 гг.

12. «Русский исторический журнал» издавался в Петрограде в 1917–1922 гг. Вышло 8 книг. Основатель — историк В.Н. Бенешевич. С 1918 г. издание Академии наук. Редакторы: М.А. Дьяконов, М.Д. Присёлков, С.В. Рождественский.

13. Точное название: Русская история, искусство и древности в 1913 году : Библиография. Пг. : тип. Рос. акад. наук, 1918. [2], 252 с. Отд. отд. из «Обозр. трудов по славяноведению, 1913, в. 3». С. 435–686.

14. Статья опубликована: *Бём А.* К уяснению историко-литературных понятий // Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук. 1918. Т. 23. Кн. 1. СПб., 1919. С. 225–245.

15. Известно изд.: Библиографический указатель творений Л.Н. Толстого / сост. А.Л. Бём ; с доп. В.И. Срезневского. Л. : Изд-во АН СССР, 1926. 130 с. (Текст отпечатан по старой орфографии.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 701. Архивное дело Канцелярии Правления Императорской Академии наук об определении А.Л. Бёма на должность помощника библиотекаря I Отделения Библиотеки Академии наук. 8 января 1915 — 11 августа 1919 г. В деле находим:

«Выпись из подлинной метрической книги Киевского Римско-католического приходского костела части первой

О родившихся

Тысяча восемьсот восемьдесят шестого года июня пятнадцатого дня, в Киевском римско-католическом приходском

Костеле окрещен младенец именем Альфред Вильгельм Ксендзом Кириллом Кронишановским настоятелем с совершением всех обрядов таинства Прусских подданных Людвика и Марии-Юзефины, урожденной из Кречмеров Бём законных супругов сын, родившийся сего тысяча восемьсот семьдесят шестого года апреля двадцать третьего дня в городе Киве. Восприемниками были: Вильгельм Кречмер с Мариєю Кречмер <...> 1894 года 30 декабря. Настоятель Киевского Римско-Католического Костела Ксендз (подпись)»

Здесь же на левой части в середине листа добавлено:

«Альфред Вильгельм Бём 29 марта 1915 года повенчан с девицею православного исповедания, 30 лет, Антониною Иосифовою Омельяненко.

Старокиевской Васильевской церкви протоиерей Е. Скрипчинский» (л. 4).

2. См.: *Кольовски А.А.* Творческая биография Альфреда Людвиговича Бёма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 8; *Каган А.* Воспоминания / подгот. текста, вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб., 2016. С. 152.

3. «Означенный в сем документе Альфред-Вильгельм Бём 7-го декабря 1910 г. приведен в канцелярии С.-Петербургского градоначальника к присяге на подданство России. Делопроизводитель (подпись)» (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 701, л. 4 об.).

4. *Кольовски А.А.* Творческая биография Альфреда Людвиговича Бёма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 10.

Приводим также архивный документ: «Диплом

Предъявитель сего, Альфред-Вильгельм Людвиг Бём, из иностранцев, приняв присягу на подданство России, вероисповедания римско-католического, родившийся 23 апреля 1886 г., по выдержании в Императорском Санкт-Петербургском университете полукурсового испытания и по зачете определенного

уставом числа полугодий на историко-филологическом факультете означенного университета, подвергся испытаниям в историко-филологической испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете в 1911–1912 учебном году и, по представлении сочинения, признанного весьма удовлетворительным, оказал на испытаниях <...> следующие успехи: по русскому языку, церковно-славянскому языку, истории русской литературы, славянской филологии, истории западно-европейских литератур, сравнительному языковедению, истории древней философии и истории новой философии — весьма удовлетворительные, по греческой и римской литературе — удовлетворительные <...> по логике, психологии, введению в славяноведение, греческому автору, латинскому автору и введению в языковедение — весьма удовлетворительные. <...> 29 мая 1912 г. удостоен диплома первой степени. (Подписи)» (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 701, л. 5. Печатный бланк).

5. СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 701, л. 7.

6. «Выписка из протокола от 8 октября 1916 г. ОС. 1916. XI. § — 15 окт. 1916 г.

Петроград

№ 2180

В Правление императорской Академии наук

Директор I Отделения Библиотеки представил к избранию на вакантную должность помощника библиотекаря I Отделения, работавшего в Библиотеке 8 лет по вольному найму, Альфреда Людвиговича Бёма и читал его curriculum vitae. [При чем] положено произвести выборы в настоящем заседании ОС. [и]

Произведенною баллотировкою А.Л. Бём соединил в свою пользу 26 голосов избирательных против 7 неизбирательных, почему и признан избранным.

Положено сообщить о состоявшемся избрании г. Бёма на должность помощника библиотекаря Директору

I Отделения и в Правление, а curriculum vitae приложить к делам.

Непрременный секретарь

Ординарный академик С. Ольденбург» (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 701, л. 1). Отметим, что Curriculum vitae «в делах» отсутствует.

К этому же времени относится еще один документ, связанный с поступлением Бёма на государственную службу:

«Тысяча девятьсот шестнадцатого года ноября восьмого дня, я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что я ни к какой масонской ложе или какому тайному обществу ни внутри Империи, ни вне ее, не принадлежу, не принадлежал и обязываюсь впредь не принадлежать. Окончивший Императорский Петроградский университет Альфред Людвигович Бём» (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 701, л. 17. Автограф).

7. РО ИРЛИ, ф. 377 (С.А. Венгеров). Собрание автобиографий, № 311, л. 1. Машинопись.

8. ГАЛО, ф. Р-3959, оп. 13, д. 392, л. 72, 73, 73 об. Машинопись. (Бём значится как литератор. В списке пайщиков за 1919 г. имени А.Л. Бёма уже нет.)

9. Отчет ученого хранителя рукописей А.Л. Бёма о поездке в г. Киев 5 апреля — 5 мая 1919 г. (СПбФ АРАН, ф. 2, оп. 1 — 1918, ед. хр. 2, л. 76–85. Отпечатано типографским способом.). В конце проставлена дата: 18 V 1919 г.

10. Цит. по: *Кольовски А.А.* Творческая биография Альфреда Людвиговича Бёма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 12.

11. См.: *Каган А.* Воспоминания / подгот. текста, вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. С. 152–153.

12. РО ИРЛИ, ф. 377, № 311, л. 1, 1 об., 2. Машинопись (дата и подпись от руки).

ВЛИЯНИЕ ПОВРЕЖДЕНИЙ ДОКУМЕНТА НА СУБЪЕКТИВНУЮ ОЦЕНКУ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования сравнения субъективных оценок восприятия повреждённого и реставрированного документа. Показано, что повреждения изображения оказывают влияние на восприятие содержания изображения.

Ключевые слова: документ, сохранность документа, реставрация, консервация, реставрированный документ, повреждение документа, восприятие, психические процессы, психология восприятия.

В 2007 г. из Библиотеки Русского географического общества на реставрацию в Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов (НИОКиРФ) БАН поступил комплект переплетённых литографий, карт и таблиц к первому немецкому прижизненному изданию сочинения Филиппа Франца фон Зибольда «Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan und dessen Neben- und Schutzlandern: Jezo mit sudlichen Kurilen japanischen und europaischen Schriften und eigenen Beobachtungen bearbeitet von Ph.Fr. von Siebold...» («Япония. Архив по описанию Японии и стран, окружающих и граничащих с ней: Иедзо с Южными Курилами, Крафто, Корея и острова Лиукиу, с японским и европейским текстом и некоторым описаниями. Обработал Ф.Ф. фон Зибольд, дирижер, санитарный офицер при Королевской сухопутной армии Нидерландской Индии, рыцарь Ордена Льва и Королевского ордена общественного служения Баварской Короны. Выпущено под покровительством Короля Нидерландов. Лейден, от составителя. Амстердам, от Мюллера и Комп... 1832–1851»), который был издан после путешествия Ф.Ф. фон Зибольда в Японию в 1823–1829 гг. и представляет собой одно из первых документальных отражений видения Японии европейцами XIX в.

Физическое состояние документов требовало неотложного вмешательства специалистов: у большей части литографий комплекта имелись многочисленные затёки, следы обширных биоповреждений, налеты, разрывы, утраты. После предварительных химико-биологических исследований была разработана методика реставрации и последующей консервации комплекта документов и утверждена на реставрационно-методическом совете отдела [1] [2]. Таблицы, литографии и карты были также сфотографированы до и после реставрации в соответствии с принятыми правилами фотофиксации документов.

В процессе работы с документами в ходе их описания и реставрации было замечено, что изображение на повреждённом и реставрированном листе воспринимается по-разному, и субъективные оценки содержания изображения даются, в том числе, и под влиянием физической сохранности документа.

Этот эффект было интересно исследовать и соотнести с разрабатываемыми в настоящее время теоретическими положениями о глубине и интенсивности допустимого реставрационного вмешательства в связи с необходимостью сохранения эстетической целостности и «патины времени».

До настоящего времени этот вопрос, который относят к теории реставрации, не решён, хотя необходимость его решения специалисты отмечали в конце 80-х годов прошлого века [3] и констатировали, что в понятийном поле этики, эстетики, теории искусства он разрешён быть не может. Кроме того, подчеркивалось, что «у современной теории реставрации еще нет собственного отчетливо выраженного лица», а эмпирические обоснования реставрационных вмешательств, нередко взаимоисключающего характера, которых придерживаются практики, также не могут быть основой для решения вопроса, поскольку не имеют концептуального единства, а зачастую бывают субъективны и произвольны [3].

В настоящее время по-прежнему существует два полюса, между которыми располагается весь спектр мнений консерваторов, реставраторов и теоретиков реставрации. Одни говорят о минимальном реставрационном вмешательстве, другие настаивают на более глубоких и радикальных реставрационных мерах [4] [5], необходимость которых объясняют по-разному: как требованиями времени и искажениями, которые вносит в восприятие памятника «патина времени», так и актуальностью создания большей доступности, поскольку многие современные читатели, посетители музеев и библиотек ожидают увидеть памятники в «отличном» состоянии [4]. Наиболее острые формы эти обсуждения приняты в сфере реставрации живописи и памятников архитектуры, но и в других направлениях реставрационной и консервационной деятельности эти вопросы стоят достаточно остро [5] [6].

В последние годы предприняты попытки интегрировать оба подхода и рассматривать реставрационное вмешательство как диалектическое — с необходимостью «восстановления потенциального единства произведения искусства <...> без разрушения всех следов движения произведения искусства во времени» [7]. Тем не менее, до сих пор нет чётких, общепризнанных определений ключевых

понятий: объекта реставрации, качества и её конечного результата, хотя о необходимости их выработки специалисты говорили более трёх десятилетий назад. Так же, как и не принято общих, объективных критериев оценки качества и конечного результата реставрации, и на страницах специальных изданий и на научно-практических реставрационных конференциях эти вопросы обсуждаются постоянно.

В работах доктора искусствоведения Ю.Г. Боброва приводится наиболее полный обзор основных идей и подходов к разработке теоретических и методологических проблем реставрации в хронологической последовательности. Автор отмечает, что до сих пор ведётся полемика о том, что является предметом реставрации: материальная структура произведения или культурно-историческая и художественная функции реставрируемого объекта [5] [6].

Также Ю.Г. Бобров отмечает что «историческое показание» произведения искусства существует в художественной форме, причём в той степени, в какой это признано воспринимающим сознанием» [6], т.е. важны не только состояние материальной основы, но и особенности психического образа воспринимаемого произведения во внутреннем мире человека, в пространстве индивидуальных смыслов, представлений, то впечатление, которое остаётся в психическом пространстве, запоминается.

Особое значение придаётся понятию подлинности, которая ранее рассматривалась только лишь как качество материальной субстанции объекта. Но, согласно исследованиям Ю.Г. Боброва, такое определение является неполным, поскольку «подлинность произведения искусства есть категория комплексная, включающая в себя многие аспекты: подлинность материи и подлинность художественных смыслов, подлинность формы и такой ее эмоционально-психологический аспект, как ощущение подлинности» [5].

Таким образом, индивидуальные психические процессы и состояния,

возникающие в ходе восприятия объекта реставрации, такие как распознавание, формирования образа, эмоциональная оценка, формирование целостного отношения к объекту на основе предыдущего опыта, знаний, установок могут рассматриваться как компонент подлинности. В этой связи можно предположить, что «следы бытования» документа, «патина времени», и повреждения, которые документ получил в процессе существования, могут влиять на оценку его содержания.

В процессе проведения реставрационных и консервационных мероприятий различия в восприятии, в остаточном впечатлении от одного и того же изображения до и после реставрации, отмеченные несколькими специалистами, выступили косвенным подтверждением верности этого предположения, и обнаруженный эффект было решено изучить в условиях эксперимента. Исследование проводили с использованием изображений документов, полученных в результате фотофиксации. Данные аккумулировали с 2008 по 2016 г., исследование вели первоначально на базе С.-Петербургского института психологии и акмеологии, а затем на базе Службы психологической помощи 812. Разрешение использовать в исследовании фото документов, с которыми работали в БАН, было получено у заместителя директора по научной работе.

В ходе исследования было опрошено 116 добровольцев: студентов различных специальностей, служащих, офисных работников и сотрудников психологических организаций, в возрасте от 18 до 59 лет, как в группе, так и индивидуально. Большая часть участников исследования – женщины с высшим образованием гуманитарного профиля. Участие в исследовании было добровольным. Исследование вели по простому межгрупповому плану, без уравнивания групп, со случайным распределением добровольцев в группы.

Участникам первой группы предъявляли изображение (выведенное на мультимедийном проекторе или распечатанное

на принтере) до реставрации и просили вынести суждение о его содержании. Участникам второй группы предъявляли то же самое изображение, но после реставрации и просили его оценить по тем же критериям. Затем оценки сравнивали. Для статистической обработки результатов использовали пакет прикладных статистических программ Statistica 6.0, для анализа различий между группами и сравнения распределений частот использовали блоки параметрической и непараметрической статистики (критерии Стьюдента, Манна-Уитни и хи-квадрат) [8] [9] (см. рис. 1).

Участников просили определить возраст человека на портрете, его состояние, просили предположить, о чём он может думать, что он чувствует. Предлагали оценить состояние его здоровья и настроение. Возраст просили указать цифрой, самочувствие и состояние описывали, используя методику семантического дифференциала и свободный отчёт [10], о внутреннем состоянии и мыслях человека на портрете участники исследования отвечали в свободной форме. Кроме того, проводили оценку художественно-эстетической потребности участников по опроснику В.С. Аванесова.

Оказалось, что человека на портрете без реставрации люди воспринимают достоверно старшим, более пожилым; причём для молодых респондентов эти различия заметны более ярко, им персонаж на повреждённом портрете кажется более старым. Как выяснилось, при сравнении оценок двух групп, мужчину на нереставрированном портрете участники оценивают старше в среднем на 15 лет. На реставрированном портрете мужчине давали от 40 до 76 лет, чаще всего указывали возраст около 60 лет. На нереставрированном портрете разные участники видели человека в возрасте от 44 до 100, причём чаще всего возраст определяли вблизи 75 лет. Некоторые участники дали изображённому на портрете мужчине 90 лет, один респондент написал «100». Различия оценок в группах достоверны ($p < 0,05$) (см. рис. 2).

Человека, изображённого на нереставрированном портрете, воспринимали как более грустного, усталого, обеспокоенного, скучного, более подавленного, обращенного к тяжелым или негативным внутренним переживаниям. Его настроение оценивалось как негативное, грустное, подавленное большей долей участников из первой группы, в то время как среди респондентов, видевших реставрированное изображение, доля оценивших настроение мужчины как нейтральное, спокойное была больше, различия распределений частот достоверны ($p < 0,05$).

При оценке состояния здоровья мужчины на портрете участники из первой группы чаще отмечали, что перед ними портрет нездорового человека, некоторые даже пытались указать заболевание, которым страдает человек с портрета. Т.е. человек, изображённый на повреждённом документе, оценивается как грустный, подавленный, нездоровый и даже терпящий боль.

Конечно, можно говорить о том, что для участников исследования определение возраста человека на портрете, который является представителем другой расы и культуры, может быть затруднено. Известно, что не все люди одинаково хорошо могут определить примерный возраст человека; для части молодых людей существуют две возрастные категории — «сверстники» и «старички», и в последнюю могут попадать люди всего на 10–15 лет старше их. Однако все перечисленные особенности оценки возраста присутствовали в обеих группах и маловероятно, что этот фактор действовал как вмешивающаяся переменная. Также выяснилось, что художественно-эстетическая потребность у большинства респондентов средняя или высокая, но её связь с индивидуальными оценками изображения не обнаружена; возможно, это связано с небольшим количеством участников с низкой художественно-эстетической потребностью.

Таким образом, наши данные говорят о том, что повреждения материальной основы изображения влияют на восприятие содержания изображения: признаки

повреждения, ветхости и разрушений бумаги интерпретируются как признаки возрастных изменений человека на портрете. Явные признаки повреждения документа микроорганизмами и водой оказывают влияние на восприятие изображения в целом; ослабление и удаление пятен, восполнение утрат, реставрационные операции, восстанавливающие целостность материальной основы, приводят к переменам в оценках изображения. Причём вклад повреждений в общее впечатление, итоговую оценку, с которой воспринимается документ, может не осознаваться.

Исследование влияния повреждений документа, их величины и интенсивности как фактора, оказывающего воздействие на восприятие и субъективную оценку изображения, документа, памятника культуры, может дать важную информацию для разработки критериев необходимого и достаточного вмешательства в материальную основу документа. Возможно, в поиске подходов для определения допустимой степени и интенсивности реставрационного вмешательства окажутся полезными данные о воздействии повреждений, следов бытования и «патины времени» на субъективную оценку содержания документа, полученные благодаря применению психологических инструментов.

В заключение мы можем отметить, что, согласно полученным данным, признаки физического повреждения документа и разрушения материальной основы (пятна, затёки, потёртости, утраты, выпадения в зоне изображения) оказывают влияние на общее впечатление о содержании документа, приводят к переносу оценки физического состояния документа на изображённый персонаж, портрет. Так, мужчину на нереставрированном листе участники исследования воспринимали как более пожилого, менее здорового, находящегося в плохом настроении, переживающего какие-то негативные эмоции. Сходные эффекты обнаружены при оценке повреждённых и реставрированных изображений пейзажа и строений.

Рис. 1. Предъявляемые изображения

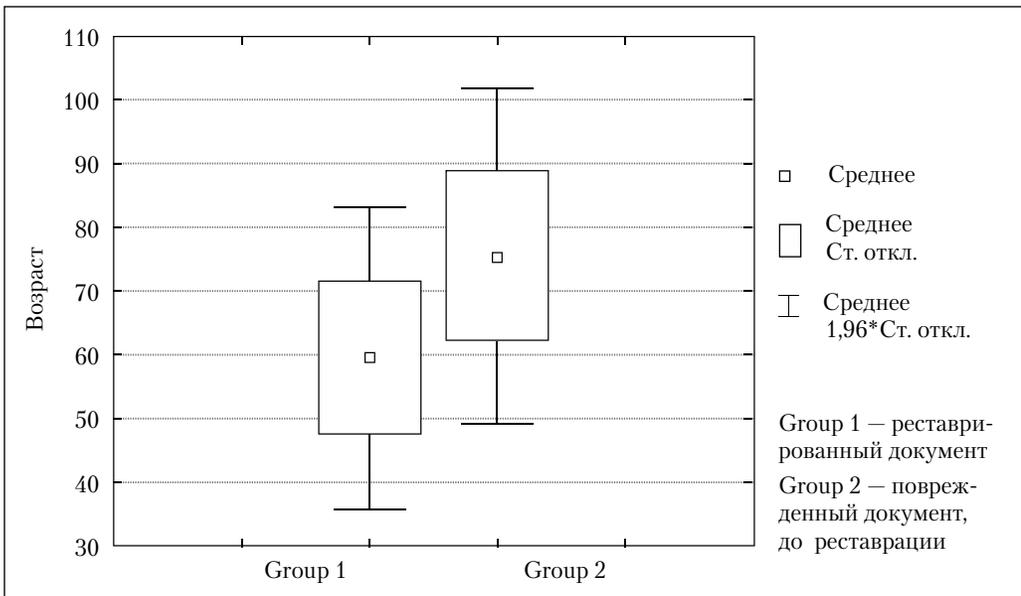

Рис. 2. Диаграмма размаха
(возраст мужчины на портрете согласно представлениям участников исследования)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Савина С.В., Тилева Е.А., Ветрова Л.Л., Алмазова Ю.А., Баженова Н.М., Заборовская В.А.* Предреставрационные исследования и методические обеспечения сохранности биоповрежденного комплекта иллюминированных литографий первого издания «Nippon» Ф.Ф. фон Зибольда из фондов Русского географического общества // Реликвия (Реставрация. Консервация. Музеи). 2011. № 26. С. 51–56.
2. *Тилева Е.А., Савина С.В., Заборовская В.А.* Перспективы и методические аспекты сохранения биоповрежденного комплекта литографий карт и таблиц Ф.Ф. фон Зибольда «Nippon. Archiv zur beschreibung von Japan...» 1832 г. из фондов Русского географического общества // Наука та практика. VII Международна науково-практична конференция. Киев : ННДРЦУ, 2009. С. 305–310.
3. *Лелеков Л.А.* Теоретические проблемы современной реставрационной науки. Заключение // Художественное наследие : сб. научных трудов. Внеочередной выпуск. М. : ВНИИР, 1989. С. 5–44.
4. *Уолден Сара.* Реставрация живописи — спасение или уничтожение? М. : Астрель ; АСТ, 2007. 206 с.
5. *Бобров Ю.Г.* Теория реставрации памятников культуры и искусства : дис. д-ра иск. М., 1997. 385 с.
6. *Бобров Ю.Г.* Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М., 2004. 344 с.
7. *Бранди Ч.* Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации. Флоренция : Nardini, 2011. 272 с.
8. *Мартин Д.* Психологические эксперименты. СПб., 2002. 477 с.
9. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования: Анализ и интерпретация данных. СПб. : Речь, 2004. 392 с.
10. *Анастаси А.* Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. СПб. : Питер, 2001. 688 с.

ПИСЬМО, НАЙДЕННОЕ В ИНОСТРАННОМ ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ

В ходе документальной проверки Иностранного фонда БАН было найдено французское издание с вложенным в него письмом. Этот документ положил основу целому исследованию, начальные результаты приводятся в настоящей статье.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Отдел фондов и обслуживания, Иностраннный фонд, письмо, Анна Колзакова.

Ни для кого не секрет, что за последние десять лет наша жизнь в библиотеке изменилась, и у сотрудников основного фонда появилась возможность изучать скрытые в нем богатства. Письмо, которому посвящено наше сообщение, было найдено в книге при документальной проверке фонда (на шифре Inv.1925/B-632 т.2, инв. № 74974, Barante, Amable-Guillaume-Prosper Brugière, baron de, Histoire des Ducs de Bourgogne de la Maison de Valois 1364–1477 / par M. de Barante pair de France. 6 ed. Paris, 1842. 496 p.). Эта книга хранится в т.н. инвентарной расстановке, которая включает в себя поступления послереволюционного периода, в том числе книжные собрания дворян.

Об авторе письма мы знаем немного, но сведения, полученные из самого письма и из источников, позволили произвести частичную реконструкцию событий, с которыми обнаружили тесную связь автор и адресат этого документа.

Письмо могло быть не замечено или прочитано и забыто. Но, по воле случая или чьей-то мысли, оно сохранилось в Иностранном фонде БАН и является его частью, которую мы можем исследовать. Документ датирован 7 апреля 1870 г. и отправлен из С.-Петербурга (адресат не установлен, но, по всей видимости, это подруга или близкая родственница):

«Милая и драгоценная моя Аня!

Поздравляю Вас с наступающими праздниками и искренно желаю Вам всего, всего приятного, между прочим весело их провести.

Наконец-то я нашла удобную минутку, чтобы письменно побеседовать с Вами, рассказать Вам все, что мы делали с тех пор, как я последний раз Вам писала. Я мысленно переносюсь к вам, моим милым, и воображаю себе, что я нахожусь среди Вас. Что-то Вы теперь делаете? Как хотелось бы мне скорее Вас увидеть. Вы у нас такие редкие гости, что надо как можно более воспользоваться этим счастьем, чтобы почаще с Вами видеться» [1, л. 1].

Также в письме обозначено место, которое позволило нам начать действовать:

«<...> Мы все еще не совсем решили, куда мы поедем на лето, но я надеюсь, что мы опять поедем в мою любимую Рудневку. <...>» [1, л. 4].

В ходе поисков удалось установить, что имение с таким названием имелось в Вышневолоцком у. Тверской губ. и принадлежало оно Анне Ивановне Колзаковой (урожд. Бегичевой) (1807–1879), родственнице знакомых А.С. Пушкина — Вульфов. В своём дневнике А.Н. Вульф писал о ней: «Анна Ивановна прекрасная девушка, и верно счастлив будет её муж, если он достоин того <...> очень желал бы

ей понравиться <...> не потому что у ней 1000 душ крестьян <...> а по личным её качествам <...>» [2, с. 38, 108, 127].

Анна Ивановна была женщиной самостоятельной и унаследовала имение Рудневка. В сети интернет можно найти ее портрет (А.И. в трауре по умершей матери), датированный 1840 г., авторства Акима Багаева, крепостного художника (в 1850 г. был отпущен на волю).

О семейном положении А.И. Колзак-овой известно немного: она была второй женой Павла Андреевича Колзакова (1779–1864); они поженились в 1844 г., ему в это время было 65 лет, ей — 37; поздний брак, который не принёс ей счастья. Между супругами существовали уважительные отношения, но у каждого была своя жизнь.

Уроженец Тулы, П.А. Колзаков окончил Морской кадетский корпус в 1795 г. в звании мичмана с назначением в Балтийское море. В 1808–1809 гг. участвовал в войне со Швецией. После войны командовал яхтой «Нева», построенной для Великого князя Константина Павловича. В 1811 г. назначен его флигель-адъютантом. Сопровождая повсюду Великого князя, Колзаков во время Отечественной войны 1812 г. участвовал в сражении при Бородине и за отличие получил чин капитана второго ранга. Позднее дослужился до адмирала, был участником всех придворных церемоний и празднеств, вёл дневниковые записи и оставил воспоминания [3]. В первом браке Павел Андреевич был женат на Анне Жозефине Елизавете Луизе Буде де Террей (1793–1832) [4, с. 155]. У них было двое сыновей — Константин (1818–1905) и Михаил (1823–1843). Старший сын Константин Павлович Колзаков, генерал-майор. Есть мнение, что он мог быть прототипом Печорина в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова [4, с. 152–180]. Его жена — Мария Яковлевна (урожд. Гилленшмидт) (1832–1879). У них было три дочери — Анна, Мария, Вера и сын Яков.

Исходя из указанных выше сведений, а также имен, упоминаемых в письме,

мы можем предположить, что автором была Анна. Это предположение косвенно подкрепляется сведениями о бабушке Анны, которая к моменту написания письма уже шесть лет являлась вдовой. О ней есть упоминание в письме: «<...> Бабушка слава Богу здорова, она говела на 5-й неделе и причащалась в Благовещение. <...>» [1, л. 3].

Письмо интересно не только своим слогом, но и упоминанием некоторых событий:

а) концерт: «1-го Апреля были Машинны именины и у нас было много гостей, а вечером мы ... поехали в Славянский концерт, который давался в Маринском Театре» [1, л. 3];

б) выставка: «Маша недавно была на выставке портретов, это чрезвычайно интересная выставка, потому что там не только портреты наших царей и цариц, а также и замечательных личностей разных эпох, начиная с Иоанна Грозного до Александра II» [1, л. 4].

Об этих событиях были найдены материалы в газете за 1870 г., издававшихся в Санкт-Петербурге, в которых упоминались эти светские мероприятия:

«Санкт-Петербургские ведомости» в № 90 от 1(13).04.1870 г. сообщают: «В среду, 1 апреля, имеет быть, в пользу славянского благотворительного комитета, художественный вечер с живыми картинами» [5, с. 4];

«Санкт-Петербургские ведомости» в № 46 от 15(27).02.1870 г. напечатала заметку о выставке портретов русских исторических деятелей [6, с. 1];

«Весть» в № 47 от 16.02.1870 г. напечатала заметку о том, что общество поощрения художников почти приготовило интересную выставку портретов русских исторических деятелей, которая откроется в Великом посту [7, с. 1];

«Санкт-Петербургские ведомости» в № 69 от 11(23).03.1870 г. — выставка открыта 8 марта в доме Министерства внутренних дел [8, с. 2];

«Санкт-Петербургские ведомости» в № 76 от 18(30).03.1870 г. — напечатан

обширный отзыв о выставке портретов [9, с. 1].

Указанные статьи дают нам возможность с определенной долей вероятности утверждать, что наши предположения об авторе письма и реальности описанных событий являются верными.

Интересной и неожиданной для нас стала информация и о прочтении книги, содержащаяся в письме: «Мы теперь читаем чрезвычайно интересную книгу Improvisateur соч. Андерсона на немецком языке. Я ее купила Маше в ее именины, так как я ее уже давно читала, и она мне очень понравилась» [1, л. 3].

Следует признаться, что не сразу было понятно, о каком писателе идёт речь, так как фамилия написана с окончанием «-сон». Оказалось, что это роман Ганса Христиана Андерсена (1805–1875) [10], современника всех уже упомянутых лиц, автора всемирно известных сказок. Речь идет о его первом романе, увидевшем свет в 1835 г., сюжет которого посвящен путешествию Г.Х. Андерсена по Италии в 1833 г. (когда он получил государственную стипендию) [11, с. 45–51], впечатления о котором автор передает через переживания главного героя. Это была

счастливая пора его жизни. Роман имел большой успех и принёс автору европейскую известность. Со временем сказки, а их более 400, стали более популярны.

В завершении нашего повествования о письме (ил. 1), найденном в Иностранном фонде БАН, мы подведем некоторые промежуточные итоги. Мы предполагаем, что автором письма является внучка адмирала Павла Андреевича Колзакова — Анна.

Упоминание в письме имения «Рудневка» повлекло за собой последующие разыскания, которые позволили косвенно подтвердить наше предположение об авторе письма и событиях, которые в нем описаны. Многие вопросы были затронуты в процессе атрибуции письма, что дает нам широкий спектр тем для дальнейшего изучения.

Предстоит узнать больше о семье Колзаковых, о судьбе автора письма и о том, кому оно адресовано.

Авторы выражают благодарность Софии Борисовне Миколко, сотруднику Иностранного фонда, за вдохновение и всяческое содействие в подготовке настоящего материала.

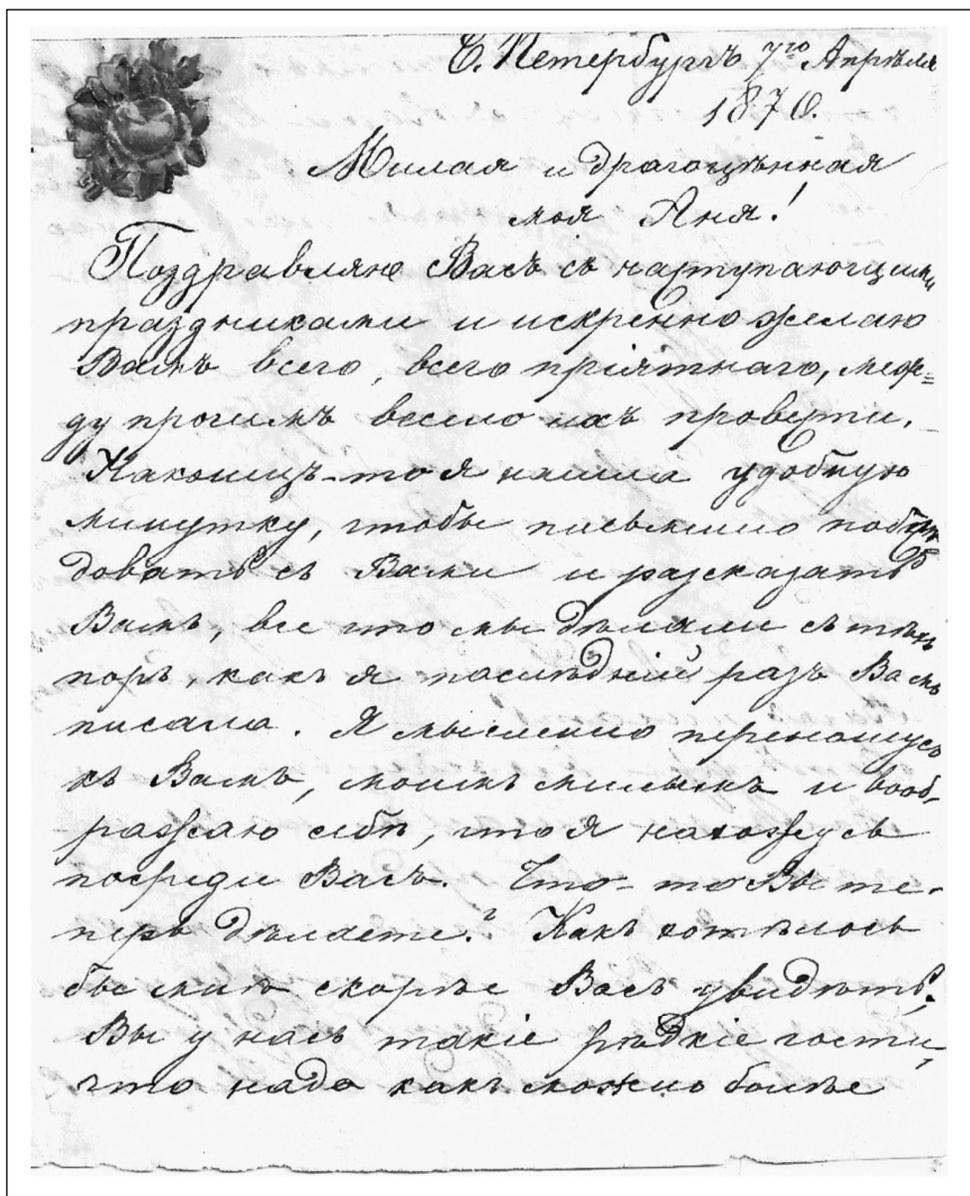

Рис. 1. Письмо А.И. Колзаковой

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. [Письмо А. К. Колзаковой]: Автограф. 1870. 4 л. — вложение в изд.: *Varante, M. Histoire des Ducs de Bourgogne de la Maison de Valois 1364–1477* / par

M. de Barante pair de France. 6 ed. Paris, 1842. 496 p.

2. Вульф А.Н. Любовные похождения и военные походы А.Н. Вульфа. Дневник 1827–1842 годов. Тверь, 1999. 352 с.

Книжные коллекции, собрания и библиотеки в Основном фонде БАН

3. Колзаков Павел Андреевич // Русский биографический словарь: в 25-ти т.: Т. 9: 1896–1918 / под наблюдением А.А. Половцова. СПб., 1903. С. 71.
4. *Чистова И.С.* Дневник гвардейского офицера // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 152–180.
5. Театры и концерты // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 90. 1.04. С. 4.
6. [В настоящее время Общество поощрения художников...] // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 46. 15.02. С. 1.
7. [В настоящее время...] // Весть. 1870. № 47. 16.02. С. 1.
8. [Выставка портретов...] // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 69. 11.03. С. 2.
9. [Выставка портретов в доме министерства...] // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 76. 18.03. С. 1.
10. *Andersen H.C.* Der Improvisator / roman von H.C. Andersen. Leipzig, [1835]. 415 S.
11. *Брауде Л.Ю.* Ханс Кристиан Андерсен. 2-е изд. Л., 1978. 158 с.

САТИРИЧЕСКИЕ ГАЗЕТЫ НАЧАЛА XX ВЕКА В ГАЗЕТНОМ ФОНДЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ

На основе работы, проделанной в Газетном фонде БАН, выявлены сатирические издания начала XX в. В статье дана попытка классификации данных газет по структуре и содержанию. В приложении приведен список выявленных изданий.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Газетный фонд, сатирические газеты, политическая карикатура, история журналистики.

Начало XX в. — важный период в истории российской журналистики. Послабление цензуры способствовало взрывному росту числа изданий — журналов, газет, бюллетеней и пр., что, в свою очередь, усилило конкуренцию: издатели стремились всячески выделиться среди огромного числа себе подобных. Кроме того, расширились возможности для политического высказывания в печати [1, с. 54–56]. Все это привело к тому, что с 1906 г. значительно выросло число сатирических изданий. Впрочем, как мы дальше увидим, сатира выходила за рамки содержания, контента.

Сатирические газеты, представленные в Газетном фонде БАН, не представляют собой специально выделенного массива. При их выявлении в фонде возникают определенные трудности, обусловленные характером изданий.

Во-первых, жанровая терминология («сатира», «юмор») размывается в отношении прессы. Часто издатели выпускали смешанные, сатиро-юмористические газеты. Юмористическая газета вполне могла размещать явно сатирические материалы. В то же время сатирическая по заглавию газета содержала вполне серьезную критику оппонентов, и только.

Во-вторых, сатира содержалась лишь в качестве приложения к вполне

солидному изданию. Отделение сатирического приложения от основной части газеты не всегда очевидно.

На данный момент в Газетном фонде БАН выявлено около 20 изданий, датированных началом XX в., которые, полностью или частично, мы можем отнести к сатирическим. Надеемся, что в ходе дальнейшей работы с фондом нам удастся существенно расширить их перечень.

Сатира — один из инструментов политического высказывания. Ее объектом могут выступать как определенные политические движения, так и более общие группы (например, бюрократы, студенты). Поэтому представленные в фонде издания можно разделить на политически ангажированные и политически нейтральные газеты (рис. 1, 2). В первых хорошо прослеживаются настроения издателей, их симпатии и антипатии. Во-вторых сложно определить политическую принадлежность авторов.

Например, газета «Крик жизни», как заявляют издатели, беспартийна и будет стремиться к объективному освещению фактов, имеющих общественное значение. Политически ангажированные можно четко разделить на правые и левые. Порой сатира в этих изданиях весьма едкая и жесткая. Пожалуй, такие газеты ориентированы на «своих», разделяющих общие взгляды.

Стоит также сказать о газетах, высмеивавших вполне определенного человека. Например, «Виттова пляска», меняющая названия от номера к номеру (1). Газета обязана своим названием графу С.Ю. Витте, однако она не замыкается лишь на нем, высмеивая политических оппонентов (сама газета правого толка).

Газета «Вихрь» хотя и не создавалась специально для осмеяния министра В.И. Гурко, уделяет очень много внимания этой персоне. Начало издания «Вихря» совпало со скандалом и «делом Гурко — Лидваля». Его обвиняли в невыгодной сделке с Э.Лидвалем на поставку хлеба для голодающих районов [2, с. 319–320] [3, с. 240–244]. При этом Э.Лидваль специализировался на продаже клозетов. Очевидно, что дело стало благодатной почвой для всякого рода карикатур и фельетонов.

Кроме политической ангажированности сатирические газеты можно классифицировать по структуре. В первой группе сатира выплескивалась за рамки отведенных для этого рубрик и отделов, во второй газеты имели более традиционный вид. Здесь сатира была в содержании заметок, очерков и карикатур (2).

Особый интерес представляют издания первой группы. Как уже было сказано, в них авторы использовали в целях высмеивания саму структуру газеты.

Например, под это подстраивали обращения редакции к читателям, где обычно сообщается о контактах и ценах на номера и размещение объявлений. Сами объявления, пожалуй, были одним из лучших средств достижения сатирического эффекта (рис. 3). Небольшой объем (как у современного анекдота), стилистика и сатирическое содержание прекрасно подходило для целей данных изданий.

Подобного эффекта достигали и сообщения из рубрик «хроники» или «телеграммы». Иногда издатели делали и более прямолинейные шаги. Например, номер «Туркестанского Кара-Курта», посвященный «желтой угрозе», напечатан на желтой же бумаге.

Таким образом, сатирические газеты представляют собой довольно оригинальный вид прессы начала XX в. Их выявление потенциально позволяет разрабатывать не только политическую историю того времени, но и такие сферы, как смешовая культура или история печати [4].

Рис. 1. Телеграммы из нейтральной газеты «Конфетти»

Рис. 2. Объявление из левой газеты «Нагайка»

Рис. 3. Скорбное объявление из газеты «Боярские устрицы»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. напр.: Виттова пляска. 1905. № 1; Виттова пляска продолжается. 1906. № 2; Русская Виттова пляска. 1906. № 4; Гурьевская каша Виттовой пляски. 1906. № 6; Таврическая Виттова пляска. 1906. № 7. Виттова пляска: орган партии ч. ч. с. (Чернее черной сотни). 1907. № 8.

2. См. напр.: Трамвайные делишки // Туркестанский Кара-Курт. 1913. № 17; Может ли человек питаться сеном? // Сибирский понедельник. 1910. № 51; Вопль российского пассажира (Пригородное сообщение Северных ж.д.) // Семафор. 1914. № 16.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ахмадулин Е.В.* История отечественной журналистики XX в. Ростов н/Д, 2017. 423 с.

2. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 2. Л., 1924. 518 с.

3. *Коваленко Г.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. 257 с.

4. *Роготнев И.Ю.* Смех, комическое, смеховая культура в пространстве сатирического произведения // *Studia Culturae*. 2011. № 12. С. 117–131.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень сатирических газет, выявленных в Газетном фонде БАН

1. Бакинские стрелы: Ежедн. сатир.-юморист. газ. / ред.-изд. П.А. Полюсук. Баку, 1910.

2. Боярские устрицы: Газета анти-туберкулезного направления / ред.-изд. Я.С. Дробинский. Киев, [1912].

3. Весельчак: Сатирико-юморист. газ. Елисаветполь, 1906.

4. Виттова пляска. СПб., 1905–1907.

5. Вихрь: [еженед. сатир. журн.-газ.]. М., 1906–1907.

6. Иркутская копейка: Газ. полит., обществ., лит. и сатир. Иркутск, 1910.

7. Киевская дубинка / ред.-изд. Ф.Я. Постный. Киев, 1907.

8. Когти: Новая полит., обществ. и лит. газ. СПб., 1907.

9. Конфетти: Газ. вполне миролюбивая и легал., с конспирацией отнюдь не знакомая, направления Юго-Сев., сиречь юмор-сатир. [студентов Казан. ун-та]. Казань, 1913.

10. Крик жизни: Ежедн. ил. лит., полит. газ. СПб., 1908–1909.

11. Медведь: Ежедн. ил. газ. М., 1906.

12. Медвежонок: Странички сатиры и юмора: Беспл. прил. к «Черноморской газете». Новороссийск, 1914–1916.

13. Нагайка: Политико-общественный и художественно-литературный орган сатирической самообороны, угрожающий шутя, но не на шутку насильникам, палочникам, патронных слов мастерам, синештанникам, черносотенцам и бюрократам / под ред. Евгеса Поцелуева. [СПб.], [1905–1907].

14. Одесситка: Ежедн. сатирико-юморист. ил. газ. / ред.-изд. В.Ф. Дашкевич-Чайковский. Одесса, 1906.

15. Одесская резинка / ред.-изд. Ф.Я. Постный. Киев, 1907.

16. Пчелка: Юморист. листок. Харьков, 1901–1903.

17. Сибирская почта: Газ. лит.-полит. с отд. сатиры и карикатуры / ред.-изд. В.Т. Талалаев. Иркутск, 1906.

18. Сибирский понедельник: Газ. полит., обществ., лит. и сатир. Иркутск, 1909–1910.

19. Туркестанский Кара-Курт: [юморист. газ.]. 2-е изд. Ташкент, 1913–1914.

20. Феодосийская жизнь: Газ. юмора и сатиры. Феодосия, 1910.

21. Шпилька: Ежедн. газ. [сатиры и юмора] / ред.-изд. В.П. Шумилов. Саратов, 1911.

КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, БИБЛИОТЕКИ И СОБРАНИЯ В ОСНОВНОМ ФОНДЕ БАН

АННОТАЦИЯ

Отражены основные этапы работы сотрудников Отдела фондов и обслуживания по выявлению и описанию изданий из частных библиотек и книжных собраний, хранящихся в основном и специализированных фондах отдела, охарактеризованы текущие и перспективные планы научно-исследовательской работы, направленные на раскрытие фондов БАН.

Ключевые слова: книжные коллекции Основного фонда Библиотеки Российской академии наук, изучение, описание частных библиотек, электронный каталог БАН.

Идея проведения семинара возникла из необходимости поделиться с коллегами новыми сведениями об изданиях и целых коллекциях книг, хранящихся в отечественном, иностранном, газетном фондах, которые собрали сотрудники Отдела фондов и обслуживания в процессе работы.

Основной фонд БАН складывался постепенно, по мере его роста образовывались отдельные части, основные отличительные признаки которых: языковой (отечественный и иностранный фонды), типо-видовой (монографии и периодика), владельческий и др. Внутри образовавшихся частей создавались свои расстановки: систематические, форматные, хронологические. В БАН с первых дней существования поступали книжные собрания и библиотеки, принадлежащие частным лицам, учреждениям, организациям. Некоторые из них вливались в фонд единым массивом и оставались в неизменном виде, другие рассыпались по уже сложившимся расстановкам. Таким образом, в составе основного фонда образовывались самостоятельные части, хоть и со своей системой шифров и справочно-библиографическим аппаратом, но тесно взаимосвязанные между собой.

Первоначальный фонд БАН формировался из библиотек герцогов

Курляндских (1714 г.), А.А. Винниуса, А. Питкарна (1718 г.), Р. Арескина (1719 г.), князей Радзивиллов (1772 г.), академика Г.-К.-Э. Келлера (1838 г.). В период с 1714 по 1750 г. Библиотека получила 25 частных книжных собраний. Большую часть в них составляли иностранные книги. В отношении единства коллекций и собраний больше повезло иностранному и Славянскому фондам, в которых они сохранились единым массивом (например, иностранная часть библиотеки рода Михалковых из с. Петровское, библиотека юриста А.Я. Пасовера, лингвиста Д.К. Петрова, Литовско-латышский фонд, в основу которого легла личная библиотека Э.А. Вольтера. Отечественному фонду в плане сохранения целостности собраний повезло меньше: из поступивших коллекций изымались отдельные издания и вливались в другие части фонда БАН (подсобные, специализированные, обменно-резервные, фонды библиотек филиалов при академических институтах), дублетные экземпляры передавались другим библиотекам, нуждающимся в новых поступлениях. В Отечественном фонде в разных расстановках имеются отдельные издания из частных библиотек графа Сергея Строганова, академика Ф.Е. Корша, П.Ф. Лихачева, А.Ф. Кони,

принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской, М.П. и Н.М. Петровских, а также из библиотек учреждений: Института гражданских инженеров императора Николая I, Геологического музея им. П. Великого, л.-гв. Семеновского полка, Императорского общества судоходства и т.д.

При выполнении документальной проверки отдельных частей фонда, проверки правильности расстановки и даже обеспыливания, изучается каждая библиотечная единица, выявляются новые редкие и ценные экземпляры, которые могут дать много информации об их прежних владельцах, судьбах семей, учреждений и организаций, в составе которых они прежде существовали. Реконструкция личных библиотек выдающихся деятелей, целых семей и древних родов позволяет восстановить историческую картину общества в определенные периоды. По дарственным надписям, посвящениям, маргиналиям на страницах книг из личных библиотек можно получить дополнительные сведения о круге общения и влиянии владельцев собраний на ход исторического развития.

Анализ состава фондов, закрытых и расформированных учреждений и организаций (чаще всего учебных) позволяет проследить не только изменения в учебных процессах и методике преподавания отдельных дисциплин, но и понять, как развивалась наука с течением времени в том или ином регионе и стране в целом. В отечественном книговедении сегодня появился новый термин «рассеянные книжные коллекции».

В 1970-е гг. были собраны в сборник статьи сотрудников Отдела хранения с обзором разных частей основного фонда: отечественного, газетного, иностранного. Уже тогда был накоплен богатый материал, дающий представление о коллекциях, библиотеках и собраниях, которые влились в общий фонд БАН. Новый этап работы по описанию и раскрытию коллекций основного фонда начался с середины 90-х гг. XX в., с создания

в 1994 г. Сектора славянского фонда, присоединения к ОФО в 1996 г. Сектора картографии и организации Сектора литературы русского зарубежья. Сотрудники этих подразделений заняты составлением научных описаний входящих в них документов. За 23 года существования Сектора славянского фонда издано 6 каталогов выставок, 17 библиографических указателей, 1 указатель в соавторстве с отделами Редкой и рукописной книг («Почаевский сборник»). Сейчас в работе находятся еще 2 указателя выставок и 1 библиографический указатель.

Сегодня в нашем отделе эта работа продолжается, но уже на другом уровне. В нее включены иностранный, картографический, Славянский и фонд ЛРЗ. Некоторые темы являются межотдельскими с ОНСЛ.

По плану НИР ОФО ведется работа по описанию изданий:

- Несвижской библиотеки князей Радзивиллов в составе иностранного и Славянского фондов;
- библиотеки дворянского рода князей Михалковых (иностранная часть);
- коллекции литовских и латышских изданий и рукописей иностранного фонда;
- Библиотеки Полярной комиссии из Фонда картографии;
- отдельных частей Славянского фонда (например, библиотека В.С. Караджича).

В Секторе ЛРЗ планируется создание единого каталога на весь фонд, с отражением особенностей каждого экземпляра, расширение уже существующих записей. Более миллиона записей содержит сегодня БД «Газетный фонд ОФО».

Издания Славянского фонда сразу же вливаются в общий ЭК БАН и становятся доступны пользователям, остальные БД существуют пока в локальном режиме, но работа нацелена на то, чтобы эти ресурсы были влиты в общий ЭК БАН. Работа по раскрытию фондов отдела помогает исследователям, в этом видится основная задача нашей деятельности.

ШТАМПЫ И ПОМЕТЫ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ И ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В БИБЛИОТЕКЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается о штампах и пометах частных лиц и организаций, которые чаще всего можно встретить на книгах из Библиотеки Славянского благотворительного общества.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Славянское благотворительное общество, книжные собрания, частные коллекции, книжные штампы.

В Славянском фонде Библиотеки Российской академии наук (БАН) книжное собрание Славянского благотворительного общества насчитывает более 3600 наименований монографий, брошюр и оттисков, а также 149 наименований периодических изданий. Большинство экземпляров этого собрания имеют различные штампы и пометы, принадлежащие как Славянскому благотворительному обществу, так и другим организациям или частным коллекциям.

Славянское благотворительное общество было образовано в Москве в 1858 г. для обеспечения необходимыми предметами нуждавшихся представителей славянских народов и носило название «Славянский благотворительный комитет» [1, с. 574]. В 1868 г. было открыто отделение комитета в Петербурге, которое в основном занималось изданием учебной и научной литературы. В 1869 г. при отделении была образована библиотека. В 1877 г. петербургское отделение было преобразовано в самостоятельное Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, Московский же комитет был закрыт в 1878 г. О судьбе благотворительного общества во время революционных событий 1917 г. и гражданской войны нет никаких сведений.

В 1923 г. книжное собрание благотворительного общества поступило в фонд Библиотеки Академии наук [1, с. 574].

Книги из библиотеки Славянского благотворительного общества имеют ряд характерных помет. В первую очередь это наклейка стандартного образца, специально отпечатанная для библиотеки Славянского благотворительного общества, на корешке книги, на которой указывались номер шкафа, полки и места на полке для данной книги. Эти же данные без наклейки записывались на титульном листе. Также в ходе работы с собранием нам удалось выявить два вида штампов Славянского благотворительного общества, соответствующие наименованию организации в разное время. До 1877 г. Славянское благотворительное общество именовалось Славянским благотворительным комитетом, что нашло отражение в тексте штампа на одной из первых книг, поступивших в библиотеку общества [2, с. 1]. Помимо штампов и наклеек книги из данного собрания имеют внушительное количество дарственных надписей, адресованных Славянскому благотворительному обществу, от ученых-славистов.

Наибольшее количество дарственных надписей принадлежит С.С. Бобчеву и

В.Н. Кораблеву. Стефан Савов Бобчев (1853–1940) — болгарский юрист, журналист и политик, член Народной партии Болгарии. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был военным корреспондентом газеты «Русский мир». Был основателем и президентом (1901–1921) Ассоциации болгарских публицистов и писателей, а в 1903–1940 гг. был председателем Славянского общества в Болгарии [3, с. 6]. Дарственная надпись С.С. Бобчева чаще всего встречается на титульном листе и состоит из двух слов: «От автора». Василий Николаевич Кораблёв (1873–1936) — русский филолог-славист, историк литературы. До революции занимался преподавательской деятельностью. В 1920-х гг. был учёным секретарём Института славяноведения АН СССР. В 1934 г. был арестован по «делу славистов», приговорён к 10 годам ссылки в Казахстане, но в 1936 г. умер в Алма-Ате. Реабилитирован 28 ноября 1956 г. Военным трибуналом ЛВО [4, с. 204]. Его автограф «В. Кораблев» чаще всего можно встретить на титульном листе.

Также в исследуемом фрагменте библиотеки Славянского благотворительного общества представлено большое количество книг из личного собрания П.А. Кулаковского (1848–1913). Платон Андреевич являлся почётным членом Сербской королевской академии наук, Санкт-Петербургского благотворительного и Болгарского славянских обществ. С 1907 г. он занимал должность товарища председателя Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества [5]. Штамп ученого имеет овальную форму и содержит надпись: «Из книг П.А. Кулаковского».

В Славянское благотворительное общество поступали книги из библиотек различных обществ и учреждений. Среди них особый интерес представляет штамп Чешского вспомогательного общества в С.-Петербурге, содержащий в себе помимо названия общества герб Чехии. Чешское вспомогательное общество

было основано в 1877 г. и обеспечивало необходимыми вещами и денежными пособиями переехавших в столицу Российской империи чехов.

Основанное в 1902 г. Галицко-русское общество также занималось благотворительной деятельностью среди проживавших в России уроженцев Галиции [6]. Штамп содержит текст с названием общества в художественном оформлении.

В отличие от штампа Галицко-русского общества штамп Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III заключен в круглую рамку и содержит в себе помимо названия вензель Александра III.

В исследуемой части собрания Славянского благотворительного общества можно встретить штамп Библиотеки Правильной палаты С.-Петербургской Синодальной типографии. История Синодальной типографии ведёт своё начало с XVI в. (правление Ивана Грозного). Закрыта же типографии была в 1918 г., после чего библиотеку ее подразделений, включая библиотеку Правильной палаты, были расформированы [7, с. 208].

Без внимания невозможно оставить и штамп Русского археологического института в Константинополе (рис. 1). Институт был основан в 1894 г. императором Александром III в столице Османской империи и занимался исследованиями географии, истории, архитектуры, эпиграфики и нумизматики Византийской империи и славянских стран. Самой же важной функцией института было проведение раскопок на территории Османской империи с возможностью удержания половины найденных артефактов. Деятельность института была прервана с началом Первой мировой войны в 1914 г. Учреждение было официально упразднено в 1920 г. [8].

Отдельного внимания заслуживают штампы зарубежного происхождения. К ним относится штамп Министерства юстиции Болгарского княжества,

содержащий в себе герб Болгарского княжества (1878–1908). Штмп на титульном листе перекликается с суперэклибрисом в виде герба Болгарского княжества на верхней крышке переплета (рис. 2). Имеется также штмп личной библиотеки Христо Олчева, болгарского книгоиздателя. Штмп содержит надпись: «Библиотека Олчева» на болгарском и французском языках.

Рис. 1. Штмп Русского археологического института в Константинополе

Штмпы и пометы отдельно взятого книжного собрания могут рассказать об его интересной истории, которая тесно связана с политическими и социальными процессами мирового масштаба. Бытовая история многих учреждений и биографии известных ученых пополняются небольшими, но зачастую интересными фактами, которые создают перспективы для дальнейших исследований.

Рис. 2. Суперэклибрис Министерства юстиции Болгарского княжества

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Комиссарова Е.В.* Книжное собрание Петербургского славянского благотворительного общества в фондах библиотеки Российской Академии наук // Петербургские чтения — 97 : материалы Энцикл.б-ки «Санкт-Петербург — 2003». Ассоц. исследователей С.-Петербурга. СПб., 1997. С. 574–576.

2. *Kolihy E.* Jilove král. Zlatohorni město. Praha, 1865. 67 s.

3. *Генов Л.* Проф. Стефан Бобчев основатель и първи ректор на УНСС. София, [2007]. 27 с.

4. *Ашин Ф.Д.* «Дело славистов» : 30-е годы / отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1994. 284 с.

5. *Степанов А.* Платон Андреевич Кулаковский [Эл. ресурс] // Хронос [сайт]. 2008. URL: <http://www.hrono.info/>

biograf/bio_k/kulakovski_pa.php (дата обращения: 02.05.2017).

6. По переписке с разными лицами и учреждениями Галицко-русского общества. [Эл. ресурс] // Российский государственный исторический архив [сайт]. URL: http://www.fgurgia.ru/old/showObject.do?object=110584920&viewMode=B_10681&link=1 (дата обращения: 03.05.2017).

7. *Соколов А.В.* Реквизиция Петроградской синодальной типографии в январе 1918 г. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 199–209.

8. *Сусленков В.Е.* Археологический институт в Константинополе [Эл. ресурс] // Православная Энциклопедия [сайт]. 2008. URL: <http://www.pravenc.ru/text/76472.html> (дата обращения: 01.05.2017).

КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, БИБЛИОТЕКИ И СОБРАНИЯ В СЛАВЯНСКОМ ФОНДЕ БАН

АННОТАЦИЯ

Материал посвящен одному из важнейших направлений деятельности Славянского фонда БАН — изучению изданий, происходящих из книжных коллекций, библиотек и личных собраний, которые позволяют нам говорить об уникальном репертуаре фонда и его актуальности для современных исследователей.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Отдел фондов и обслуживания, Славянский фонд, книжная коллекция, библиотека, книжное собрание.

В настоящее время многие библиотеки, университеты и музеи обратились к теме изучения личных книжных собраний, а также библиотек организаций, что представляет несомненный интерес. Для того чтобы разговор о коллекциях, библиотеках и собраниях был качественно содержательным, предлагаем разобраться с ключевыми терминами, которые получили широкое хождение в современной научной литературе. Для нашего исследования мы приняли следующее определение в качестве базового и отправного пункта.

На наш взгляд, наиболее удачное определение «книжной коллекции» дано Е.Б. Виноградовой: «книжная коллекция» — совокупность документов, объединенных принципом коллекционирования ... по каким-то признакам, как правило, не связанным непосредственно с содержанием» [1, с. 28]. В фондах БАН наличествуют фрагменты коллекций, которые мы можем определить исходя из указанной дефиниции (книги из коллекции).

По отношению к книжному собранию предлагаем руководствоваться следующим определением: «книжное собрание» — совокупность документов, профессионально организованная по принципам библиотечного комплектования,

учета, размещения и хранения» [1, с. 28]. Личная библиотека, в первом приближении, может быть охарактеризована таким образом: «личная библиотека» — синтетический, многоуровневый источник, аккумулирующий в себе различные типы вещественных и письменных источников» [2, с. 68].

Приведенные определения не являются единственными, но, на наш взгляд, наиболее подходящие для стадии работы по выявлению экземпляров, ранее принадлежавших выдающимся ученым, государственным деятелям или организациям и учреждениям.

В настоящее время Славянский фонд БАН ведет отдельное направление работы, связанное с изучением состава фонда. Идея выделения указанного направления оформилась в процессе производственной работы, а также проведения проверки наличия изданий. Первоначально составлялись различные списки, позже стали формироваться вспомогательные картотеки. Так сложилось, что практически каждый сотрудник Славянского фонда имеет целый спектр таких вспомогательных материалов, которые позволяют составить более широкое представление о тех богатствах, которые хранит Славянский фонд. Сегодня Славянский фонд состоит из двух частей.

Первая из них — Мемориальная часть Славянского фонда, включающая в себя издания, опубликованные преимущественно в конце XVIII — начале XX в. В этой части книги располагаются в соответствии с языковым принципом формирования отделов, внутри которых издания размещены по форматам.

Формирование фонда происходило в конце XIX в. по инициативе А.А. Куника. В результате издания на славянских языках были выделены из общего количества книг I Отделения БАН и составили первоначальную часть Славянского фонда. Среди изданий, ставших основой Славянского отделения, имеются экземпляры, происходящие, например, из личной библиотеки сына Петра I царевича Алексея; несколько экземпляров, принадлежавших государственным деятелям — приближенным Петра А.А. Виниусу и Я.В. Брюсу; собрание польской книги XVI–XVIII вв. из библиотеки литовских магнатов Радзивиллов, приобретенная часть библиотеки сербского просветителя Вука Стефановича Караджича и другие.

Пополнение фонда в начале XX в. также было ознаменовано приобретением ценных научных собраний и личных библиотек, среди них книги, некогда принадлежавшие И.И. Срезневскому, Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу, А.Л. Петрову, П.А. Кулаковскому, А.Н. Пыпину и др.

В 30-е годы XX в., когда деятельность Славянского отделения была прекращена, Славянский фонд фрагментарно пополнился книгами из расформированного Института славяноведения (г. Ленинград), среди которых наибольшее значение имеют издания, ведущие свое происхождение из личной библиотеки Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских.

Вторая — пополняемая — часть Славянского фонда стала формироваться не так давно, только в XXI в. С 1994 г., когда деятельность Славянского фон-

да была возобновлена в качестве самостоятельного сектора в составе основного фонда БАН, комплектование профильной литературой не производилось. Все издания, опубликованные на славянских языках, поступившие в БАН после 1930 г., распределялись в соответствии с общими правилами комплектования изданий на различных языках. Таким образом часть книг была направлена в фонд отечественных монографических, периодических и серийных изданий, другая — в иностранный фонд, а также в различные библиотеки институтов РАН.

Сотрудники Славянского фонда стали вести научную работу с фондом, и это потребовало оформления рабочего вспомогательного книжного собрания, которое долгие годы происходило латентно.

Необходимость оформления этой части фонда была обусловлена двумя причинами:

1. За время работы Славянского фонда в качестве сектора в составе ОФО его читальному залу было подарено небольшое, но крайне важное для работы количество изданий, которые стали востребованными не только для работников фонда, но и для читателей. Часть этих книг прошла этап обработки и была влита в различные подразделения БАН, что в отдельных случаях затрудняло работу с изданиями (некоторые книги были направлены в библиотеки при институтах РАН и не могут быть предоставлены для длительной работы в Славянский фонд).

2. Также в последние несколько лет БАН были предложены фрагменты личных библиотек современных ученых, в состав которых входили издания, являющиеся профильными для Славянского фонда.

В 2015 г. было принято решение о включении в отдельную часть Славянского фонда (в нашей работе, обозначенной как «вторая») экземпляров, принадлежавших современным ученым: Ю.Д. Марголису, Ю.К. Бегунову,

О.М. Малевичу, О.И. Минину, а также экземпляры из библиотек С.С. и Ю.С. Масловых, Т.А. и А.С. Мыльниковых. Кроме указанных фрагментов библиотек и книжных собраний во вторую часть Славянского фонда были направлены издания, подаренные коллегами и читателями, что позволило существенно обогатить репертуар фонда.

С целью учета и организации справочного аппарата были открыты «Книги поступления» [3, с. 6], инвентарные книги (монографических и периодических изданий), а также алфавитный и электронный каталоги (на базе системы ИРБИС). Эти меры позволили организовать наиболее удобный доступ к имеющимся изданиям как для самих сотрудников Славянского фонда, так и для читателей.

Процесс формирования второй (полняемой) части фонда продолжается.

Надеемся, что комплектование новой профильной литературой станет полезным и важным аспектом в работе с первой (мемориальной) частью фонда, которая имеет колоссальное значение для многих современных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Виноградова Е.Б.* Мемориальные функции библиотек: научно-методическое пособие. М., 2009. С. 28.
2. *Ильина О.И.* Личные библиотеки как источник по истории культуры // Вестник СПбГУКИ. 2003. Ноябрь. С. 68.
3. Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: каталог выставки / сост.: М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко; отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб., 2016. 64 с.

КАК СКЛАДЫВАЛОСЬ КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ СОБРАНИЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АННОТАЦИЯ

Материал посвящен истории картографического собрания Библиотеки Российской академии наук, его источникам комплектования, в том числе личным собраниям и коллекциям.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Отдел фондов и обслуживания, картографическое собрание.

Библиотека Российской академии наук обладает замечательным картографическим собранием, одним из крупнейших и разнообразнейших по составу в стране, да и в мире: это отечественные и иностранные рукописные и гравированные карты XVII–XVIII вв., атласы, а также другие картографические документы периода XIX–XXI вв. Об истории формирования этого собрания, складывающегося в течение трех столетий, до настоящего времени не было специальных исследований. Впервые этот вопрос затронут в статье О.А. Красниковой «Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской академии наук в XVIII – начале XX в.» [1].

Первыми картографическими документами в Академии наук стали карты, чертежи и атласы личного собрания Петра I, переданные после его кончины в период 1725–1729 гг. по указу Екатерины I. В дальнейшем академическое собрание карт пополнялось коллекциями петровских деятелей — Арескина, Винууса, Брюса, Питкарна, затем, вероятно, Остермана и других, картами петровских геодезистов, находившимися в Сенате. С введением в 1783 г. закона об обязательном экземпляре в Академическую библиотеку стали поступать, наравне с книгами, и картографические материалы.

В 1810 г. академик Г.Ю. Клапрот обратил внимание Конференции Академии наук на то, что после закрытия в 1799 г. Географического департамента Академии наук его богатейшее собрание рукописных и печатных карт рассеялось по разным местам и поэтому недоступно ученым. В 1856 г. академик П.И. Кеппен обратился к Общему собранию Академии с просьбой «сделать какое-либо распоряжение относительно принадлежащих Академии географических карт, дабы было известно, в каком отделении академической библиотеки они хранятся», т.к. с разделением в 1819 г. Библиотеки на два почти самостоятельных отделения — I Русское и II Иностранное произошло разобщение и картографического фонда. Отечественные карты и атласы направлялись в Русское отделение, а иностранные — в Иностранное. Каталогизацией картографических материалов по рекомендации Ф.Ф. Литке, в то время Президента Академии наук, занялся капитан 1-го ранга А.В. Фрейганг, обладавший обширными познаниями и владевший девятью языками.

Картографические документы поступали в дар, по завещанию, покупке и т.д. Так, генерал П.К. Сухтелен подарил Академии наук «Подробную карту России...». С приобретением в 1852 г. библиотеки академика, библиотекаря

II Иностранного отделения Библиотеки Академии наук, директора Азиатского музея при ИАН Х.Д. Френа в БАН попал и альбом иностранных и российских гравированных карт разного формата, общим числом 67 листов. В 1890-х гг. в БАН поступило собрание материалов по истории войн XIX в. И.П. Липранди, военного историка, офицера русской армии, действительного статского советника. В составе этого собрания оказалось немало гравированных карт XVIII в. В конце XIX в. в БАН поступили карты из собрания члена Государственного совета, археографа Павла Александровича Муханова. Картографические собрания нередко входили в состав книжных коллекций военных специалистов и мореплавателей: графа А.А. Аракчеева (1769–1834), члена Государственного совета, генерала П.К. Сухтелена (1751–1836), генерала от инфантерии, генерала-инспектора всей пехоты, члена Государственного совета светлейшего князя А.А. Суворова-Рымниковского (1804–1882) и его брата, гофмейстера, графа К.А. Суворова (1809–1877), геодезиста и топографа, генерала от инфантерии И.И. Стебницкого (1835–1897), генерал-лейтенанта, вице-председателя ИРГО А.А. Тилло (1839–1899), адмирала, главнокомандующего морскими и сухопутными войсками в Крыму, Кронштадтского военного губернатора светлейшего князя А.С. Меншикова (1787–1869), майора Терещенко. К середине XIX в. в личных библиотеках ученых и специалистов заметную долю составляли картографические произведения (собрания антрополога и географа, профессора Петербургского университета Э.Ю. Петри (1854–1898), врача русского посольства в Пекине Э.В. Бретшнейдера (1833–1900), профессора геометрии в Институте путей сообщения, библиофила Н.П. Дурова (1834–1879), криминалиста, присяжного поверенного округа СПб судебной палаты А.Я. Пассовера (1841–1910),

известного собирателя А.И. Бунина и др.). Дворянские семейные библиотеки часто имели в своем составе картографические произведения для учебных и общеобразовательных целей (собрание камергера Высочайшего двора, Ярославского губернского предводителя дворянства С.В. Михалкова (1863–1905) и др.). По давней, еще с XVII в. идущей традиции, картографические произведения составляли часть личных книжных собраний священнослужителей (митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Евфимия Алексеевича Болховитинова, 1769–1837) и др.). В 1910 г. книжные фонды БАН пополнило собрание дворян Михалковых, в составе которого было немало картографических произведений. После 1917 г. в БАН передавались картографические документы полковых библиотек, личных библиотек членов императорской семьи.

В 1919 г. Русское и Иностранное отделения БАН были объединены в одно административное целое под руководством одного директора — А.А. Шахматова. Были выделены в качестве самостоятельных отделений еще два: III — Отделение печатных книг на славянских языках и IV — Рукописное. В результате сопутствовавших этому объединению структурных преобразований в составе книжного отдела I Русского отделения в 1921 г. был образован Картографический подотдел [2, с. 308–309].

В сентябре 1924 г. в I Русском отделении и IV Рукописном началось выделение карт и атласов, хранившихся там в особых ящиках и шкафах, а также нот и других графических материалов во вновь создаваемое Картографическое отделение. Туда же передавались и картографические материалы из Иностранного отделения. Таким образом, впервые картографические документы могли образовать специализированный фонд. Уже в 1925 г. этому находившемуся в стадии формирования

подразделению были переданы из Тихвинского монастыря 1605 листов карт, 21 атлас и 38 путеводителей. В этом же году из Государственного книжного фонда поступило 113 атласов и 4707 листов карт, многие из которых были в футлярах, а большинство были наклеены на холст. 5 декабря 1925 г. Общим собранием Академии наук было утверждено создание в Библиотеке Академии наук СССР новой специализированной структурной единицы (пятой по счету) — Картографического отделения. Инициатором и первым заведующим этого отделения был Н.М. Каратаев, географ, библиограф, университетский преподаватель.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Красникова О.А.* Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской академии наук в XVIII — начале XX в. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XX в.: Исторические очерки / отв. ред. Ю.М. Батулин; ред.-сост. Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2016. С. 116–178.

2. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, П.В. Соколов, В.Н. Воронов, В.Я. Хватов; отв. ред. М.С. Филиппов; БАН СССР. Л. : Наука, 1964. 599 с.

ШЛЯХЕТСКАЯ УСАДЕБНАЯ БИБЛИОТЕКА XIX СТОЛЕТИЯ (на примере библиотеки Юзефа Жабы)

АННОТАЦИЯ

На примере библиотеки дисненского земского судьи Юзефа Жабы рассматривается категория библиотек, собиравшихся в родовых имениях и принадлежавших образованной шляхте.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Юзеф Жаба (1798–1880), усадебная библиотека, библиотеки Витебщины.

В конце XVIII — начале XIX столетия на бывших землях Великого княжества Литовского произошел настоящий взрыв интереса к собиранию книг и формированию личных библиотек. Количество экземпляров в данных «книгосборах» могло колебаться от сотни до нескольких тысяч и зависело от статуса, уровня образованности и материальной обеспеченности владельца. Наиболее страстными библиофилами являлись представители различных слоев аристократии: магнатория и средне- и мелкопоместная шляхта. В их число входил и Юзеф Антоний Жаба (1798–1880) герба Косцеша, земский судья Дисненского у., значительная часть усадебной библиотеки которого ныне хранится в фондах БАН.

Несмотря на то что работа по научно-библиографическому описанию экземпляров из его библиотеки все еще ведется, мы уже можем сделать предварительные выводы о том, насколько велики были ее размеры, каким образом она комплектовалась, какая книжная тематика интересовала владельца. На примере «книгосбора» Ю. Жабы мы продемонстрируем, как могла выглядеть усадебная библиотека образованного шляхтича XIX в.

Богатая библиотека собиралась паном Юзефом на протяжении десятилетий в принадлежавшем ему имении Шшо (Сшо, Шо) Прозорокской волости Дисненского у. Виленской губ. Согласно

историографии середины XIX — начала XX в., характерной особенностью этого усадебного «книгосбора» являлась ориентированность на материалы по истории белорусских земель времен Речи Посполитой [1, s. XXIII] [2, с. 328] [3, s. 172]. Однако при предварительном тематическом анализе обнаруженных нами печатных изданий ее выявить не удалось. По всей вероятности, такая узкая тематическая направленность была характерна только для рукописной части шшанского «книгосбора». Ее выявление требует дальнейших разысканий в архивах и библиотеках Беларуси, Литвы, Польши и России.

На сегодняшний день в фондах БАН мы идентифицировали более 1200 изданий, входивших в состав усадебной библиотеки пана Юзефа. Для их обнаружения мы использовали топографический каталог Славянского фонда БАН и книги поступлений Славянского отделения за 1926–1927 гг. [4] [5].

Значительная часть данного «книгосбора» была выявлена *de visu* по характерным книжным знакам пана Жабы. На корешках владельческих переплетов располагается тисненый золотом шрифтовой суперэклибрис с инициалами хозяина: «I.Z.» (или «J.Z.») (рис. 1); реже можно встретить следующий вариант на польском языке: «z Księgo-Zbiogu Iózefa Żaby z Szsza». Доминирующее

Рис. 1. Шрифтовой суперэклибрис Ю. Жабы: «J.Z.»

количество книг во владельческих переплетах свидетельствует о благосостоянии их обладателя, а также, по всей вероятности, о стремлении закрепить свое право собственности на книги. Последняя гипотеза подтверждается еще и тем, что Юзеф Жаба старался избавиться от следов пребывания его книг в иных руках: надписи предыдущих хозяев тщательно им зачеркивались и заклеивались, в некоторых случаях с обеих сторон листа.

Практически на всех книгах из шпанской библиотеки имеется подробная владельческая надпись на польском языке, расположенная на титуле. Она имеет несколько вариаций, а самой распространенной является следующая: «z Księgo-Zbiogu Józefa Żaby z Szysza». Также в тексте книги помещаются надписи: «Józef», «Kościeszka» и «Żaba».

Хронологические рамки выявленной части библиотеки Ю. Жабы — середина XVII в. — 1862 г. В основном это литература светского содержания весьма разнообразной тематики. Значительную долю книг составляют старопечатные издания на польском языке; реже встречаются книги на латинском, французском, немецком и русском языках.

Следует отметить, что усадебные библиотеки шляхты нередко носили составной характер [6, с. 1]: они передавались из поколения в поколение, пополнялись за счет книжных собраний отдельных членов семьи и приобретаемых экземпляров из других библиотек, которые

по тем или иным причинам выставлялись на продажу. Также в их составе имелись и новинки издательского дела, купленные у книготорговцев или полученные по подписке.

Схожим образом комплектовалась и библиотека нашего героя. Тем не менее, значительного «семейного» ядра нам в ней не удалось обнаружить. Мы насчитали только 4 экземпляра с надписями прежних владельцев из рода Жаб.

В свою очередь, книг из иных частных библиотек, ставших собственностью пана Юзефа, гораздо больше. На экземплярах его «книгосбора» можно встретить более 50 имен прежних владельцев [7, с. 220].

На данном этапе исследования библиотеки Ю. Жабы еще остаются нерешенными некоторые вопросы, связанные с путями ее попадания в БАН. Как уже говорилось ранее, нижняя хронологическая граница данной библиотеки датируется нами 1862 г. Представляется, что пользоваться своими книгами, как и имуществом в целом, пану Жабе могли временно запретить в связи с Польским восстанием 1863–1864 гг. В пользу этого говорят и сведения, почерпнутые из дела «Иосифа Жабы по имению Сшо», хранящегося в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В нем упоминается, что из-за участия в восстании его сына Михала имение Жабы находится «под секвестром» [8, л. 4].

Так или иначе, после 1862 г. шпанская библиотека перестает пополняться новыми печатными изданиями. Однако во второй половине 1860-х гг. Ю. Жаба вновь обретает свой «книгосбор». Об этом говорят рукописные документы, составленные из вкладных книжных закладок, которые мы обнаружили в экземплярах его библиотеки. Данные бумаги тем или иным образом связаны с паном Юзефом и носят финансово-деловой характер. Некоторые из них датируются 1865, 1867 и 1868 гг. [9, л. 3, 5].

После смерти пана Юзефа в 1880 г. библиотекой, вероятно, мог распоряжаться его сын Каспер, наследовавший

имение Шшо. Тем не менее, каким образом данные книги попали на рынок книжной торговли и где именно их приобрел известный библиофил, барон Д.Г. Гинцбург, в настоящее время остается загадкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Barszczewski J.* Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. [Т. 1]: Poprzedzone krytycznym rzutem oka na literaturę białoruską przez Romualda Podbereskiego. Petersburg, 1844. [4], XLVI, 95 s.

2. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П.П. Семенова. СПб.; М., 1882. Т. 3, ч. 1: Литовское полесье, ч. 2: Белорусское полесье. 550 с.

3. *Chwalewik E.* Zbiory polskie: archiwa, biblioteki, gabinety, galerje, muzea i inne zbiory pamiątek przeszłości w ojczyźnie i na obczyźnie w zestawieniu alfabetycznym według miejscowości. Warszawa, 1916. 297, [6] s.

4. Книга поступлений № 9 (1925–1926) // СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 245.

5. Книга поступлений № 10 (1926–1928) // СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 246.

6. *Николаев Н.В.* Усадебные библиотеки в белорусских землях Российской империи в XIX — начале XX века // Среда становления русской культуры Нового

времени. Социально-культурный ландшафт русской усадьбы: сб. статей по проекту Японского общества развития наук при Министерстве народного просвещения Японии / под ред. проф. Баннай Токуаки (Государственный университет Хитоцубаси). Токио, 2016. [Отд. оттиск]. 15 с.

7. *Гусева О.В.* Старопечатная польская книга во владельческих коллекциях Славянского фонда БАН // Libri Recogniti: Nowe inspiracje do badań nad starodrukami polskimi w bibliotekach Rosji, Białorusi, Ukrainy, Litwy i Finlandii = Новые инспирации для исследований польских старопечатных изданий по библиотекам России, Белоруссии, Украины, Литвы и Финляндии / pod red. Stanisława Siess-Krzyszковского i Waclawa Waleckiego. Kraków, 2013. С. 215–241.

8. Дело Иосифа Жабы по имениу Сшо. 27.10.1865–31.05.1872 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577 (Главное выкупное учреждение Министерства финансов). Оп. 3. Д. 733. 10 лл.

9. Инкапсулированные рукописные вложения. 7 л. // Gaume J.J. Zasady i całość wiary katolickiej, czyli Wykład jéj historyczny, dogmatyczny, moralny, liturgiczny, apologetyczny, filozoficzny i socyalny, od stworzenia świata aż do naszych czasów, przez X. [...] Catéchisme de Persévérance. Przekład z francuzkiego, podług szóstego wydania Paryzkiego ostatecznie poprawnego i znacznie pomnożonego. Warszawa, 1852–1855. 8 т. (Хранится в Славянском фонде БАН.)

КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ГАЗЕТНОГО ФОНДА БАН

АННОТАЦИЯ

Газетный фонд БАН был сформирован в середине XX в., и в его состав вошли многие издания, происходящие из различных коллекций и библиотек. В представленном материале отражены результаты трудов сотрудников Газетного фонда по изучению таких изданий.

Ключевые слова: Библиотека российской академии наук, Отдел фондов и обслуживания, Газетный фонд, источники комплектования, книжные коллекции.

Газетный номер устаревает на следующий же день после выпуска. И несмотря на это или благодаря этому газеты могут быть использованы для реконструкции исторических эпох, поскольку являются отражением культурной и интеллектуальной жизни как отдельных личностей, так и общества в целом. Становясь ценными частями фондов научных библиотек, книжные коллекции обогащают их экземплярами, которые могли быть утраченными.

Среди источников комплектования можно выделить следующие:

1. *Обязательный экземпляр* является основным источником в деле комплектования Газетного фонда БАН.

2. *Книгообмен* (как внутренний, так и международный) также способствует пополнению Газетного фонда БАН. После известных событий 1988 г., когда в Библиотеке возникла острая необходимость восстанавливать поврежденные фонды, значительная часть изданий поступала в ходе книгообмена.

3. *Подписка* поступает в библиотеку от издателя, что позволяет более оперативно предоставлять свежие газеты для читателей, чем обязательный экземпляр.

4. *Покупка*, как и подписка, использовалась как для закупки свежих номеров газет, так и для приобретения изданий, не поступающих из Книжной палаты, но имеющих спрос у читателей.

5. *Издания, подаренные библиотеке*, составляют совсем небольшую часть из общего массива газет, но зачастую наиболее интересную. Подарить библиотеке те или иные издания может как владелец, так и его наследники, считающие, что предлагаемое собрание может принести большую пользу для читателей в библиотеке, где оно может послужить на благо развития науки.

Отдельные экземпляры и целые собрания из различных книжных коллекций поступают в Газетный фонд БАН в порядке книгообмена, покупки или в качестве дара.

В 2016 г. Газетный фонд пополнился газетами из собрания филолога-литературоведа, слависта, переводчика с чешского и словацкого языков, поэта Олега Михайловича Малевича (1928–2013). К сожалению, на переданных номерах нет никаких помет, по которым в дальнейшем можно было бы опознать данные номера как коллекционные. Но узнать, к какой коллекции они принадлежат, можно будет при обращении к книге поступлений, где указано, когда и откуда данные газеты поступили в фонд.

При работе с фондом сотрудники обращают внимание на наличие экслибрисов, штампов, присматриваются к подшивкам с оригинальными переплетами, ищут дарственные надписи и пометы.

Именно на основании подобных сведений делаются предположения о том, что данная газетная подшивка является коллекционной, либо принадлежит к тому или иному собранию или библиотеке.

В настоящее время в фонде не ведется специальная работа, направленной на реконструкцию коллекций. Все экземпляры, имеющие внешние признаки принадлежности к коллекции, собранию или библиотеке, выявлены в процессе проверки правильности расстановки, передвижки и документальной сверки. Именно при выполнении этих работ осуществляются поэкземплярный просмотр фонда и атрибуция изданий по владельческим признакам. Возможность опознания отдельных переплетов из частных собраний стала затрудненной после пожара 1988 г.: многие переплеты были повреждены и утратили свои внешние характерные признаки.

Ведутся списки выявленных собраний с указанием наименования, года, места издания и периода, за который переплетена газета. Также указывается инвентарный номер и номер по книге поступлений, если они имеются.

Газетный фонд БАН в том виде, который мы имеем сегодня, был сформирован в середине XX в. К 1956 г. газеты из различных фондов были переданы для хранения в специализированный Газетный фонд. В результате такого «слияния» в Газетный фонд было включено множество изданий, происходящих из отдельных книжных коллекций, собраний, личных библиотек и библиотек других организаций. В настоящее время составляет особенную сложность установление происхождения таких экземпляров, так как далеко не во всех случаях сохранились внешние признаки. С теми изданиями, где стоит номер по книге поступления, работать будет несколько проще, чем с экземплярами, где стоят только инвентарные номера. К сожалению, при создании инвентарных книг в 50-х гг. XX в. информация об источниках поступления газет не указывалась.

А в связи с тем, что не на всех газетных подшивках есть номера по книгам поступлений, то выяснение источников и даты их поступления в БАН будет проблематично, что, в свою очередь, делает невозможным подсчет количества переданных экземпляров газетных подшивок из частных собраний.

Сейчас сотрудники Газетного фонда принимают участие, вместе с коллегами из фонда отечественных монографий и сектором Славянского фонда, в реконструкции книжных собраний, в частности, налажена работа по двум собраниям: рода Михалковых и М.П. и Н.М. Петровских.

Широкое поле деятельности открывает фонд для определения изданий, поступивших в БАН из различных книжных коллекций, собраний, библиотек и т.д., сбору и представлению широкой общественности информации по наличию тех или иных изданий. Сейчас работа только начинается, мы накапливаем данные и знакомимся с фондом, обрабатываем методику по выявлению и сбору информации об изданиях. Все газетные подшивки хранятся согласно принятым правилам расстановки, а не единым массивом в соответствии с теми коллекциями, собраниями и библиотеками, в составе которых они поступали. Это, с одной стороны, затрудняет работу по выявлению и атрибуции изданий, но, с другой, приводит к тому, что подчас неожиданно можно найти издание, которое представляет научный интерес и порождает вопросы о прежних владельцах и пути, по которому оно поступило в БАН. Во многих случаях можно увидеть несколько штампов с указанием тех или иных библиотек, в которых хранилась данная подшивка, что позволит в дальнейшем провести более детальные работы по определению судьбы и пути газеты, которая в итоге попала в БАН.

В ходе работы с Газетным фондом БАН нам удалось установить экземпляры, имеющие внешние признаки, свидетельствующие об их происхождении

из 27 книжных собраний, в том числе из 9 частных и 18 из библиотек учреждений. Уникальных штампов выявлено — 20 ед., экслибрисов — 4 ед. Два экземпляра газетных подшивок имеют дарственные надписи. Наибольшее количество изданий выявлено из библиотеки рода Михалковых, наличие экслибриса, штампа, а иногда и подписи упрощают их выявление в общем массиве газетных подшивок. Выявлено уже более 20 ед.

Также среди изданий, хранящихся в Газетном фонде БАН, были выявлены экземпляры, принадлежавшие библиотеке Тентелевского химического завода. Выявленное количество газетных подшивок с их штампом приближается ко второму десятку (рис. 1).

Рис. 1. Штамп библиотеки Тентелевского химического завода

Не приходится сомневаться в существовании значительного потенциала для установления подробного перечня частных собраний, хранящихся в Газетном фонде БАН.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОБРАНИЯМ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМ В ФОНДЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МОНОГРАФИЙ БАН

АННОТАЦИЯ

В Фонде отечественных монографий БАН хранится большое количество ценных и уникальных изданий, часть из которых происходит из личных библиотек и книжных собраний. Работа по выявлению таких изданий долгое время не являлась профильной для сотрудников фонда и проведена лишь в отдельных хранениях фонда.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Отдел фондов и обслуживания, Фонд отечественных монографий.

В Фонде отечественных монографий сосредоточено большое количество ценных и уникальных изданий, часть из которых происходит из личных библиотек и книжных собраний. Работа по выявлению таких изданий долгое время не являлась профильной для сотрудников фонда и потому проведена лишь в отдельных хранениях фонда. Но даже это дает огромный объем информации.

Для наиболее наглядного представления мы выделяем в своей работе следующие внешние признаки, на которые обращаем внимание: экслибрисы, дарственные надписи, автографы, штампы, штемпели (довольно редки). Также считаем важным учитывать информацию о владельцах, держателях и оформителях, которая могла быть зафиксирована на изданиях: частные собрания (личные библиотеки), учреждения (школы, гимназии, курсы, общества), временные (переплетные мастерские, книготорговцы) и др.

Трудность составляет обнаружение пометок на книгах первой половины и середины XIX в. В силу определенных обстоятельств они могли исчезнуть либо быть существенно повреждены.

Работа по выявлению изданий, происходящих из книжных собраний, была начата с библиотеки Михалковых.

Но в ходе этой работы было обнаружено большое количество информации на изданиях, поэтому было решено делать записи обо всех встречающихся пометках, которые позволили бы атрибутировать издание. Книг, принадлежащих Михалковым, выявлено не много. На изданиях присутствуют два типа штампов и один экслибрис с гербом рода и надписью внизу: «Из библиотеки села Петровского Рода Михалковых» (рис. 1). Также удалось найти одну дарственную надпись: «Его высокоородию Владимиру Сергеевичу Михалкову», которая была оставлена неизвестным автором на издании речи Алексея Львова «О влиянии путей сообщения на успехи народного богатства» [1, с. 48]. Библиотека Михалковых имеет богатый книжный репертуар, освещающий такие темы, как: история, экономика, обществоведение, культура, философия, военное дело и др.

Порой по внешнему виду, по качеству переплета книги, которые несколько не пострадали за век с лишним, можно определить владельца, как это происходит, например, с книгами из собрания юрисконсульга Александра Яковлевича Пассовера (1841–1910). Его библиотека довольно велика и содержит издания, посвященные не только юридическим и смежным

дисциплинам, но и, предположительно, отражающие весь спектр наук, известных на тот момент. Значительная часть этой богатейшей библиотеки после смерти владельца в 1910 г. была передана в БАН [2]. Кроме узнаваемых переплетов книги А.Я. Пассовера имеют штамп, который встречается как на титульном листе, так и на отдельных страницах изданий. Оба указанных внешних признака позволяют производить первичное выявление изданий, происходящих из указанного собрания.

В ходе работы с фондом нам также удалось выявить издания, происходящие из личных библиотек, работа с которыми на настоящем этапе имеет фрагментарный характер:

1. Имеется большое количество книг с дарственными надписями на имя Никодима Павловича Кондакова, который являлся русским историком византийского и древнерусского искусства, археологом, создателем иконографического метода изучения памятников искусства, академиком Петербургской АН и Императорской академии художеств [3]. На некоторых экземплярах встречается его экслибрис (рис. 2).

2. Имеется огромный массив книг с подписью, предположительно, Вернадских и большое количество книг с дарственными надписями на имена Владимира Ивановича Вернадского и его сына Георгия Владимировича Вернадского. Изредка был замечен штамп Вернадского-старшего.

3. Выявлено много книг с дарственными надписями на имя Анатолия Федоровича Кони, который, будучи юристом, судьей, государственным и общественным деятелем, литератором, судебным оратором, действительным тайным советником, имел весьма обширную библиотеку. Чтобы выжить в первые годы после революции, он был вынужден продавать ценные экземпляры из своей библиотеки, чтобы купить хлеб [4, с. 391]. В его собрании преобладают издания, посвященные юриспруденции, истории и медицине.

В фонде отечественных монографий также представлены книги из собраний

и личных библиотек знаменитых ученых и государственных деятелей, среди которых мы видим имена: императора Николая II (1), Великого князя Константина Николаевича, графа Строганова, академика Ф.Е. Корша, С.А. Соболевского и других.

Нельзя не упомянуть штампы Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских (русские ученые-слависты), Алексея Афанасьевича Дмитриевского (русский византист, историк Церкви), Николая Ивановича Андрусова (русский геолог, стратиграф, минералог, палеонтолог); дарственные надписи, адресованные Сергею Федоровичу Ольденбургу (русский и советский востоковед, один из основателей русской индологической школы), Василию Васильевичу Латышеву (русский филолог-классик, эпиграфист и историк); экслибрис Дмитрия Модестовича Остафьева (библиофил, его обширная библиотека содержала книги преимущественно по масонству и истории, а также издания по богословию, мистике, астрологии, оккультизму, искусству, географии и библиографии; в 1918 г. библиотека была распродана) и др.

Есть и редкие вещи. К примеру, издание, отмеченное знаком Женского патриотического общества (1812–1917) [5] — старейшего и наиболее влиятельного женского благотворительного общества Российской империи. Или цветной штамп библиотеки Морского кадетского корпуса, выявленный на издании П. Гамалея «Теория и практика кораблевождения» [6].

Еще одна трудность возникает с надписями, автографами и маргиналиями, выполненными неразборчивым почерком, либо ставшими нечитаемыми с течением времени. Если в дарственных надписях могут быть выявлены даритель или получатель, то пометки владельцев подчас представляют неразрешимую проблему. Работа с этими изданиями может стать отдельным и важным направлением в деле изучения книжных коллекций, собраний и библиотек.

Рис. 1. Эклибрис с гербом рода и надписью внизу «Из библиотеки села Петровского Рода Михалковых»

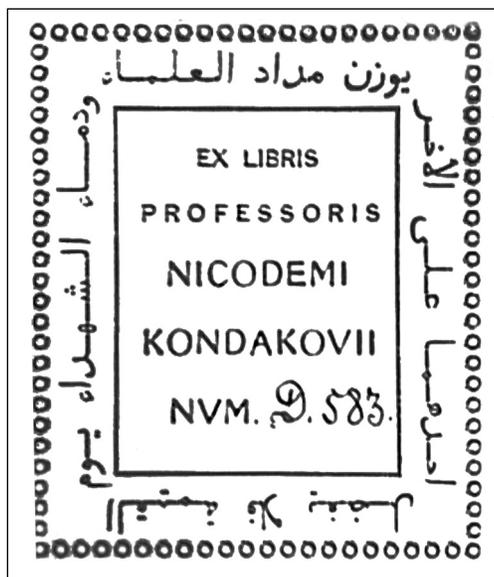

Рис. 2. Эклибрис Н.П. Кондакова

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эклибрис работы барона А.Е. Фелькерзама.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Львов А.* О влиянии путей сообщения на успехи народного богатства. Ярославль, 1855. 48 с.

2. Эклибрис юрисконсульта Александра Яковлевича Пассовера // Книжные памятники Карелии. URL: http://monuments.library.karelia.ru/exlibris/ekslibris_yuriskonsulta_aleksandra_yakovlevicha_passovera/ (дата обращения: 30.07.2017).

3. Кондаков Никодим Павлович // Академик. [Сайт]. [2017]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/59229/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 30.07.2017).

4. *Высоцкий С.А.* Кони. М., 1988. 432 с.

5. *Шумигорский Е.С.* Императорское Женское Патриотическое Общество. СПб., 1912. 206 с.

6. *Гамалей П.Я.* Теория и практика кораблевождения. СПб., 1840. 190 с.

КНИГОТОРГОВЕЦ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КЛОЧКОВ

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена деятельности известного книготорговца В.И. Клочкова. В Фонде отечественных монографий имеются издания, которые ранее были куплены у В.И. Клочкова.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Отдел фондов и обслуживания, Фонд отечественных монографий, Василий Иванович Клочков (1861–1915).

Клочков Василий Иванович (1861–1915) — российский книгопродавец, букинист, антиквар, библиофил, сын потомственного петербургского книготорговца И.М. Клочкова, внучатый племянник А.Ф. Смирдина [1, с. 87]. В конце 1870-х гг. учился в одном из частных пансионов С.-Петербурга. В начале 1880-х гг. унаследовал книжную лавку отца у Аничковского моста. Одним из первых в 1884 г. открыл на Литейном проспекте, д. 59 (ныне д. 55), обширный для того времени книжный магазин под фирмой «Букинист В.И. Клочков» [2, с. 24].

Дела у В.И. Клочкова в новом помещении пошли блестяще. Он сумел привлечь к себе лучших покупателей. Все библиофилы считали большой честью быть принятыми в «Кружок любителей русских изящных изданий», одним из учредителей которого с 1903 г. являлся В.И. Клочков. В этом кружке велись волнующие разговоры на книжные темы. Магазин часто посещали писатели Н.С. Лесков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.А. Блок, А.И. Куприн, антиквары Д.А. Ровинский, П.А. Ефремов, Н.В. Соловьёв, В.А. Верещагин.

К началу 1900-х гг. магазин стал крупнейшим центром букинистической торговли и книжным салоном. В 1895 г. В.И. Клочков участвовал в съезде русских деятелей по печатному делу. С 1885 по 1915 г. выпустил самое большое количество антикварных каталогов

(около 600). Через его магазин были проданы такие ценные книжные собрания, как библиотеки князя С.М. Воронцова, графа С.А. Апраксина, В.И. Асташева и др. При ближайшем участии В.И. Клочкова была составлена знаменитая библиотека Г.В. Юдина по истории Европейской России и Сибири. Под его воздействием стал заниматься антикварной книжной торговлей Н.В. Соловьёв. В помещении магазина в отдельной комнате располагался, как пишет Шилов, Клуб библиофилов [3, с. 88].

Сам В.И. Клочков имел прекрасное собрание замечательных и редких книг. Использовал более 100 различных художественных книжных знаков, среди которых были и такие, которые не являлись экслибрисами в чистом виде, т.к. одновременно выполняли функции экслибриса и книготоргового знака [4].

Клочков поставил дело букинистической торговли на профессиональную основу. С 1885 г. регулярно выпускал каталоги редких антикварных книг (в 1885–1915 гг. вышло 576 выпусков), а также каталоги утерянных книжных раритетов (т.н. desiderata), с помощью которых приобретал интересовавшие его издания. Тогда же Клочков одним из первых ввёл книжный торговый знак (с 1900-х использовал его как свой экслибрис) (рис. 1).

По образцу книжных лавок И.В. Слёнина и А.Ф. Смирдина превратил свой

Рис. 1. Прямоугольная наклейка (67 × 45 мм) выполнена в красновато-коричневой гамме. Исп. А.А. Синцовым в нач. XX в.

магазин в салон, ставший к концу 1880-х годов одним из культурных центров Санкт-Петербурга. В магазине-салоне В.И. Клочкова постоянно встречались любители книги, литераторы: А.А. Блок, А.И. Куприн, Н.С. Лесков, Д.Н. Мамин-Сибиряк; учёные: В.А. Верещагин, П.А. Ефремов, Д.А. Ровинский, А.Д. Торопов; художники: А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере и др. В.И. Клочков целиком выкупал редкие книжные собрания, благодаря чему были сохранены библиотеки графа С.А. Апраксина, В.И. Асташева, светлейшего князя М.С. Воронцова, М.И. Семецкого, Д.А. Ровинского.

Большую часть выкупленных им ценных собраний В.И. Клочков продавал и передавал безвозмездно в Императорскую публичную библиотеку (ныне РНБ) и в некоторые музейные

архивы, часть включал в собственную коллекцию, которая насчитывала сотни редких изданий.

В ходе работы с Фондом отечественных монографий нам удалось выявить издания, имеющие знаки В.И. Клочкова. Среди них встречаются издания, имеющие экслибрисы, проставленные на форзацах и нахзацах. Предполагаем, что часть изданий была передана в БАН после того, как были куплены у В.И. Клочкова кем-то из перечисленных нами выше лиц. Вероятно, эти издания имеют соответствующие подтверждение (экслибрис, штамп), но в настоящее время они остаются не выявленными, что создает перспективу для дальнейшей работы с фондом. Также дополнительные исследования требуется провести с целью установления авторства большинства экслибрисов В.И. Клочкова.

Выявление изданий с внешними отличительными знаками В.И. Клочкова позволяет существенно обогатить имеющиеся знания о книготорговле в С.-Петербурге в начале XX в., а также о ее роли в деле формирования личных библиотек ученых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каталог владельческих знаков (экслибрисов) из собрания Государственного мемориального музея А.С. Суворова. Т. 1 : Фонды / СПб ГБУК «Государственный мемориальный музей А.В. Суворова». СПб., 2016. 282 с.
2. *Шилов Ф.Г.* Записки старого книжника. П.Н. Мартынов. Полвека в мире книг. М., 1990. 560 с.
3. *Баренбаум И.Е.* Книжный Петербург. М., 1980. 554 с.
4. Экслибрисы и штампы частных коллекций в фондах Исторической библиотеки. Вып. 1 / Гос. публ. ист. б-ка России; сост. В.В. Кружкова; ред.: М.Д. Афанасьев, А.А. Вярс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 176 с.

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭКЗЕМПЛЯРОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ П.А. СЫРКУ, В ФОНДАХ БАН

АННОТАЦИЯ

Библиотека П.А. Сырку формировалась постепенно во время многочисленных командировок в югославянские земли и европейские книгохранилища. После смерти ученого его личная библиотека была приобретена С.-Петербургским университетом и Библиотекой Академии наук. Книги из этого собрания имеют ряд характерных помет, которые оставил их владелец. В статье описывается опыт выявления книг из собрания П.А. Сырку в Славянском и Иностранном фондах БАН.

Ключевые слова: Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905), личные библиотеки, Библиотека Российской академии наук, С.-Петербургский университет, славяноведение.

Образованный в конце XIX в. Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук является одним из наиболее крупных собраний изданий на славянских языках, в котором одним из ценнейших собраний является часть личной библиотеки П.А. Сырку, приобретенной БАН в начале XX в.

Полихроний Агапиевич Сырку — приват-доцент Петербургского университета, сотрудник Славянского фонда БАН посвятил свою жизнь исследованию истории болгарской литературы и церкви, изучению болгаро-сербских литературных связей. В 1882 г. П.А. Сырку получил степень магистра славянской филологии в Петербургском университете и начал разработку собственного курса лекций. В период с 1885 по 1890 г. [1] он преподавал славянские и румынский языки на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Во время работы в БАН (1883–1893 гг.) занимался разбором, учетом, систематизацией материалов из библиотеки Порфирия Успенского. Результатом этой работы стало многотомное издание «Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия

Успенского» [2]. За десять лет работы П.А. Сырку участвовал в составлении рукописных перечней книг, которые легли в основу опубликованных в 1904 и 1914 гг. каталогов болгарской и сербской книг Славянского отделения [3].

Библиотека П.А. Сырку формировалась постепенно во время многочисленных командировок в югославянские земли и европейские книгохранилища. Помимо книг в собрание слависта входили пергаменные и бумажные рукописи XIV–XIX вв., которые были приобретены II отделением БАН у его родственников в 1906 г. [4, с. 39–40]. Краткую характеристику судьбы книжного собрания П.А. Сырку дает У.Г. Иваск в работе «Частные библиотеки в России»: «Собранная им библиотека представляла из себя выдающееся собрание редких болгарских, венгерских, кашубских, верхне- и нижне-лужицких, румынских, греческих и других изданий. По смерти владельца она поступила в Императорский Санкт-Петербургский университет» [5, с. 52]. Петербургский университет был не единственной организацией, в которую поступили книги из собрания П.А. Сырку: «Сюда поступила большая часть книг,

оставшихся после смерти приват-доцента П.А. Сырку, причем администрация университетской библиотеки получила право выбрать все, чего раньше в библиотеке не имелось, и только после этого, уже из остатков книг, стали выбирать другие учреждения, а также частные лица» [5, с. 52]. Под «другими учреждениями» подразумевается БАН, а именно, Славянское и Иностранное отделения. Так фонд II Иностранного отделения пополнился за счет румынских и греческих книг [6, с. 373]. В настоящее время мы не располагаем сведениями о количестве книг, приобретенных у вдовы П.А. Сырку. Но можно предположить, что количество их в первоначальном собрании было значительным, поскольку одной из дисциплин, которую преподавал П.А. Сырку, был румынский язык. Книги и журналы на болгарском, сербском, хорватском, чешском, украинском и других языках поступили в Славянское отделение библиотеки в 1906–1907 гг. и были зарегистрированы в «Книгах поступлений» (1) 1906–1908 гг. В графе «Источник поступления» мы видим характерную запись: «Куплены от Сырку». На изданиях были проставлены номера по «Книге поступлений», которые представляют из себя дробь: в числителе — год, в знаменателе — порядковый номер. Именно по этим номерам мы можем уверенно атрибутировать издания, принадлежавшие П.А. Сырку. После поступления книги были размещены в соответствии с принятым языковым принципом расстановки. Таким образом, коллекция была рассеяна в фонде.

Следующая сложность, возникающая во время выявления экземпляров из собрания слависта, носит технический характер: учетная документация (книги поступления Славянского фонда) являются рукописным документом, и неполное оформление некоторых записей существенно осложняет работу.

Выявление экземпляров *de visu* ограничено ввиду отсутствия единой техники исполнения переплетов. Значительная часть изданий имеет оригинальные

переплеты и обложки, другая часть имеет универсальные академические переплеты, которые изготавливались для БАН в конце XIX — начале XX в., третья часть имеет переплеты середины XX в.

Вторичным, подтверждающим правильность атрибуции изданий по отношению к «Книге поступлений», источником для выявления экземпляров из собрания П.А. Сырку являются дарственные надписи авторов. Такие пометы позволяют дополнить имеющиеся сведения о профессиональных контактах и личных отношениях, складывавшихся между учеными. Так же, как дарственные, информативными являются владельческие надписи. Формула такой надписи достаточно устойчива: имя владельца, дата, место. Встречаются как сокращенные, так и расширенные варианты надписи, например, с указанием дарителя и обстоятельств приобретения (времени и места). Примеры владельческой надписи, которая имеет варианты написания как кириллицей, так и латиницей: «П. Сырку. Получено [указание даты и места]», «П. Сырку. Получено от [указание дарителя, даты и места]», «A lui Surkovú» и др. Таким образом, выявление книг из собрания П.А. Сырку опирается на несколько источников: «Книга поступлений» и владельческие признаки экземпляров (характерные пометы и дарственные записи).

В настоящее время сотрудниками Славянского фонда БАН выявлено около 400 экземпляров, ранее входивших в личную библиотеку П.А. Сырку. Некоторые издания относятся к реконструированной части собрания. В первую очередь это издания, чьи выходные данные соответствуют записи в «Книге поступлений», но не имеют определенного номера «Книги поступлений» или иных косвенных признаков принадлежности к собранию П.А. Сырку. Это относится к изданиям, чьи титульные листы и оригинальные обложки были утрачены. В Иностранном фонде БАН выявление экземпляров, происходящих из личной библиотеки П.А. Сырку,

осуществляется de visu. Их атрибуция основана на дарственных и владельческих надписях. Перспективным в этом плане представляется обнаружение учетной документации II Иностранного отделения и последующая работа по определению количества изданий, приобретенных библиотекой у наследников исследователя в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Книга поступлений. Славянский отдел» является архивным (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 10. № 239) рукописным документом учета новых поступлений, который заполняли сотрудники III Славянского отделения с момента его образования в качестве самостоятельного подразделения вплоть до окончания его работы в 30-е гг. XX в. Каждый год в этом документе в соответствии с порядковым (сквозным по году) номером фиксировались авторы (в случае их наличия) и наименования всех поступающих на хранение в фонд изданий, шифры последующего хранения, а также количество поступивших экземпляров. В случае наличия информации об источнике поступления издания она также регистрировалась в соответствующих полях документа (особенно важными для нас являются отметки о фамилиях дарителей, а также фиксирование принадлежности к коллекции (частной библиотеке) (Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: кат. выст. / сост.: М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко; отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб., 2016. С. 6).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Биографика СПбГУ / сост. и ред.: Д.А. Баринов, Е.А. Ростовцев [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский университет. Биографика. [сайт]. [2017]. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/104.html> (дата обращения: 24.05.2017 г.).

2. Порфирий Успенский. Книга бытия моего: дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Т. 1: Годы 1841, 1842, 1843 и часть 1844-го / под ред. П.А. Сырку. СПб., 1894. XIII, [1], 774, [1] с.

3. Каталоги: I. Списки болгарских периодических изданий, книг и брошюр / Славянского отдела I отделения Библиотеки Императорской Академии наук. СПб., 1904. 167, [2] с.; Каталоги: II. Списки сербских периодических изданий, книг и брошюр / Славянского отдела I отделения Библиотеки Императорской Академии наук. СПб., 1913. 191 с.

4. [О рукописном собрании П.А. Сырку в БАН] // Отчёт о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1906 год / сост. С.Ф. Ольденбург. СПб., 1907. 243 с.

5. *Иваск У.Г.* Сырку, Полихроний Агапиевич // Частные библиотеки в России. Ч. 2. СПб., 1912. 80 с.

6. Протокол общего собрания № 5. Заседание 10 марта 1907 г., § 93 // Летопись библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928). Т. II, ч. I. СПб., 2014. 660 с.

Е ДЭХУЙ. ДЕСЯТЬ РУКОВОДСТВ ДЛЯ ТЕХ, КТО СОБИРАЕТ КНИГИ

(перевод с китайского и комментария)

АННОТАЦИЯ

Первая часть (авторское предисловие и глава 1-я) комментированного перевода самобытного памятника китайской библиографии «Десять руководств для тех, кто собирает книги» известного китайского библиофила и историка книги Е Дэхуя (1864–1927).

Ключевые слова: Е Дэхуй (1864–1927), библиография Китая, история книги, библиофильство, приобретение книг.

Предлагаем вниманию читателей комментированный перевод небольшого произведения известного китайского библиофила и историка книги Е Дэхуя (1864–1927). «Десять руководств для тех, кто собирает книги» (*Цан шу ши юэ*) были изданы отдельной брошюрой в городе Чанша в 1911 г. Книга состоит из авторского предисловия и десяти небольших главок, в каждой из которых содержатся рекомендации, следуя которым можно, по мнению автора книги, собрать хорошую и полную коллекцию старинной китайской книги и поддерживать библиотеку в удовлетворительном состоянии. Названия глав таковы:

1. Приобретение.
2. Распознавание.
3. Переплет.
4. Систематизация.
5. Добавления.
6. Копирование.
7. Сверка.
8. Колофоны.
9. Хранение.
10. Печати.

Книга написана на старом литературном языке (*вэньянь*), изобилует явными и скрытыми цитатами, сложными терминами. Перевод выполнен по тексту, опубликованному в авторитетном сетевом ресурсе «Chinese Text Project» [1]. На русский

язык переводится впервые. В этом выпуске нашего журнала приведен перевод авторского предисловия и первой главы. Остальные главы и очерк жизни и творчества автора будут опубликованы отдельным изданием.

Е Дэхуй

Десять руководств для тех, кто собирает книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первые годы правления нынешней династии (1) Сунь Цинцэн (2) в своих «Цаншу цзяю» (Краткие сведения о собирании книг) в мельчайших подробностях описал, как покупать книги и как их сохранять. Он рассказал о сунских (3) ксилографах, о знаменитых копиях рукописей для того, чтобы люди могли избежать приобретения плохих изданий. Имея серьезные намерения, он научным языком разъяснил достоинства и недостатки разных изданий. Эта книга — истинный компас для коллекционеров книг, «длинная колодезная веревка, с помощью которой можно черпать вдохновение из древности» (4). [Сунь] жил во времена, не столь далеко отстоящие от династий Юань и Мин (5). Повстанческие бунты тогда еще не охватили весь Юго-Восток, до переворота годов Цзя

[шэнь] — И [юй] (6) книжные коллекции горных монастырей и богатых домов еще не были уничтожены окончательно. Сегодня после восстаний Хуна [Сюцюаня] и Яна [Сюцина] (7) в [провинциях] Цзян[су] и Чжэ[цзян], которые были средоточиями культуры и просвещения, книжных собраний совсем не осталось.

Благодаря усилиям тех, кто собирал оставшееся после грабежей и пожаров, к счастью, были найдены хорошие копии необходимых книг, утеряно только небольшое количество литературных сборников и новелл. Нужно особо отметить ученых при Цянь-[луне] и Цзя-[цине] (8), которые потратили много сил, чтобы вернуть к жизни исчезнувшие книги; когда они признавали ценность той или иной старинной книги, они делали ее точную копию. Однако череда бунтов и разруха привели к тому, что многие вырезанные ими доски были сожжены, а их книги становились все более редкими. Я в соответствии с каталогом «Сыбу» (9) потратил более 30 лет, казалось бы, очень много, однако недостает еще великого множества сборников писателей и ученых Сун, Юань и Мин. В Японии есть книжник почтенного возраста (10), который собирал литературные сборники моей страны от [правлений] Шунь-[чжи] и Кан-[си] до Цзя-[цин] и Дао-[гуан] (11), он назвал свою коллекцию «Цин ши вань цзюань лоу» (Терем 10 тысяч свитков цинской поэзии). Это — подлинный рай, Пэнлай (12), уединенная обитель, жаль только, что я не могу перелететь туда через море. Итак, сегодня собирание книг отличается от собирания книг во времена Суна, и даже от времен Цянь-[лун] и Цзя-[цин]. Усилия половины жизни, огромные финансовые вложения, вот такой итог, и в этом были и радость, и горечь, которые я не могу скрывать от людей. Я знаю, что те, кто собирает древние книги, вынуждены экономить на одежде и пище, изо всех сил изыскивать средства. Дождливым вечером и ветреным утром они упорно переписывают рукописи. Я, к счастью,

достаточно богат, к тому же у меня нет других увлечений и дурных привычек. Но я не столь богат, чтобы похлопывать себя по животу от удовольствия (13), и не столь беден, чтобы глотать слюни, проходя мимо лавки мясника (14).

Мне также известно, что среди коллекционеров древних книг есть такие, кто грабит и ворует книги друг у друга, или одалживает книги и не возвращает, из-за этого рушатся давние дружеские отношения, даже слуги одного из бывших друзей избегают слуг другого. К счастью, я не мелочен и жизнь меня закалила, а моим слугам некого сторониться. Я никогда не одалживал книги, подобно тому как однажды «одожили» Цзинчжоу (15), и я рад быть повелителем.

У меня есть все для того, чтобы утешить себя. С недавних пор я вынужден жить одиноко в горах, где завершаю работу над каталогом моей библиотеки. Поэтому я записал всё, что увидел и услышал за эти годы, всё, что постиг на своем личном опыте. Так были созданы мои «Десять руководств», они заменили мне книги из моего дома. Мои сыновья и внуки могут следовать им или пренебречь ими, мне совершенно несугдумать об этом.

За день до зимнего равноденствия года Синь-хай (16).

Е Дэхуй

Руководство первое. Приобретение

При отборе книг нужно вначале сосредоточиться на классиках (*цзин*), затем — на разделах «история» (*ши*) и «библиотеки-серии» (*цуншу*) (17). Из классиков — «Тринадцатикнижие», «история» — «24 [династийные] истории», из *цуншу* нужно сначала отбирать те, которые содержат более всего названий, хорошо отредактированы и превосходно отпечатаны. Когда Вы начинаете собирать свою библиотеку, как Вы можете убедиться, что все Четыре раздела закончены? Здесь мы предложим метод, изначально следуя которому Вы сможете избежать ошибок.

Сунские и юаньские ксилографы, а также старинные рукописи и знаменитые тексты нельзя заполучить в одночасье, без усилий. Обычные правительственные и провинциальные издания неизменно вызывают сожаление, что тексты не выверены; сегодня есть простой и легкий метод, следуя которому Вы можете избежать путаницы в Вашем собрании.

Из классиков мы имеем издания минской Южной Академии (18), все без отбора отпечатанные с блоков, вырезанных сунской Императорской Академией, а также издания, которые были вырезаны различными провинциальными институтами при Юань; эти книги легко встретить еще и сегодня. Следующие по значимости издания минской Северной Академии, которые отпечатаны Мао Цзинем (19) в Цзигугэ (Терем, где черпают вдохновение из древних книг).

Эти [три группы] старых изданий были распространены среди ученых вплоть до годов Цзя-[цин] и Цянь-[лун]. Среди провинциальных изданий наиболее ценные книги печатни Уиндянь (Дворец военных героев), но их факсимильные перепечатки, сделанные в провинции Гуандун, не так хороши.

В конце годов Цзя-цин Жуань Юань (20), чей посмертный титул был Вэнь-да (Постигший письмена), составил [Тринадцатикнижие] из сунских и юаньских изданий, которые были у него в домашней библиотеке. Некоторые из них были отпечатаны вместе с комментариями *чжу* и субкомментариями *су*, некоторые — либо только с комментариями, либо только с субкомментариями, отдельно от основного текста: у него были для сопоставления тексты, отпечатанные в Наньчанской провинциальной академии. В этих изданиях он отметил все тождества и несовпадения в особых редакторских комментариях после каждого текста. В самих же текстах он отмечал имеющиеся варианты черными кружками. Таким образом, следуя по кружкам его редакторской правки, Вы можете

прочитать в одной этой книге сразу несколько изданий. Это было шагом вперед по сравнению с сунским Юэ Кэ (21), с его «Девятью классиками и Тремя комментариями». Нет ничего лучше такого метода, важно, чтобы человек смог сам все увидеть и осознать. Но затем печатни при провинциальных управах — знаю каких именно — при перепечатке стерли все кружки, что поистине нелепо. Если для того, чтобы отпечатать одну книгу, приходится испортить другую, лучше вообще ничего не делать, даже если нужно восполнить недостающее.

В разряде История лучше всего «21 история» минской Южной Императорской Академии. Эти книги были также отпечатаны с досок, вырезанных при сунской Императорской академии, некоторые — при провинциальных академиях Юань, однако начиная с Мин доски часто подновлялись. Еще в годы Цзя-цин нынешней династии такие доски хранились в Цзянине, на казенном складе провинции. В годы минского Чжэн-дэ (22) было еще немного подновленных блоков, но трудно найти полные комплекты изданий, с них отпечатанных. После годов Цзя-цин и Вань-ли (23) проштрафившихся студентов Императорской академии в наказание часто заставляли подновлять блоки, получалось весьма неудачно. Количество пропусков и ошибок в изданиях [«21 истории»] Северной Императорской Академии поражает воображение.

Минский Шэнь Дэфу (24) в своем сочинении «Частные записи годов Вань-ли» ([Вань-ли] ехо бян) писал: «Что же касается различных Историй, то подновление досок было сделано столь небрежно и грубо, что можно найти в них множество ошибок. В Историях Ляо и Цзинь (25) хорошие листы вдруг пропущены, в результате внезапно возникают еще лакуны, отчего текст лишается смысла, это просто называется — переводить хорошую древесину!»

Мао Цзинь в Цзигугэ отпечатал «17 историй», некоторые из которых сделаны по сунским изданиям, очень жаль, что он

не издал все «Истории». Считается, что можно дополнить недостающие [Истории] по «Хунцзяньлу» (Записи на больших бамбуковых планках) Шао Цзинпана (26), но это представляется мне лишним смыслом.

Помимо изданий сунской Южной Академии, Вы можете сосредоточиться на книгах из Уиндяня (Дворец военных героев). Чиновники и ученые тогда придерживались прекрасных сунских изданий, к тому же их весьма сурово наказывали, поэтому ошибок немного. Если же у Вас есть [Истории] минской Южной академии, отпечатанные до и после годов Чжэн-дэ, то можно дополнить и собрать полный комплект «Историй» «Цзю Тан шу» (27) минского Вэнь Жэньцюаня, прекрасным изданием подвижным шрифтом печатни Уиндянь «Цзю У дай» (28), и оригинальным изданием «Мин ши» годов Кан-си (29), только не пытайтесь пополнить свою коллекцию массовыми изданиями.

Что же касается библиотек-серий *цуншу*, то есть перепечатка «Байчуань сюэхай» (Сто рек учатся быть морем) сунского Цзо Гуя (30) минским Хуа Чэном в годы Хун-жи (31), «Хань Вэй цуншу» Чэн Жуна (32), «Цзинь дай мишу» (Тайные книги из коллекции Цзиня) Мао Цзиня (33), «Прекрасно отпечатанная в Уиндяне Библиотека-серия» (34). Реплики [этих сводов] сделаны в провинциальных издательствах Фучжоу, Цзянси и Чжэцзяна. Фучжоуские наиболее полны, меньше всего тех, что отпечатаны в Чжэ[цзяне]. Но еще и сейчас нетрудно разыскать оригинальные дворцовые издания. «Чжи буцзу чжай цуншу» (Антология книг из кабинета, где не хватает знаний) Бо Тинбо (35), «Хайшань сяньгуань цуншу» (Серия книг из приюта бессмертных на горе у моря) Фань Шичэна (36), «Юэя тан цуншу» (Серия книг из зала Юэя) У Чуняо (37) — этих книг много и превосходных, их стоит прочесть. Если у Вас останутся еще и силы, и средства, то Вы можете постепенно собирать прекрасные издания *цуншу* и отдельных

произведений, старинные издания, копии рукописей, и если Вы будете собирать книги, придерживаясь моих рекомендаций, то древние и новые книги по всем Четырем разделам будут в Вашем единичном распоряжении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Династия Цин (маньчжурская) (1644–1911). В синологии традиционно принято переводить китайское *дай* как «династия», что не совсем точно, ибо речь идет не о династиях, а о названиях государств, в разное время сменяющих друг друга на территории современного Китая. Династия определяется по фамилии правителя. Так, фамилия цинских императоров была Айсиньгёро.

2. Известный коллекционер книг начала Цин, годы жизни неизвестны.

3. Династия Сун (960–1279), время расцвета ксилографического книгопечатания в Китае, сунские издания принято считать образцовыми в текстологическом, техническом и художественном отношениях.

4. Цитата из стихотворения Хань Юя (768–824).

5. Династия Юань (монгольская) (1271–1368), Мин (1368–1644).

6. Годы 1644–1645, когда на смену Мин пришла маньчжурская династия Цин.

7. Тайпинское восстание, крестьянская война (1851–1864) под руководством Хун Сюцюаня (1813–1864) и Ян Сюцина (?–1856).

8. Годы правления императоров: 1736–1795 и 1796–1820.

9. Традиционная китайская библиография делила всё написанное на китайском языке на Четыре раздела (Сыбу): Конфуцианские классики — История — Философские сочинения — Сборники произведений изящной словесности. Бином «Четыре раздела» входил в название всех практически каталогов и антологий, Е Дэхуй едва ли имеет в виду конкретный каталог.

10. О ком именно идет речь, установить не удалось.
11. Годы правления императоров: 1643–1661, 1662–1723 и 1760–1820, 1820–1850.
12. Пэнлай — мифическая остров/гора Древнего Китая, обитель бессмертных.
13. Цитата из «Чжуан-цзы».
14. Цитата из письма поэта Цао Чжи (192–232) к другу, включенного в «Литературный сборник» «Вэнь сюань».
15. Цитата из стихотворения Лу Ю (1125–1210): «Редкие книги также трудно одолжить, как взять Цзинчжоу». Имеются в виду события времен Троецарствия (220–280), междоусобной борьбы после падения династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г.). Правитель царства Шу Лю Бэй (162–223) «одолжил» округ Цзинчжоу у княжества У и всеми возможными способами не возвращал его. Метафора «плохого долга».
16. 22 декабря 1911 г. То есть текст был написан за неделю до того, как Синьхайская революция (революция года под циклическими знаками *Синь* и *Хай*) свергла власть маньчжурской династии Цин, в канун нового, 1912 г.
17. См. примеч. 9.
18. Императорские академии (Гоцзыцзянь), буквально — «Академия сынов государства», высшие учебные заведения императорского Китая, там готовили чиновников высших рангов; одновременно — ведущие научные центры, отбирающие, редактирующие и издающие тексты основополагающих памятников. Располагались в столичных городах, разных в различные периоды китайской истории, отсюда — разделения на сунские, южно-минские и т.п.
19. Книгоиздатель Мяо Цзинь (1598/99–1659), это имя будет встречаться еще не раз.
20. Жуань Юань (1764–1849).
21. Юэ Кэ (1183–1234).
22. Годы правления императора: 1506–1521.
23. Годы правления императоров: 1522–1566 и 1573–1620.
24. Шэнь Дэфу (1578–1642).
25. Ляо, государство киданей на северо-востоке Китая (907–1125). Цзинь (1115–1234), чжурчжэньская династия на севере Китая.
26. Шао Цзинбан (1491–1565), антология «Хунцзяньлу» (Записи на больших бамбуковых планках) известна только по упоминаниям в каталогах.
27. «Цзю Тан шу», «Старая история Тан», издание 1539 г. официальная история дома Тан, правившего в Китае в 618–907 гг. Написана группой придворных ученых в середине X в., через 100 лет, во времена правления династии Сун, хроника была дописана и переработана, так появилась «Новая история Тан».
28. «Цзю У дай», «Старая история Пяти династий», составлена во 2-й половине X в. Период Пяти династий [и Десяти царств] (907–960) — эпоха политических переворотов в Китае, начавшаяся со свержения династии Тан (618–907) и закончившаяся установлением династии Сун (960–1279). За это время на севере страны быстро сменились пять династий, а на юге было основано более 12 независимых царств (разным подсчетом).
29. «Мин ши», «История династии Мин», была составлена в 1739 г., на 4-й год правления императора Цянь-луна (1736–1796); Е Дэхуй ошибочно датирует появление истории годами правления императора Кан-си (1662–1723).
30. Самая ранняя (1273 г.) из библиотек-серий.
31. Годы правления императора: 1488–1505.
32. Антология 1592 г. в основном произведений авторов, живших во времена Хань (206 г. до н.э. — 220) и Вэй (386–556), что и указано в заглавии.
33. Антология произведений в жанре «эссе» (*бицзи* = вслед за кистью).
34. Отпечатана в 1773 г.
35. Бао Тинбо (1728–1814). Большой свод из разнородных по тематике сочинений, систематизированных по жанрам и наукам, отпечатан в 1813 г.

Изучаем Восток

36. Пань Шичэн (1804–1873). Хай шань сяньгуань — построенный им дворцово-парковый комплекс с книгохранилищем и печатней, а также книжная серия, там отпечатанная.

один из крупнейших сводов цинской литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

37. У Чунъяо (1810–1863). Юэя, одно из старых названий южной провинции Гуандун, где с 1850 по 1875 г. печатался

1. URL: <http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=806460> (дата обращения 30.01.2018).

ГОРА ФАТТИТЬ — КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОГО ВЬЕТНАМА

АННОТАЦИЯ

Гора Фаттить — это знаменитый буддийский центр. При династии Ли (1010–1225) здесь были построены храмы, книгохранилище для Трипитаки. С горой Фаттить соотнесено сочинение XIV в. «Записи, сделанные на досуге во дворце Баохоа». Распространение буддизма в период Чунг-хынг (1533–1788) династии Ле связывают, в том числе, и с горой Фаттить.

Ключевые слова: буддийский центр, гора Фаттить, библиотека, храм, монах, достопримечательность.

Буддизм сыграл большую роль в культурном развитии традиционного Вьетнама. Популярными были классические буддийские книги, пришедшие из Китая, появились экземпляры «Трипитаки». По распоряжению императоров династии Ли (1010–1225) с них снимались рукописные копии, которые вместе с оригиналом хранились в специально построенных библиотеках. При каждом новом поступлении буддийских классических книг создавалось новое книгохранилище. При династии Ли буддийские храмы были не только центрами религиозных упражнений для монахов и обычных людей, но и местами культурной деятельности, а также школами [1].

Один из знаменитых буддийских центров располагался на горе Фаттить — «След Будды» (другие названия — Тиензу, Ланкха, Шайшон), расположенной на территории современной общины Фаттить уезда Тиензу провинции Бакнинь. Есть сведения, что строительство храма на горе Фаттить началось в VII в. [2, с. 53]. В летописном своде отмечено:

«(1034 г.) Осень. Восьмая луна. Император почтил своим присутствием пагоду Чунгкуанг на горе Тиензу. Издали указ заложить сокровищницу Чунгхынг... (1036 г.). Весна...Вторая луна. Издали указ переписать Трипитаку и поместить

ее в сокровищницу Чунгхынг» [3, с. 143, 145].

«(1041 г.)...Зима. Десятая луна. Император почтил своим присутствием гору Тиензу. Наблюдал за строительством монастыря Тыхитхиенфук. Когда вернулся, издал указ выделить 7560 канов меди (около 4,5 т) для отливки [статуй] буддийской Майтрейи, двух бодхисатв — Хайтхана и Конгдыка — и колокола, чтобы поместить в этом монастыре» [3, с. 151].

«(1071 г.). Весна. Главная луна. Император начертал на стеле иероглиф “Будда” величиной в один *чюонг* и шесть *тхыоков*. [Стелу] установили в пагоде Тиензу» [3, с. 169].

На южном склоне горы Фаттить находится старинный буддийский храм Фаттить (другие названия — Тхиенфук, Тхай, Сайшон, Ка, Ванфукты). По преданию, храм построен на лбу дракона, мосты Няйтиен и Нгуеттиен — это его клыки, два колодца по бокам пагоды — глаза дракона.

В 1129 г. император Ли Тхан-тонг (1128–1175) приказал изготовить 84 тыс. ступ из обожженной глины и установить их вокруг храма Фаттить [2, с. 55]. Ступы высотой от 20 до 50 см до сих пор находят при раскопках памятников эпохи династии Поздние Ли [3, с. 359].

Вероятно, можно усмотреть связь с преданием о царе Ашоке, пожелавшем построить 84 тыс. буддийских ступ. Ашока (300–232 гг. до н.э.) — третий правитель из династии Маурьев, создавший модель универсального буддийского монархического государства. Образ Ашоки как идеального царя — покровителя Дхармы и созданной им цивилизации как модели идеального социума служил предметом подражания для многих правителей во многих странах Азии [4, с. 142–143]. Когда Ашока решил построить 84 тыс. буддийских ступ, Мара грозился их разрушить, но был схвачен Упагуптой, повелителем нагов.

А.Я. Соколовский отмечает, что 80 тыс. маленьких изображений ступ из обожженной глины приказал сделать китайский губернатор Гао Пянь, чтобы «скрыть могилы государей-вьетов», «разрушив жилы дракона», дабы во вьетнамском народе не осталось надежды на то, что найдётся вьет, готовый стать государем и возглавить восстание против китайцев. Эти модели ступ всё ещё находят в большом количестве в районе Тиензу. Высота их 30–40 см, они имеют девять этажей. На каждом этаже — ложные проёмы-ниши, внутри которых помещены маленькие изображения Будды. Ни одна из найденных моделей не похожа на другую. Многие башни-ступы обработаны очень умело [5, с. 32].

Храм Фаттить служил местом уединения монаха Ты Дао Ханя (?–1117). Ты Дао Хан (буддийский монах из рода Ты по имени Ло, псевдоним Дао Хань) — реальная историческая личность, был известен как маг и чародей, также его чтят как изобретателя спектаклей марионеток на воде [6, с. 372].

Согласно преданию, вошедшему в средневековые сочинения, Ты Дао Хань помешал чудесному ребенку Зяк-хоангу перевоплотиться в сына императора: он послал сестру во дворец и велел положить в укромное место чудесные амулеты. Шунгтхиен-хау — брат императора спас Ты Дао Ханя от гнева монарха.

Ты Дао Хань отправился в усадьбу Шунгтхиен-хау и застал в купальне его жену. Перед кончиной Ты Дао Хань поднялся в пещеру Тхан на горе Фаттить, ударился головой о каменную стену и перевоплотился. На скалах и теперь видны следы от его головы и ног. Возродился он в облике сына Шунгтхиен-хау, который стал императором Ли Тхан-тонга (1128–1138). Считалось, что одно из последующих перерождений Ты Дао Ханя — император Ле Тхан-тонг (1619–1643; 1649–1662).

Как отмечает А.Л. Федорин, то море грязи, которое было вылито на Ли Нян-тонг (1072–1128) и его наследника Ли Тхан-тонга в историческом предании, в основном, буддийском, скорее всего, связано именно с массовыми репрессиями, направленными против буддийских монахов. «Постоянно подвергавшиеся жестоким гонениям монахи, естественно, ненавидели власть и пытались всячески очернить её в своих преданиях и писаниях. По всей вероятности, именно им мы обязаны легендами о лечении бесплодия у членов императорской семьи методами проникновения монахов в купальни их жен, о перевоплощении монаха в будущего вьетнамского императора, о беспрепятственном перемещении монахов и их сестёр по запретному дворцу с засовыванием связок жемчужин в нужные им места, о желании императора назначить своим наследником монаха, не являвшегося его родственником, и т.п. Некоторые из этих монахов впоследствии были включены в списки верных последователей буддизма, а их биографии заняли центральное место в соответствующих буддийских сборниках жизнеописаний, в частности, в “Собрании лучших цветов из сада созерцания” (Тхиенуен тап ань). И именно буддийское предание донесло до нас все эти сомнительные факты» [7, с. 27–28].

В «Полном собрании исторических записок Дайвьета» (Дайвьетшыкитоантхы) сказано: «(1116 г.) Лето. Шестая луна. Монах Ты Дао Хань освобожден

от брэнной плоти в пагоде на горе Тхатыгхат <Тхатыгхат — это название уезда. Сейчас это уезд Ниньшон. Гора зовется Фаттить («След Будды»). Когда-то Ты Дао Хань посетил её и увидел в горной пещере простой камень с отпечатком человеческой ноги. [Ты] Дао Хань примерил свою ногу, приложив к отпечатку, и они совпали. По поверью, [Ты] Дао Хань[здесь и] освободился от брэнной плоти>. До этого супруга Шунгтхиен-хау, урожденная До, забеременела. В то время тяжело рожала. [Шунгтхиен-]хау вспомнил слова, которые прежде говорил [Ты] Дао Хань, послал человека срочно сообщить [ему о родах]. [Ты] Дао Хань тут же переменял одежды, омыл тело, вошёл в пещеру, освободился от брэнной плоти и испарился. Супруга [Шунгтхиен-]хау немедленно смогла родить мальчика. Это был [Ли] Зьонг Хоан. Местные жители сочли это чудом, положили останки в ступу и почитали их. Сейчас гора Фаттить — это как раз то место. Ежегодно весной в седьмой день третьей луны юноши и девушки собираются в пагоде, которая является достопримечательностью целой стороны света. Позднее ошибочно сочли, что этот день — годовщина смерти монаха. <В годы [эры] Юн-лэ (1403–1424) [династии] Мин люди Минов сожгли эти останки. Тогда местные жители вылепили из глины статую [монаха] и поклонялись ему, как прежде. [Статуя] существует до сих пор>» [3, с. 184–185].

Некогда в левом приделе храма Тхиенфук помещалась статуя Ты Дао Ханя, вылепленная из золы и пепла, собранного при сожжении мощей праведника, длительное время оставшихся нетленными. Сейчас в левой части храма находится статуя Ты Дао Ханя, сделанная из сандалового дерева, с подвижными сочленениями.

Обратим внимание на упоминание собирающихся весной юношей и девушек — типичные события праздников, проводившихся возле святых мест. Контакты юношей и девушек на открытом воздухе пробуждают дыхание весны:

благодаря этому своеобразному порыву, который исходит от них, годичный цикл возобновляется, и плодородие почвы будет обеспечено [8, с. 238].

Важным представляется замечание, сделанное Е.К. Симоновой-Гудзенко, о буддийских храмах в Японии: возведение святилищ и буддийских храмов на одной территории не являлось чем-то новым. При выборе мест под строительство храмов и монастырей буддизм использовал уже существующую на архипелаге разметку пространства. Большинство из самых знаменитых комплексов в период Нара (710–794) возводилось на территориях, которые издавна считались сакральными. Это явление не уникально, так было повсеместно, когда в освоенном, иерархизированном пространстве появлялась иная религиозная система. В истории Западной Европы можно обнаружить похожие процессы, однако нетерпимость христианства к существованию того, что оно считало «языческими» культами, привела к почти полному уничтожению древних капищ. Буддийские храмы возводились на уже существующих сакральных территориях, о чем свидетельствуют их названия [9, с. 23–25].

Можно предположить, что территория горы Фаттить была сакральной и до прихода буддизма во Вьетнам. В «Краткой истории Вьета» (Вьет шылыок, XIII в.), например, среди плохих предзнаменований, предвещавших скорое падение династии Ли, упомянуты такие: (1224 г.) «Конец осени (девятая луна). От истоков в верховьях и до столицы вода в реках была красной, как кровь. Зима. Двенадцатая луна. На горе Фаттить у Внешнего острога образовался провал шириной тридцать чьонгов» [10, с. 656].

Во дворце Баохоа на горе Фаттить (Бакнинь) император Чан Зу-тонг (1341–1369) создал библиотеку Тхывиен Ланкха. Дворец Баохоа одновременно был также учебным заведением, которым руководил прославившийся своими знаниями конфуцианец Чан Тон. Он заведовал и библиотекой.

С горой Фаттить связано сочинение XIV в. «Записи, сделанные на досуге во дворце Баохоа» (Баохоазы бут), в летописном своде рассказано, как оно создавалось:

«(1382 г.). Двенадцатый месяц, зима. Армия Тямпы отступила. Император-отец отправился во дворец Баохоа, приказал чиновникам тхиемчи Ной матвиенши Нгуен Мау Тиену и Леболангчунг Фан Нгиа, а также другим придворным, сменяя друг друга, дежурить. Когда наступало время приема пищи, подавали еду. Они расспрашивали о старинных историях и записывали их день за днем. Получилось 8 *куенов*, составивших книгу “Записи, сделанные на досуге во дворце Баохоа”, повелели Дао Ши Титю написать предисловие» [11, с. 179].

Помимо буддизма, Вьетнам достаточно рано приобщился к конфуцианству, к экзаменационной системе. По словам С.В. Волкова, экзаменационная система была наиболее характерным и специфическим элементом комплектования чиновничества в традиционной дальневосточной системе. Она никогда не была ни единственным, ни даже главным по значению (имея в виду общую массу поступавших на государственную службу) компонентом набора, но зато служит «визитной карточкой» традиционной дальневосточной системы, поскольку в совокупности своих элементов не имеет сколько-нибудь близкого подобия ни в одном обществе [12, с. 81–82].

В конце XI в. во Вьетнаме были учреждены государственные экзамены, в 1075 г. состоялся первый конкурс, было избрано десять лауреатов; в 1076 г. создано императорское училище, где преподавали лучшие ученые, в 1086 г. организовали конкурс на замещение мест в Академии наук [6, с. 374–375]. По поводу этих сведений А.Б. Поляков выдвигает две гипотезы. Первая гипотеза: строительство Храма Конфуция (Ванмиеу), проведение экзаменов, основание конфуцианского «колледжа» — Школы сынов отечества и Академии во второй

половине XI в. — вымысел. Вторая гипотеза: в правление Ли Тхань-тонга (1054–1072) — Ли Нян-тонга могло быть лишь номинально объявлено о строительстве храма в честь Конфуция (но не Ванмиеу), проведении конкурсных экзаменов и основании государственного училища и Академии. В этом случае императоры династии Ли в престижных целях формально скопировали современные им китайские институты, не наполняя их реальным содержанием. А.Б. Полякову представляется более вероятной первая гипотеза [13, с. 257–258]. В 1177 г. были учреждены экзамены, программа которых предполагала изучение трех религий: конфуцианства, даосизма и буддизма. Только в 1304 г. программа экзаменов на чин установилась окончательно. Она включала четыре обязательных испытания: запись текста, выученного наизусть; объяснение классического текста с написанием стихотворения; сочинение указа, императорского манифеста и всеподданнейшего доклада; сочинение на вольную тему [6, с. 374–375].

При династии Чан в 1384 г. император-отец (Чан Нге-тонг) устроил различные экзамены на соискание степени *тхайхок синь* (соответствует степени *тиенши* более поздних конкурсов, *кит. цзиньши*) прямо в самом храме Фаттить, лауреатами стали 30 чел. Несколько лауреатов отобрали, они стали историографами во дворце Баохоа [11, с. 179].

Во второй половине XIV в. буддизм быстро утрачивал свои позиции. В это время среди представителей вьетской правящей элиты усиливается влияние неоконфуцианских доктрин [14, с. 910]. Однако буддизм не исчез из культурной жизни страны: распространение буддизма в период Чунг-хынг (1533–1788) династии Ле (1428–1788) связывают в том числе и с горой Фаттить. Так, в «Случайных записках о превратностях судьбы» (Танг тхьюнггау лук, авторы Фам Динь Хо и Нгуен Ан), собрании начала XIX в., приведён рассказ «Чаньский наставник господин Чжо»:

«Пагода Фаттить на горе Ланкха построена при Ли Ань-тонге (1138–1175. — *Е.К.*). Фиолетовый навес и жемчужный гребень черепичной крыши примыкали к горному ущелью. Императора отговаривали, но он, смеясь, говорил: “Это было давно мне суждено”.

В период *Чунг-хынг* при прошлой династии (1428–1788. — *Е.К.*) из Китая приплыл на лодке по морю чаньский наставник господин Чжо, перевез на юг более трех тысяч томов Трипитаки. Поднявшись на гору Ланкха, он внезапно прозрел и достиг просветления. Построил здесь скит, поселился в нем, прожив более года. Трипитаку наполовину съели крысы. Наставник вернулся в Китай, снова привез канонические сочинения на юг.

Благодаря заслугам этого наставника, уже после периода Ли — Чан (1010–1400. — *Е.К.*) буддизм вновь стал процветать.

Лауреат дворцовых экзаменов, получивший титул *чангнгуен* господин Нгуен Данг Дао из Хоайбао, в молодости обучался на чужбине. Дорога проходила через эту горную пагоду, наставник всегда радушно встречал и угощал его. Однажды студент в шутку написал иероглиф *хи-ен* — “подарок” — на дне шкатулки, поднес ее наставнику и вышел. Тот остановил его, попросив вернуться. Он сказал: “Этот иероглиф состоит из двух других; *нам* — “юг” и *кхюйен* — “собака”. Я точно знаю, вы станете лауреатом *чангнгуен* в южных землях, не хотите ли получить известность и при китайском дворе?»

Удивившись, господин поклонился и просил научить, что надо делать. Наставник вручил ему свиток, пояснив: “Это секретная книга, печатные доски сгорели в один из годов под девизами правления *Чун-чжэнь* (1628–1643. — *Е.К.*) и *Шунь-чжи* (1644–1661. — *Е.К.*). Запомните, что в ней написано”.

После этого господин преуспел на экзаменах, его отправили с посольством в Китай. Император династии Цин (1644–1911. — *Е.К.*) проявил к нему интерес, господин удостоился беседы,

свободно цитировал мысли людей прошлых лет и современников. Великий император похвалил его и щедро наградил. Всё в точности соответствовало словам наставника.

Наставник имел распространенную фамилию — Ли, имя его — Тянь Цзо — совпадает с посмертным именем Ань-тонга. Истинное тело и сейчас имеет такой же вид, как при жизни. Некоторые считали наставника последующим переждением Ань-тонга» [15, с. 309–310].

Гора Фаттить, славившаяся своими достопримечательностями, была традиционным местом прогулок. Как отмечает А.С. Мартынов, каждая актуальная для истории и истории культуры конфуцианская личность существовала как бы в двух ипостасях: *да чэнь* — «великий сановник», высокопринципиальная личность, на первое место ставившая служение людям в виде государственной службы, но ограничивавшая это служение возможностью практического воплощения своих идеалов; и *цзюй ши* — «учёный на покое», удалившийся от общественных дел на время или навсегда и культивирующий особое состояние своего сознания — *сянь* (дословно «досуг», «праздность») [16, с. 562]. Одной из форм выражения состояния *сянь*, во время которого конфуцианская личность проявляла склонность к «поискам странного и осмотру примечательного», были групповые «прогулки-блуждания» *ю* по знаменитым своею красотою местам. Эти прогулки несомненно имели даосский корень и являлись подражанием «беспредельным странствиям» или «блужданиям» в бесконечном (*сяою ю*), воспетым в первой главе Чжуан-цзы [16, с. 563–564]. Именно в даосизме характер жизни человека, устремленного к *дао*, определяется как странничество, а человек, причастный *дао*, осознает себя путником, случайным гостем и скитальцем в этом мире [17, с. 217]. Ко времени династии Тан (618–907) эти групповые прогулки изысканных компаний превратились в некий аналог чаньской

медитации, духовного просветления, при котором восстанавливалось единство с миром (*у во хэ и* — «вещи и я достигают единства») [16, с. 563].

В конце XVIII в. обстановка во Вьетнаме была очень нестабильна. Известный учёный, писатель Фам Динь Хо, который не сотрудничал с Тэйшонами (1788–1802), чувствовал себя ошеломленным бурными событиями, происходившими в стране. В эти тревожные времена ему пришлось жить в бедности. Впоследствии он вспоминал: «Начиная с года *ки-зау* под девизом правления *Ти-еу-тхонг* (1789. — *Е.К.*) я вынужден был зарабатывать себе на жизнь, скитаясь по разным местам. Так продолжалось долго, и только в год *динь-тин* (1797. — *Е.К.*) я вернулся к себе в деревню...» [18, с. 121]. Фам Динь Хо много странствовал, часто в сопровождении друзей. Он побывал в различных уголках своей родины, славящихся достопримечательностями, в частности, на горе Фаттить.

Этому путешествию посвящён один рассказ из сборника «Случайные записки о превратностях судьбы» — «Записки о прогулке к горе Фаттить», построенный в форме дневника. Он написан Фам Динь Хо сразу же после возвращения — в пятнадцатый день третьей луны 1796 г. — т.е. автор зафиксировал свои впечатления не во время поездки, а после возвращения — по воспоминаниям.

Путешествие носило развлекательный характер и не преследовало никаких практических или деловых целей. Он и сам замечает в конце своего дневника: «Краткие сведения о горе Фаттить изложены бессвязно — это то, что коснулось моих ушей, то, что попало мне на глаза. Но и они не бесполезны». Эмоциональную оценку излагаемого Фам Динь Хо даёт довольно редко. Очевидно, поэтому нет обращений к строкам известных поэтов, стихотворных вставок, как раз и подчеркивающих субъективный момент. Путевые заметки Фам Динь Хо записаны, в основном, по определённой схеме, связанной с временными и

пространственными координатами. Что же касается характеристик направления движения, то здесь, как и в ряде японских дневников, присутствуют «большой круг» — движение к постоянному месту жительства персонажа — и «малый круг» — возвратное движение к временному исходному пункту [19, с. 287]. Началом путешествия Фам Динь Хо и его друзей являлась столица, там же оно и закончилось. Временным же пристанищем служил храм госпожи Нгуен, куда герои возвращались после осмотра окрестных достопримечательностей. Основным моментом, организующим материал дневника, является время. Пространственные координаты вторичны, они группируют сообщения уже внутри временных помет. Принцип распределения материала в дневнике по временным отрезкам напоминает структуру исторического сочинения, где также самые разнородные сведения объединяются пометой времени. Однако, в отличие от исторических сочинений, Фам Динь Хо излагает события, следуя естественной смене впечатлений во время путешествия. «Записки о прогулке к горе Фаттить», вероятно, создавались и как памятные заметки для самого автора и в расчёте на читателя. Не случайно Фам Динь Хо писал по поводу сомнительных сведений: «привожу здесь это в расчёте на знающих людей», т.е. на тех, кто прочтёт записки.

В 1947 г. храм Фаттить был сожжен французами, с 1954 г. его начали постепенно восстанавливать. Позади святилища располагаются 32 ступы из камня и кирпича разного размера, большая часть построена в XVII в. В храме сохранились статуи времен династии Ли, например, статуя будды Амитабы высотой 185 см, одна из старейших на территории Северного Вьетнама. Кроме того, получили известность пять парных каменных скульптур животных, опустившихся на колени: львов, слонов, буйволов, лошадей и носорогов [2, с. 54–55]. Гора Фаттить и сегодня играет важную роль в буддийской культуре Северного Вьетнама.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кнорозова Е.Ю.* Буддизм и ранние вьетнамские библиотеки // Петерб. библ. шк. 2017. № 1(57). С. 131–137.
2. *Chùa Phật Tích* // Báo ảnh Việt Nam. Số 636. Tháng 12/2011.
3. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьетшыкитоантхы) / пер. с ханвьета и коммент. К.Ю. Леонова и А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова ; предисл., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Т. 3. М., 2002.
4. *Философия буддизма : Энциклопедия.* М., 2011.
5. *Соколовский А.Я.* Очерки по вьетнамской культуре. Владивосток, 2000.
6. *Швейер А.-В.* Древний Вьетнам. М., 2014.
7. *Федорин А.Л.* Некоторые проблемы истории Вьетнама X–XIII вв. // Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьетшыкитоантхы) / пер. с ханвьета и коммент. К.Ю. Леонова и А.Л. Федорина при участии М.Ю. Ульянова ; предисл., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Т. 3. М., 2002.
8. *Масперо А.* Религии Китая. СПб., 2004.
9. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Императорский миф и представления о сакральном пространстве в японской культуре // Синто: память культуры и живая вера. М., 2012.
10. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьетшыкитоантхы) / пер. с ханваня, коммент., вступ. ст. и прил. А.Л. Федорина. Т. 5. М., 2014.
11. *Ngô Sĩ Liên.* Đại Việt sử ký toàn thư. T. 2. Hà Nội, 1967.
12. *Волков С.В.* Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999.
13. *Поляков А.Б.* К проблеме начала распространения конфуцианства в Дайвьете // Вьетнамские исследования. Вып. 3. М., 2013.
14. *Благов С.А., Никитин А.В.* Буддизм во Вьетнаме // Философия буддизма : Энциклопедия. М., 2011.
15. *Кнорозова Е.Ю.* Странствия в бесконечном: Вьетнамская традиционная проза малых форм. СПб., 2009.
16. *Мартынов А.С.* Кисть и досуг «совершенного мужа» («Цзюнь-цзы») // Петербургское востоковедение. Вып. 7. СПб., 1997.
17. *Завадская Е.В.* Даосская поэтика странствий // Дао и даосизм в Китае. М., 1982.
18. *Phạm Đình Hổ.* Vũ trung tùy bút. Hà Nội, 1960.
19. *Горегляд В.Н.* Дневники и эссе в японской литературе XII–XIV вв. М., 1975.

ДОБРОЕ НАЧИНАНИЕ

(Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения / РНБ ; сост. и науч. ред. О.Н. Ильина ; ред. Г.А. Мамонтова. СПб., 2017. Вып. 1: Материалы научно-методического семинара, 18–19 октября 2016 г. 186 с.)

АННОТАЦИЯ

Рецензируемый сборник трудов обозначает новый этап в изучении личных библиотек — этап обобщения имеющегося эмпирического материала с целью выработки специализированной теоретической и методологической базы.

Ключевые слова: личные библиотеки, фонды библиотек, коллекции, атрибуция книг из личных библиотек, библиографическое описание книг из личных библиотек.

С большим удовлетворением хочется отметить начало выхода в свет продолжающегося издания, посвященного изучению личных книжных собраний. В состав его вошли материалы первого научно-методического семинара «Источники и методы изучения личных книжных собраний в составе государственных и общественных книгохранилищ», который был организован отделом редких книг Российской национальной библиотеки (РНБ) совместно с Научной библиотекой Русского географического общества. Заявленный в 2018 г. второй семинар подтверждает серьезность намерений организаторов, стремящихся способствовать переходу от описания сугубо эмпирических результатов работы с личными собраниями в составе крупных книгохранилищ, что характерно в настоящее время большинству публикаций данной проблематики, к теоретико-методическим обобщениям с последующей выработкой общих принципов и методов работы. Об этом говорится в статье «От составителя», где также обозначены имеющиеся основные проблемы, без решения которых будет сложно сформировать профессиональное научное сообщество, вооруженное специализированной теоретической и методологической базой.

В состав сборника вошло 12 статей, авторы которых представляют РНБ, Библиотеку Российской академии наук (БАН), Центральную военно-морскую библиотеку (ЦВМБ) и Фундаментальную библиотеку С.-Петербургского государственного технологического института (ФБ СПбГТИ). Фонды каждой из названных библиотек располагают серьезным потенциалом для проведения исследований заявленной тематики.

Особый интерес представляют две первые статьи, носящие теоретико-методологический характер. Первая из них — «Основные группы источников поиска материалов о личных библиотеках» направлена на раскрытие репертуара и информационных возможностей источников, которые могут оказать исследователям помощь в ходе выявления и изучения личных собраний. Ее автор — старший научный сотрудник сектора книговедения отдела редких книг РНБ, кандидат педагогических наук О.Н. Ильина — является признанным специалистом в области изучения личных библиотек, составителем библиографического указателя «Изучение личных библиотек в России» (СПб., 2008). Источники объединены в условно выделенные группы по степени концентрации в них информации

о личных библиотеках и характера этой информации: фактографические, библиографические и изобразительные.

Автор второй статьи — старший научный сотрудник Центра генеалогических исследований РНБ А.В. Краско — рассказывает о генеалогических справочниках, которые могут быть использованы в ходе изучения личных библиотек, для чего чрезвычайно важно реконструировать биографию владельца, найти данные о его родственных и иных связях. Хронология обозреваемых источников охватывает более трех веков: с XVIII в. по настоящее время.

Основной объем сборника составляют статьи, авторы которых докладывают результаты собственного опыта работы с книгами из личных библиотек. Е.М. Медведева — библиотекарь сектора старопечатных книг отдела редких книг РНБ, основываясь на анализе приобретений, сделанных Императорской публичной библиотекой в период с XIX по XXI в., представляет историю формирования коллекции кириллических книг. В хронологическом порядке автор описывает наиболее значимые поступления; представляет биографии дарителей; дает количественную и качественную характеристику поступивших собраний, особенно выделяя наиболее ценные и значимые экземпляры; описывает судьбу некоторых собраний в составе фонда РНБ. Научный сотрудник этого же сектора Г.А. Фафурин анализирует особенности хранящихся в РНБ книг гражданской печати первой четверти XVIII в., которые свидетельствуют об их принадлежности к личным библиотекам. Это владельческие переплеты, экслибрисы, супер-экслибрисы, инскрипты, маргиналии, читательские пометы и другие надписи, позволяющие проследить путь книги, ее принадлежность к той или иной личной библиотеке.

Целая группа статей написана сотрудниками Славянского фонда отдела фондов и обслуживания БАН. Е.А. Лисиченок рассказывает о книжном собрании

Юзефа Жабы, которое до этого подробно нигде не описывалось. На основе генеалогических справочников автору удалось воссоздать биографию собирателя; проследить историю бытования библиотеки — «весьма запутанный путь <...> к тому, чтобы стать достоянием Славянского фонда БАН». Д.Ю. Чернышенко описывает результаты работы по реконструкции части книжного собрания П.А. Сырку — приват-доцента С.-Петербургского университета, сотрудника БАН, которая поступила в библиотеку в 1906–1907 гг. и была рассеяна в соответствии с принятым языковым принципом расстановки. Представив кратко биографию собирателя, автор останавливается на тех проблемах, с которыми пришлось столкнуться в ходе разысканий (неполное оформление учетной документации соответствующего периода, отсутствие единой техники исполнения переплетов). М.В. Колмакова рассказывает о библиотеке казанских славистов М.П. и Н.М. Петровских, книги из личной библиотеки которых, став заложниками государственной политики, пережили несколько перемещений, поводом для этого становились все более усиливающиеся гонения со стороны советской власти на славяноведение. Каждый из авторов в ходе рассказа останавливается на особенностях экземпляров, позволяющих говорить об их принадлежности к той или иной библиотеке, выделяет признаки, подтверждающие правильность атрибуции.

Е.В. Чилиева — заведующий отделом фондов и обслуживания БАН — представляет опыт выявления и описания книг из личной библиотеки лингвиста, этнографа, фольклориста Э.А. Вольтера, служившего в БАН с 1877 по 1918 г. и намеревавшегося «собрать все издания на балтийских языках в одном фонде», делает акцент на уникальных находках, сделанных в процессе поиска.

Младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела редкой книги БАН Ю.А. Долгих описывает особенности экземпляров из собрания

Рецензии

диакона Николаевского собора Трифиллия Кедрова. Используя термин «рисованный экслибрис», автор дает подробную характеристику книжного знака, которыми владелец помечал рукописные книги.

Две статьи посвящены раскрытию фондов ЦВМБ. С.Б. Байкова рассказывает о разысканиях, отправной точкой для которых стали книги с суперэкслибрисом «Дворец Коттедж». Атрибуция его потребовала от исследователя анализа изображений собственных дач августейших особ в период с 1800 по 1892 г. Н.Н. Рыжикова описывает методику формирования коллекции Ю.М. Шокальского, в состав которой вошли книги с владельческими надписями, пометами, автографами и т.д.

Заведующий сектором редкой книги ФБ СПбГТИ (ТУ) И.Б. Муравьева дает обзор переданных в разный период в библиотеку книг, содержащих свидетельства принадлежности к личным библиотекам. Среди дарителей А.И. Бутковский — директор Департамента мануфактур и торговли при Министерстве финансов; известный математик, механик и

изобретатель, директор Технологического института И.А. Вышнеградский, профессор того же института А.Ф. Гассельблат, инженер-технолог С.О. Гулишамбаров и другие деятели науки и техники. В каждом случае автор характеризует особенности экземпляров, свидетельствующих об их принадлежности к той или иной личной библиотеке.

Особо следует отметить, что большинство опубликованных в сборнике материалов снабжено иллюстрациями, что обеспечивает визуальное восприятие описываемых экслибрисов, суперэкслибрисов, владельческих помет, инскриптов.

Интерес к представленным в сборнике материалам выходит далеко за пределы сугубо библиотековедческой проблематики. Бесспорно, статьи привлекут внимание историков, искусствоведов, библиофилов, краеведов, экслибрисистов. Также хотелось бы надеяться, что расширится коллектив авторов, желающих не только поделиться результатами своих разысканий личных библиотек, но и формирующих теоретико-методологическую базу этого увлекательного научного направления.

ЭКСКУРСИЯ ПО БИБЛИОТЕЧНОМУ ПЕТЕРБУРГУ

АННОТАЦИЯ

Впечатления участника экскурсии, прошедшей в рамках «Черкесовских чтений: к 150-летию Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского». Экскурсия была подготовлена и проведена Мариной Николаевной Сухаревой, начальником отдела управления библиографическими информационными службами ЦГПБ им. В.В. Маяковского.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Библиотека Российской академии наук, Центральная городская библиотека имени В.В. Маяковского, Черкесовские чтения 2018, экскурсия, библиотеки Санкт-Петербурга.

15 марта 2018 г. в рамках «Черкесовских чтений: к 150-летию Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского» (13–15.03.2018) прошла автобусная экскурсия «Библиотечный Петербург: традиции и новации». На экскурсию в пункте сбора у станции метро «Василеостровская» собрались как участники конференции, так и работники библиотек города, желавшие познакомиться с новым видением библиотечного облика северной столицы. Марина Николаевна Сухарева, сотрудник библиотеки Маяковского, встретила нас в качестве экскурсовода.

Первой остановкой стала Библиотека Российской академии наук как старейшая в нашем городе. Очень приятно было, что поездка началась именно с нашей Библиотеки. Поведав о первых годах БАН (например, отметив первую книговыдачу, вылившуюся в первый невозврат), экскурсовод пунктиром прошёлся по её истории. Любопытные факты расцвечивали без того интересную судьбу нашего учреждения. По словам экскурсовода, в начале XX в. Роберт Робертович Марфельд, архитектор будущего здания БАН, сам возглавлял комиссию, принявшую решение об окончательном сносе старого Гостиного двора («Рыбных рядов») и возведении на их месте совершенно нового строения.

Затем автобус высадил экскурсантов на Дворцовой площади. Шел снег, дул пронизывающий ветер. Экскурсовод остановил нас, указал на окно Эрмитажа, скрывавшее некогда за собой библиотеку Екатерины II, и повёл свой захватывающий рассказ. Было очень увлекательно, но очень холодно. Мне запомнился случай, ярко характеризующий просветительский характер деятельности Екатерины Великой. Как-то раз один из служителей не распахнул двери перед своей императрицей и вовсе её не заметил, будучи увлечён чтением. Вместо того чтобы просто пройти мимо, Екатерина пришла к мысли устроить отдельную библиотеку для служащих Зимнего дворца. Приятно было сознавать, что часть Служительской библиотеки Эрмитажа хранится именно в нашем отделе (ею в настоящее время занимается с.н.с. Татьяна Васильевна Кульматова).

Услышав напоследок рассказ об истории библиотеки Генерального штаба и Эрмитажной библиотеки, мы, наконец, завершили переход площади. Автобус увёз нас напрямиком ко дворцу князя Д.К. Кантемира, где в наши дни расположен библиотечно-информационный факультет СПбГИК. Внутри нас уже ждали. Иван Евгеньевич Прозоров начал непосредственно с основания Миллионной улицы при Петре I, что само

Информация

по себе даёт представление о полноте его повествования. Интересно, что здание оказалось причастно к библиотечному делу ещё до революции и основания института. Именно там начал свои заседания в 1903 г. «Кружок любителей русских изящных изданий». Мы задержались в стенах Библиотечно-информационного факультета (БИФ) дольше, чем рассчитывали, к чему располагали как любопытность рассказа, так и великолепие интерьеров (в фотографиях весь наш маршрут можно проследить В Контакте по ссылке: https://vk.com/wall-156793233_209).

Затем наш путь лежал в Библиотечно-информационный и культурный центр искусства и музыки (БИКЦИМ) — филиал ЦГПБ им. В.В. Маяковского. Расположенный в здании Голландской реформаторской общины, возведённом Павлом Петровичем Жако в 1834 г., он отличается исключительным великолепием интерьеров. Отреставрированная недавно ротонда (под куполом) пуста и поистине велика, помещения же с читателями замечательно удобны и современны.

В БИКЦИМ хранятся не только книги по искусству и ноты (в том числе XIX в.), но и CD-диски и даже грампластинки. Также там регулярно проходят выставки живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

Экскурсия продолжилась в главном здании библиотеки Маяковского, где экскурсовод провёл нас по посвященной её 150-летию экспозиции. Вполне представляема подробность рассказа нашего гида

о судьбе его родной библиотеки. Витрины были организованы в соответствии с основными периодами истории учреждения.

Потом мы посетили недавно открывшуюся библиотеку им. Даниила Гранина на Дальневосточном проспекте. Фотографии из его архива на стенах позволяют внимательному читателю узнать, например, о знакомстве Гранина с Грэмом Грином и его женой Вивьен. В уголке под стеклом находятся личные вещи писателя и последние издания его книг.

Завершилась экскурсия в Охта Lab — культурно-образовательном пространстве, расположенном в торговом центре «Охта Молл». Его библиотекари поведали нам о своеобразной верности торговому центру, выражающейся, например, в участии библиотеки в таких мероприятиях, как большой летний фестиваль «О, да! Еда!». Также нас уведомили о свободе проектной деятельности и реализации собственных идей для сотрудников Охта Lab. Затем, как бы в качестве иллюстрации к своим словам, устроили для нас перфоманс-читку («Актёрский тренинг для всех желающих: читаем по ролям»). При активном участии библиотекаря добровольцы получили случайные роли (к примеру, «женщина-телохранитель»), случайные книги (например, «Вся правда о нас» Макса Фрая) и минуту на чтение вслух. Перфоманс прошёл в тёплой, дружественной атмосфере, полной смеха и веселья.

Таким образом, экскурсия познакомила нас с ярчайшими чертами традиций и новаций библиотечного Петербурга и оставила самые приятные впечатления.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Научные исследования

Скрьдлов А.Ю. Из истории издательской деятельности Санкт-Петербургской Академии наук: к 290-летию выхода первого академического календаря

Скрьдлов Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, сектор истории Академии наук и научных учреждений

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург,
В.О., Университетская наб., д. 5
e-mail: askrydlov@gmail.com

Skrydlov A. Calendar's publishing history in St.-Petersburg Academy of Sciences: To the 290th anniversary of the first academic calendar

Skrydlov Andrey — Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Sector of Academy of Sciences History

Saint-Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
Russian Academy of Sciences

5, Universitetskaya Embankment,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: askrydlov@gmail.com

ABSTRACT

The article provides the comprehensive study of St.-Petersburg Academy of Sciences' publishing activity, the calendars and menologies issue. Using a wide range of both published and manuscript sources the author considers the circumstances of the imperial order obtaining to publish the first calendar, examines the different calendars types evolution, analyzes the academic discussions concerning the goals and forms of using the calendar privilege.

Keyword: St.-Petersburg Academy of Sciences, publishing history, calendars and menologies, address-calendars, The Academic Calendar Committee.

Данилов И.А. Генеалогия саксонских знатных протестантских родов в трудах немецких ученых XVI–XVII вв. (по материалам НИОРК БАН)

Данилов Игорь Алексеевич — младший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел редкой книги

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1

e-mail: igordanilov1990@gmail.com

Danilov I. Genealogy of Saxon noble protestant families in the works of German scientists of the 16th–17th centuries (by the materials of RDRB RASL)

Danilov Igor — Junior Researcher of the Research Department of Rare Book Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: igordanilov1990@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to German scientists who worked in the territory of Saxony in the 16th–17th centuries and created the first fundamental works on the genealogy of protestant noble families of the Electorate. Their search, along with essays on the neighboring lands of the region, laid the foundation for German historical science. Rare editions of these early historiographical studies are stored in the collection of RDRB RASL.

Keyword: rare genealogical works, Russian Academy of Sciences Library (RASL), Saxony, Early modern period, protestant nobility, Cyriacus Spangenberg, Petrus Albinus, Lorenz Pecenstein, Anton Weck.

Жуков А.Е. Архив Н.К. Никольского в НИОР БАН (Ф. 87)

Жуков Артем Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел рукописей

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,

В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: artemnovgor@inbox.ru

Zhukov A. The archive of N.K. Nikolsky in the Manuscript Department of Russian Academy of Science Library

Zhukov Artem — Candidate of Historical Science, Researcher of the Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: artemnovgor@inbox.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the review of research materials of the academician N.K. Nikolsky archives held by NIOR RASL. Recently, these materials have been formed into the fund, and this article characterized this fund. The author gives a biographical note on academician N.K. Nikolsky, describes the history of the fund and discloses its content.

Keyword: historiography, academician N.K. Nikolsky, archive fund.

Батюто С.А. Альфред Людвигович Бём: новые штрихи к биографии и научной деятельности

Батюто Сергей Анатольевич — ведущий редактор, Редакционно-издательский отдел

Библиотека Российской академии наук
199034 Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: SBatjuto@yandex.ru

Batyuto S. Alfred Ljudwigovich Bem: new strokes to the biography and scientific activities

Batyuto Sergey — Managing Editor of the Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: SBatjuto@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to publication of the document from fund 377 of S.A. Vengerov (Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature — Pushkin House, St.-Petersburg) introduces to «autobiography» of A.L. Bem before his emigration in 1920.

Keyword: Alfred Wilhelm Ljudwigovich Bem, autobiography, service record, assistant librarian of the 1st branch of the RASL, academic curator of the Manuscript Department.

Тилева Е.А., Заборовская В.А. Влияние повреждений документа на субъективную оценку его содержания

Тилева Екатерина Анатольевна — кандидат биологических наук, заведующий, Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов

Заборовская Виктория Александровна — художник-реставратор, Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: tilekaterina@ya.ru
vikaz@yandex.ru

Tileva E.A., Zaborovskaya V.A. The influence of deterioration of paper document on the subjective evaluation of its content

Tileva Ekaterina — Candidate of Biological Sciences, Chief of the Scientific Department of the Preservation and Restoration of Library Funds

Zaborovskaya Victoria — Restorer of the Scientific Department of the Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: tilekaterina@ya.ru
vikaz@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses results of the experimental study on the comparison of subjective perceptions and evaluations damaged and restored document. It is shown that the deterioration of the paper document affect the perception of image content.

Keyword: document, document preservation, restoration, conservation, document restoration, deterioration of paper document, perception, mental processes, psychology of perception.

Книжные коллекции, собрания и библиотеки в Основном фонде БАН (по материалам круглого стола)

Афанасьева И.В., Новоселова А.Н. Письмо, найденное в Иностранном фонде Библиотеки Российской академии наук
Афанасьева Ирина Владимировна — главный хранитель, Иностранный фонд, Отдел фонда и обслуживания
Новоселова Анна Николаевна — главный хранитель, Газетный фонд, Отдел фонда и обслуживания
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: irina_afanaseva_657@mail.ru
novoselova.an@gmail.com

Afanasieva I., Novoselova A. A letter found in a Foreign Fund of the Russian Academy of Sciences Library

Afanasieva Irina — Chief Curator of Foreign Fund of the Department of Funds and Services

Novoselova Anna — Chief Curator of the Newspaper Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: irina_afanaseva_657@mail.ru
novoselova.an@gmail.com

ABSTRACT

During the documentary verification in the Foreign Fund of the RASL was found a French edition with a letter inside. This document laid the foundation for the whole study, the initial results of which presented in this article.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Department of Funds and Services, Foreign Fund, letter, Anna Ivanovna Kolzakova (1807–1879).

Ашихмин А.А. Сатирические газеты начала XX в. в Газетном фонде Библиотеки Российской академии наук

Ашихмин Алексей Алексеевич — аспирант Института истории СПбГУ, библиотечарь, Газетный фонд, Отдел фонда и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: alexseyashihmin@mail.ru

Ashikhmin A. Satirical newspapers of the early 20th c. in the Russian Academy of Sciences Library's Newspaper Fund

Ashikhmin Aleksey — Postgraduate Student of the Institute of History of SPBU, Librarian of the Newspaper Fund of the Department of Funds and Services
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: alexseyashihmin@mail.ru

ABSTRACT

The satirical newspapers of the early 20th century were revealed during the scientific work in the Russian Academy of Sciences Library's Newspaper Fund. In the article these editions are classified by structure and content. The Appendix contains the list of identified publications.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Newspaper Fund, satirical newspapers, political cartoon, history of journalism.

Ермошина Е.В. Книжные коллекции, библиотеки и собрания в Основном фонде БАН

Ермошина Елена Владимировна — заведующий, Отдел фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: chiev70@yandex.ru

Ermoshina E. Book collections and libraries in the Main found of RASL

Ermoshina Elena — Head of the Department of Funds and Services
Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: chiev70@yandex.ru

ABSTRACT

The theses reflect the main stages of identifying and describing publications from private libraries and book collections held in the main and specialized funds of the Department of Funds and Services made by its staff, current and long-term plans for research work aimed at disclosing RASL funds are also characterized.

Keyword: book collections of the main fund of the Russian Academy of Sciences Library, study, description of private libraries, electronic catalog of RASL.

Жабрева С.А. Штампы и пометы книжных собраний и частных коллекций в библиотеке Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества
Жабрева Софья Александровна — библиотечкарь, Славянский фонд, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: sofiazhabreva@mail.ru

Zhabreva S. The stamps and inscriptions from private libraries and book collections in the Library of Slavic Charitable Society
Zhabreva Sofia — Librarian of the Slavic Literature Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: sofiazhabreva@mail.ru

ABSTRACT

The article shows the stamps and inscriptions of different persons and organizations, which more often could be found on the books from the Library of Slavic Charitable society.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Slavic Charitable society, book collections, private libraries, book stamps.

Колмакова М.В. Книжные коллекции, библиотеки и собрания в Славянском фонде БАН

Колмакова Мария Владимировна — заведующий, Сектор славянского фонда, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: kolmakovamv@yandex.ru

Kolmakova M. Book collections and libraries in the Fund of Slavic Literature of the RASL

Kolmakova Maria — Head of the Sector Slavonic Literature Fund of the Department of funds and services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: kolmakovamv@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the one of the most important activities of the Slavic Literature Fund of RASL — researching of publications that originates from libraries, book and personal collections. These publication allow us to talk about the unique repertoire of the fund and its topicality for modern researchers.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Department of Funds and Services, Slavic Literature Fund, book collection, library.

Красникова О.А. Как складывалось картографическое собрание Библиотеки Российской академии наук

Красникова Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук, заведующий, Сектор картографического фонда, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: okras05@mail.ru

Krasnikova O. How formed the cartographical collection of the Russian Academy of Sciences Library

Krasnikova Olga — Head of the Sector of Cartographical Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: okras05@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the history of cartographical collection of the Russian Academy of Sciences Library, the sources of its collection, including personal collections and collections.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Department of Foundations and Services, cartographical collection.

Лисиченок Е.А. Шляхетская усадебная библиотека XIX столетия (на примере библиотеки Юзефа Жабы)

Лисиченок Елена Александровна — аспирантка, Институт истории СПбГУ, библиотечкарь, Славянский фонд, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: elisichenok@gmail.com

Lisichenok E. Manor library of polish nobleman in the 20th century (on the example of the library of Józef Żaba)

Lisichenok Elena — Postgraduate Student of the Institute of History of SPSU, Librarian of the Slavic Literature Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: elisichenok@gmail.com

ABSTRACT

On the example of the library of Józef Żaba, this article examines the category of libraries that were assembled in patrimonial estates and belonged to the educated polish gentry.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Żaba Józef (1798–1880), manor library, Vitebsk Region libraries.

Новоселова А.Н. Книжные коллекции как один из источников комплектования Газетного фонда БАН

Новоселова Анна Николаевна — главный хранитель, Газетный фонд, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: novoselova.an@gmail.com

Novoselova A. Book collections as one of the sources of Newspaper Fund Setting of the Russian Academy of Sciences Library

Novoselova Anna — Chief Curator of the Newspaper Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: novoselova.an@gmail.com

ABSTRACT

Newspaper Fund of the RASL was formed in the middle of the 20th century and included many publications that originate from various collections and libraries. This article reflects the results of the work of Newspaper Fund's staff on the study of such publications.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Department of Funds and Services, Newspaper Fund, sources of acquisition, book collections.

Попова Е.К. Ознакомительный доклад, посвященный собраниям, представленным в Фонде отечественных монографий БАН

Попова Елена Константиновна — заведующий, Сектор диспетчеризации, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: klushak@yandex.ru

Popova E. A preliminary report about the book collection held by the Funds of the Russian monographs of RASL

Popova Elena — Head of the Dispatching Sector of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: klushak@yandex.ru

ABSTRACT

The collection of domestic monographs of RASL held many valuable and unique publications. Some of them originated from personal libraries and book collections. The identifying such publications was not a profile work for the fund's employees for a long time, so now we managed the identifying these specimens only in separate holdings of the fund.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Department of Funds and Services, Fund of Russian Monographs.

Тогузаева А.К. Книготорговец Василий Иванович Клочков

Тогузаева Асият Кайсыновна — библиотекарь, Отдел фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: asiyat-t85@mail.ru

Тогузаева А. Book seller Vasily Ivanovich Klochkov

Тогузаева Асият — Librarian of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: asiyat-t85@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the activity of the well-known bookseller V.I. Klochkov. In the Fund of Russian Monographs there are publications that were previously purchased from V.I. Klochkov.

Keyword: Russian Academy of Sciences Library, Department of Funds and Services, Fund of Russian Monographs, Vasily Ivanovich Klochkov (1861–1915).

Чернышенко Д.Ю. Опыт выявления экземпляров, происходящих из личной библиотеки П.А. Сырку, в фондах БАН

Чернышенко Дарья Юрьевна — ведущий библиотекарь, Славянский фонд, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: gaal.freude@gmail.com

Chernyshenko D. P.A. Syrku's library books in the funds of RASL: the experience of identifying

Chernyshenko Daria — Librarian of the Slavic Literature Fund of the Department of Funds and Services

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: gaal.freude@gmail.com

ABSTRACT

The library P.A. Syrku was formed gradually during numerous trips to the Yugoslav lands and European book depositories. After scientist death, his personal library was acquired by the St.-Petersburg University and the Academy of Sciences Library. Books from his collection have a number of characteristic owner's inscriptions. The article describes experience of identifying books from the collection of P.A. Syrku in the Slavic literature and Foreign Funds of the Russian Academy of Sciences Library.

Keyword: P.A. Syrku (1855–1905), private collections of scientists, St.-Petersburg University, Russian Academy of Sciences Library, Slavic studies.

Изучаем Восток

Виноградова Т.И. Е Дэхуй. Десять руководств для тех, кто собирает книги (перевод с китайского и комментарии)

Виноградова Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, заведующий, Отдел литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

Vinogradova T. «Ten guides for book collectors» (Cangshushiyue) / Ye Dehui

Vinogradova Tatiana — Candidate of Historical Sciences, Head of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

ABSTRACT

The first part (Author's preface and Chapter 1) of the annotated translation of famous Chinese bibliophile and book historian Ye Dehui's (1864–1927) work «Ten guides for book collectors» (Cangshushiyue) is published. The translation of other parts of this book will be published.

Keyword: Ye Dehui (1864–1927). Chinese bibliography. Book history. Bibliophilia. Book acquisition.

Кнорозова Е.Ю. Гора Фаттить — культурный центр традиционного Вьетнама

Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Отдел литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: knorozova@yandex.ru

Knorozova K. Mount Fattit — the cultural center of traditional Vietnam

Knorozova Katherine — Candidate of Philological Sciences, Researcher, Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: knorozova@yandex.ru

ABSTRACT

Mount Fattit is a famous Buddhist center. During the Li dynasty (1010–1225) the temples and book depository for the Tripitaka were built here. The 14th century work «Recordings made at leisure in the palace of Baohoa» is correlated with Mount Fattit. The spreading of Buddhism during the Chung-hing period (1533–1788) of the Le dynasty is associated, including, with the Mount Fattit.

Keyword: Buddhist center, Mount Fattit, library, temple, monk, tourist attraction.

Рецензии

Бекжанова Н.В. Доброе начинание
Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, заведующий, Отдел научной систематизации литературы Библиотека Российской академии наук 199034, Санкт-Петербург, В.О., Биржевая линия, д. 1
e-mail: bekzan17@rambler.ru
onsl@rasl.nw.ru

Bekzhanova N. Good initiative
Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Systematic Catalog Russian Academy of Sciences Library 1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island, St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: bekzan17@rambler.ru
onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The reviewed proceedings of the conference represents a new stage in the study of personal libraries — the stage of generalization of

empirical material for the formation a theoretical and methodological system.

Keyword: private libraries, collections, attribution of books from private libraries, bibliographic description of books from private libraries.

Информация

Люлеев М.В. Экскурсия по библиотечному Петербургу

Люлеев Михаил Валентинович — библиотекарь, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург,
В.О., Биржевая л., д. 1
e-mail: m.lyuleev@yandex.ru

Luleev M. The tours around library St.-Petersburg

Luleev Michael — Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library
1, Birzhevaya liniya, Vasilievsky Island,
St.-Petersburg, Russia, 199034
e-mail: m.lyuleev@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the impressions as a participant of the excursion, which took place within the framework of the «Cherkesov Readings: to the 150th anniversary of the V.V. Mayakovsky Central City Public Library». This excursion was prepared and conducted by Head of the Management of Bibliographic Information Services Department of the V.V. Mayakovsky Central City Public Library Marina N. Sukhareva.

Keyword: St.-Petersburg, Russian Academy of Sciences Library, V.V. Mayakovsky Central City Public Library, Cherkesov Readings 2018, excursion, Libraries of St.-Petersburg.

